

Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
(ИККА РАН)
www.iccaras.ru

Научный информационно-аналитический журнал «Корееведение» издаётся ежеквартально с 2022 г. Журнал посвящён новейшим исследованиям в области корееведения и будет актуален как для экспертов в области международной политики, экономики, истории, культуры, так и для широкого круга читателей, интересующихся странами Корейского полуострова. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

URL: <https://www.koreanology.ru>

- Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
Научную электронную библиотеку eLibrary.ru

Главный редактор: Асмолов К.В., к.и.н. (Россия).

Заместитель

Главного редактора: Федюнина М.А. (Россия)

Редакционная коллегия: Дьячков И.В., к.и.н, доц. (Россия); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Ким Ен Ун, к.филос.н. (Россия); Самсонова В.Г., к.э.н. (Россия); Семина Л.И. (Россия); Стрельцов Д.В., д.и.н., проф. (Россия).

Редакционный совет: Бабаев К.В. (*председатель*), д.филол.н., проф. (Россия); Акуленко В.С., к.и.н. (Россия); Воронцов А.В., к.и.н., доц. (Россия); Захарова Л.В., к.э.н., доц. (Россия); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Кукла М.П., к.э.н. (Россия); Курбанов С.О., д.и.н., проф. (Россия); Петровский В.Е., д.полит.н. (Россия); Портяков В.Я., д.э.н. (Россия); Соловьев А.В. (Россия); Синякова А.Ф., к.э.н., доц. (Россия); Толорая Г.Д., д.э.н., проф. (Россия); Толстокулаков И.А., д.и.н., проф. (Россия); Ом Гу Хо (Сеул, Республика Корея); Пак Чон Су (Сеул, Республика Корея); Чхвэ Чжэ Док (Иксан, Республика Корея).

Редакция: Иванова Н.И., Шкатов Д.Е., Ширикалова А.А., Тарасов С.Ю.

Специальности ВАК:

05.02.00 Экономика

05.05.00 Политология

05.06.00 Исторические науки и археология

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

ISSN 2949-1010 электронная версия

ISSN 2949-2025 печатная версия

DOI: 10.48647/ICCA.2025.16.65.001

© ИККА РАН

© МГИМО МИД

Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences
(ICCA RAS)
www.iccaras.ru

The scientific information and analytical periodical “**Koreanology**” is published quarterly since 2022. The journal is dedicated to the latest research in Korean studies and will be relevant both for experts in the field of international politics, economics, history, culture, and for a wide range of readers interested in the countries of the Korean Peninsula. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of China and Contemporary Asia RAS,
Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia

URL: <https://www.koreanology.ru>

- Included in Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru”

Editor-in-chief: Asmolov K.V. (Russia), PhD (History)

Deputy editor-in-chief: Fediunina M.A.

Editorial Board: Dyachkov I. (Russia), PhD (History); Zhebin A. (Russia), PhD (Political science); Kim En Un (Russia), PhD (Philosophy); Samsonova V. (Russia), PhD (Economics); Semina L. (Russia); Streltsov D. (Russia), DSc (History).

Editorial Council: Babaev K. (Russia), DSc (Philology), Prof., (*Chairman*); Akulenko V. (Russia), PhD (History); Vorontsov A. (Russia), PhD (History); Zakharova L. (Russia), PhD (Economics); Kistanov V. (Russia), DSc (History); Kukla M. (Russia), PhD (Economics); Kurbanov S. (Russia), DSc (History), Prof.; Petrovsky V. (Russia), DSc (Political Science); Portyakov V. (Russia), DSc (Economics); Solovyov A. (Russia); Sinyakova A. (Russia), PhD (Economics); Toloraya G. (Russia), DSc (Economics), Prof.; Tolstokulakov I. (Russia), DSc (History), Prof.; Gu Ho Eom (Seoul, Republic of Korea); Chong Soo Park (Seoul, Republic of Korea); Jae Duk Choi (Iksan, Republic of Korea).

Editors Office: Ivanova N.I., Shkatov D.E., Shirikalova A.A., Tarasov S.Y.

Scientific specialities (VAK):

05.02.00 Economic sciences

05.05.00 Political science

05.06.00 Historical sciences and archeology

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

The Editorial Board's opinion may not coincide with the authors' point of view.

ISSN 2949-1010

ISSN 2949-2025

DOI: 10.48647/ICCA.2025.16.65.001

© ICCA RAS

© MGIMO University

СОДЕРЖАНИЕ

История

- Грачев М.В., Коростелёва М.Д.* Военное правление в государстве Корё и Японии периода Камакура: сравнительный анализ 5
- Гришина Д.Е., Чумаченко Д.Д.* Фракционное соперничество периода правления Ёнсан-гуна и его влияние на политический курс правителя Чосон, 1495—1506 гг. 20
- Ким Е.У., Каскевич М.А.* Идеология и политическая деятельность Чхинчхонпха в XIX в. 32
- Шкатов Д.Е.* «Ревизионизм» и «великодержавность»: потенциальные источники исторических обид в советско-северокорейских отношениях в 1950—1960-е гг. 42

Экономика

- Губин А.В.* Перспективы выхода Республики Корея в лидеры на мировом рынке вооружений 54

Культура

- Наумчик А.Е.* Политика РК по глобализации традиционного алкоголя 72

CONTENTS

History

- Grachev M., Korosteleva M.* Military rule in the Koryo state and Japan
of the Kamakura period: a comparative analysis 5
- Grishina D., Chumachenko D.* Factional Rivalry During the Reign
of Yōnsan-gun and Its Impact on the Political Course
of the Chosōn Ruler, 1495—1506 20
- Kim E., Kaskevich M.* Ideology and political activity of Chincheongpa
in the 19th century 32
- Shkatov D.* “Revisionism” and “great-powerness”: potential sources
of historical grievances in Soviet-North Korean relations in the 1950s—1960s 42

Economy

- Gubin A.* The prospects for the Republic of Korea's leadership
in the global arms market 54

Culture Studies

- Naumchik A.* Policy of the Republic of Korea for globalization
of traditional alchocol drinks 72

М.В. Грачев, М.Д. Коростелёва

Военное правление в государстве Корё и Японии периода Камакура: сравнительный анализ

Аннотация. В статье анализируется специфика системы военного правления в государстве Корё (1170—1270) и Японии периода Камакура (1185—1333). Такое сопоставление представляет несомненный интерес в контексте динамики внутри- и внешнеполитических процессов, протекающих в Корее и Японии в исследуемые периоды. Авторы акцентируют внимание на факторах, которые привели к военному перевороту 1170 г. в Корё и доминированию в Японии военно-служилого сословия в социально-политической сфере после завершения шестилетней войны (1180—1185). Исследование показало, что военные режимы в Корё и Японии обнаруживают ряд тождественных черт, как, например, политика, проводимая для укрепления и стабилизации военного правления в контексте реформирования органов власти. В то же самое время по способу организации режимы принципиально отличались: *бакуфу* долгое время не имело абсолютной власти, а управление осуществлялось из двух центров — Камакура и Киото; в Корё, напротив, военная элита правила из столицы и полностью контролировала ванский двор.

Ключевые слова: военное правление Корё, *гокэнин*, диктатура рода Чхве, Камакура *бакуфу*, Минамото Ёритомо, Чхве Чхунхон, Хо:дзё:.

Авторы: Грачев Максим Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; доцент кафедры стран Восточной Азии Государственного академического университета гуманитарных наук. ORCID: 0000-0002-1092-9046. E-mail: maxgr73@mail.ru

Коростелёва Марина Дмитриевна, студентка, Государственный академический университет гуманитарных наук. ORCID: 0009-0000-9426-7969.
E-mail: m.korosteleva1@gmail.com

Благодарности. Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Грачев М.В., Коростелёва М.Д. Военное правление в государстве Корё и Японии периода Камакура: сравнительный анализ // *Корееведение*. 2024. № 4 (9). С. 5—19. DOI: 10.48647/ICCA.2025.73.66.002.

M.V. Grachev, M.D. Korosteleva

Military rule in the Koryo state and Japan of the Kamakura period: a comparative analysis

Abstract. The article analyzes the specifics of the military rule system in the state of Koryo (1170—1270) and Japan during the Kamakura period (1185—1333). Such a comparison is of undeniable interest in the context of the dynamics of domestic and foreign policy processes occurring in Korea and Japan during the periods under study. The authors focus on the factors that led to the military coup of 1170 in Koryo and the dominance of the military-service class in Japan in the socio-political sphere following the conclusion of the six-year war (1180—1185). The study demonstrates that the military regimes in Koryo and Japan exhibit a number of identical features, such as the policies pursued to strengthen and stabilize military rule in the context of reforming government bodies. At the same time, the regimes were fundamentally different in their methods of organization: the bakufu did not possess absolute power for an extended period, and governance was carried out from two centers — Kamakura and Kyoto; in Koryo, by contrast, the military elite ruled from the capital and completely controlled the king's court.

Keywords: Military rule of Koryo, *gokenin*, dictatorship of the Ch'oe clan, Kamakura bakufu, Minamoto Yoritomo, Ch'oe Ch'unghon, Hōjō.

Authors: Maksim V. GRACHEV, PhD (History), Associate Professor, Department of History and Culture of Japan, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor, State Academic University for the Humanities. ORCID: 0000-0002-1092-9046. E-mail: maxgr73@mail.ru

Marina D. KOROSTELEVA, student, State Academic University for the Humanities, 26, Maronovskii l., Moscow, 119049, Russian Federation. ORCID ID: 0009-0000-9426-7969. E-mail: m.korosteleva1@gmail.com

Acknowledgements. The article was executed at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) according to the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”).

Conflict of Interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citations: Grachev M.V., Korosteleva M.D. Voennoe pravlenie v gosudarstve Koryo i Yaponii perioda Kamakura: sravnitel'nyj analiz [Military rule in the Koryo state and Japan of the Kamakura period: a comparative analysis]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 4 (9): 5—19. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.73.66.002.

Введение

Социально-политические реалии государства Корё и Японии периода Камакура представляют специалистам возможность для проведения сравнительного анализа военных режимов, установившихся там в конце XII в. В обоих случаях

военная элита де-факто стала управлять государством, принимая важнейшие политические решения, сохранив, однако, при этом де-юре власть монарха, который в период военного правления обладал как минимум представительскими функциями.

В Корё период военного правления начинается после государственного переворота 1170 г. и остается нестабильным до 1196 г., так как военные диктаторы постоянно сменяли друг друга. С 1196 г. к власти пришел род Чхве, который благодаря проведенной политике поддерживал стабильность в стране до 1257 г.

В Японии военный род Минамото пришел к власти после победы в шестилетней войне в 1185 г. Основываясь на проведенных Минамото Ёритомо (1147—1199, сёгун с 1192 г.) административных преобразованиях во время шестилетней войны, логично допустить, что в долгосрочной перспективе управление страной должно было осуществляться не из столицы, а из ставки сёгуна — *бакуфу* в Камакура (по месту расположения ставки период получил название «Камакура»). После смерти харизматичного Минамото Ёритомо в 1199 г. его сыновья Ёриэ (1182—1204) и Санэтомо (1192—1219) занимали пост военного правителя (*сёгун*), но власть начала сосредотачиваться в руках представителей основной ветви дома Хо:дзё:.

В настоящей работе в контексте становления власти военной элиты в Корее и Японии особое внимание уделено реформированию органов власти и причинам устойчивого правления родов Чхве и Хо:дзё:.

Причины усиления военных в Корее и Японии

Начало XII в. как в Корее, так и в Японии характеризуется усилением при дворе аристократических группировок. В 1122 г. престол Корё занял тринадцатилетний Ван Хэ (Инчжон, 1122—1146), что стало *удобной* возможностью узурпировать власть в стране для деда правителя — аристократа Ли Чжагёма (?—1126), так как именно его дочь стала регентом при малолетнем правителе. Вскоре Ли выдал замуж за Инчжона двух других дочерей, назначил себя на новый пост Чжигунгукса (知軍國事) и открыл в своей усадьбе «домашнее» правительство, в котором его сподвижники составляли самостоятельный аппарат власти, что позволило царедворцу контролировать внутри- и внешнеполитические вопросы, включая военную сферу. В 1126 г. государственные сановники попытались сместить Ли с ключевых позиций, что закончилось масштабным пожаром во дворце и переездом Инчжона в резиденцию деда. Однако в том же году госслужащим все же удалось арестовать Ли Чжагёма. После этого инцидента молодой правитель сблизился с монахом-геомантом Мёчхоном (?—1135), представителем Пхеньянской группировки. Именно через Мёчхона аристократы оказывали влияние на правителя и отстаивали идею того, что Кэгён более не подходит для управления государством из-за упадка добродетельности града, а Согён предназначено стать идеальной королевской столицей [Корёса, том 12, 반역(叛逆) > 묘청 > 묘청이 풍수설에 의거해서 경천도를 주장하다]. Их деятельность была успешна: в 1128 г. Инчжон согласился начать строительство дворцового комплекса в Согёне. Однако

столичные сановники воспрепятствовали усилению аристократов, в результате чего в 1135 г. в Пхеньяне вспыхнуло восстание, подавленное в 1136 г. В 1146 г. новым государем стал наследник Инчжона — Ван Хён (Ыйчжон, 1146—1170). Отсутствие должного авторитета и мятежи знати побудили Ван Хёна найти поддержку в лице конкретных, лично преданных ему людей вне зависимости от их социального статуса. Была сформирована группа фаворитов правителя, пришедшая на смену правящей элите, что стало причиной недовольства военных и как следствие их прихода к власти.

В начале XII в. в Японии наибольшим влиянием обладал аристократический род Фудзивара, так как с IX в. именно женщины Фудзивара являлись матерями императоров, и, следовательно, мужчины из этого клана занимали ключевые должности при дворе. В это же время в стране возросло влияние военных родов Тайра и Минамото, занимавшихся подавлением мятежей на периферии государства. В XI в., с отречением императора Сиракава (прав. 1072—1086, ум. 1129) в пользу сына Хорикава (прав. 1086—1107), в Японии появилась система *инсэй* (院政), что переводится как «правление из павильона отрекшегося государя». Обладая военными, социальными, политическими и экономическими ресурсами, а также будучи свободным от многочисленных запретов, сопровождающих повседневность правящего императора, отрекшийся правитель-*инсэй* принимал решения относительно важнейших политических вопросов, поэтому управление страной осуществлялось одновременно из дворца отрекшегося и действующего императоров [Симомукай, с. 225—243]. Несомненно, у рода Фудзивара, стремящегося сохранить свое влияние, возникали разногласия с правителями-*инсэй* относительно назначения императора. В 1156 г. противоречия переросли в открытое противостояние — смуту годов Хогэн (1156), когда отрекшийся император Сутоку (прав. 1123—1142, *инсэй* с 1142 г.) вступил в сговор с главой рода Фудзивара — Фудзивара Ёринага (1120—1156) с целью отстранить от власти действующего императора Го-Сиракава (прав. 1155—1158). Примечательно, что обе стороны конфликта, надеясь получить личную преданность воинов, обратились за помощью к представителям и рода Тайра, и рода Минамото. В том же году дворец мятежников был сожжен, а армия, основу которой составляли воины Минамото, разгромлена, результатом чего стало возвышение Тайра Киёмори (1118—1181), который в награду получил назначения на высокие должности и богатые земельные угодья, став одним из самых влиятельных сановников двора. В 1159 г. обострились противоречия между аристократами из рода Фудзивара. Фудзивара Нобуёри (1133—1160) давно оспаривал первенство с Фудзивара Митинори (1106—1160), сторонником Тайра, поэтому прибег к помощи рода Минамото для поднятия восстания (известно под названием «смута годов Хэйдзи»). Мятежникам не удалось справиться с силами Тайра, и род Минамото был практически уничтожен, немногие выжившие представители отправлены в ссылки, в том числе малолетний Минамото Ёритомо. Тайра окончательно укрепились при дворе: в 1167 г. Киёмори был возведен в статус Главного министра *дайдзэ*: *дайдзин*, его родственники получили места в Государственном совете и важнейшие должности для контроля периферийных территорий. Кроме того, в 1180 г. на престол вступил малолетний император Антоку (род. 1178, прав. 1180—1185), и впервые

за многие годы дедом императора стал не представитель дома Фудзивара, а Тайра Киёмори, сосредоточив в своих руках всю власть в государстве (приоритетным считалось влияние на императора мужских родственников по женской линии — дяди или деда, что порождало увеличение их авторитета в политической сфере) [Иида, 1979].

Уже на данном этапе можно обнаружить, что в Корё на фоне ослабленной власти монарха происходит возвышение отдельных персон, аристократов, не имеющих обширной поддержки при дворе, из-за чего им не удается в течение длительного времени удерживать власть. В Японии представители родов Фудзивара и Тайра благодаря силе и содействию клана занимают важнейшие посты в центре и на периферии продолжительное время. Таким образом, значительная поддержка властителя лично преданными воинами может рассматриваться в качестве характерной особенности, свойственной для становления военного правления в Японии.

Причины прихода к власти военных тесно взаимосвязаны с состоянием политикума XII в. Однако в двух странах оные кардинально различались.

В Корё, согласно нормам конфуцианской морали, статус военного сановника был ниже, чем гражданского; кроме того, во времена правления государя Вана Хёна (Ыйчжон, 1146—1170) авторитет правителя был невелик, что повлекло за собой обособление приближенной группы гражданских сановников с целью предотвратить возникновение мятежей знати. Следствием этого стало и то, что во время пиршеств высокопоставленные военные чиновники выполняли обязанности телохранителей, пока приближенные аристократы развлекались с государем.

В «Корёса» содержится запись, касающаяся одного из таких случаев. В апреле 1170 г. государь и приближенные госслужащие отдыхали на поминальной службе в монастыре Хвапхёнджэ, расположенном неподалеку от Кэгёна. Военные жаловались на сильный голод и распущенное поведение аристократов. Выйдя на улицу, высокопоставленные военнослужащие Ли Го и Ли Ыйбан тайно высказали свое недовольство, а генерал Чон Чжунбу поддержал их, имея на то и личные причины: в 1140 г. сын Ким Бусика — Ким Донджун — свечой поджег ему бороду. Особенно возмущало в этом инциденте то, что Ким Донджун был младше генерала, а в корёском обществе подобное отношение к старшим было недопустимым, даже оскорбительным.

Непосредственным поводом для переворота принято считать события, произошедшие 30-го числа 4-го лунного месяца 1170 г. Государь собирался отправиться в храм Хынванса. Чон Чжунбу посчитал это подходящей возможностью для мести. По дороге в Похён государь остановился отдохнуть и выпить с приближенными. Будучи опьяненным, государь решил, в качестве развлечения, устроить состязания по традиционному рукопашному бою *субак* между сановниками.

Старший генерал Ли Соын (?—1180), будучи «худым и слабым», проиграл в соревновании, после чего был унижен высокопоставленным чиновником Хан Рве. Хан ударил генерала Ли по лицу, а остальные чиновники поддержали возмутителя спокойствия смехом, что стало своеобразным катализатором для выхода накопившейся агрессии военных. Чон Чжунбу упрекнул Хан Рве, сказав:

«Несмотря на то, что Ли — военный офицер, он чиновник третьего ранга. Как ты можешь так его позорить?» [Корёса, т. 128 반역(叛逆) > 정중부 > 정중부가이의방 등과 함께 의종을 폐위하고 명종을 옹립하다]. Военные очень разозлились и были готовы расправиться с чиновниками уже в тот момент, но Чон Чжунбу остановил их.

Переворот произошел уже в Похёне. Ли Го и Ли Ыйбан отдали ложный приказ армии, приказав убить всех, кто «носит чиновничью шляпу, не оставляя в живых даже временно исполняющих обязанности» [Корёса, т. 128 반역(叛逆) > 정중부 > 정중부가이의방 등과 함께 의종을 폐위하고 명종을 옹립하다]. В процессе переворота были убиты Хан Рве и многие другие чиновники и евнухи, даже многие военные, исполняющие обязанности чиновников. По всей вероятности, у мятежников не было деятельной группы, которая могла бы взять на себя функции лидеров, и действовали они излишне эмоционально, не продумав план и стратегию, ибо, скорее всего, четких представлений о дальнейшем управлении государством не выработали. Уже в 10-м лунном месяце Чон Чжунбу, Ли Ыйбан и Ли Го приняли решение заключить Ыйчжона под стражу и отправить в ссылку на о. Кочжедо, а на трон был возведен его младший брат Ван Хо (Мёнчжон, 1170—1197). Мятежники разделили реальную власть между собой, назначив себя на высокие должности.

Таким образом, политика, проводимая Ыйчжоном, спровоцировала конфликт между фаворитами государя и военным сословием. Последние внезапно, без какой-либо подготовки совершили переворот. Отсутствие у них скоординированной программы действий стало залогом нестабильного правления.

В Японии периода Хэйан (794—1185), напротив, усиление самурайских родов было постепенным процессом: в случае Минамото уже в XI в. к услугам военного дома при дворе стали прибегать благодаря достижениям его представителей на военном поприще. После смут годов Хогэн (1156) и Хэйдзи (1159), тем не менее, клан оказался на грани истребления. В 1180 г. после воззвания принца Мотихито (сына пребывающего под арестом отрекшегося императора-инсэй Го-Сиракава), в котором Тайра Киёмори объявлялся мятежником, лидеры Минамото (в первую очередь Минамото Ёримаса, 1106—1180, который был обязан Киёмори своим продвижением по службе, но выступил против Тайра) мобилизуют воинов для похода на столицу, дабы выволить Го-Сиракава и свергнуть злоумышленника Киёмори [*Ирумата*, с. 133—135; *Shinoda*, pp. 149—152]. Вскоре Ёримаса и Мотихито погибли, но род Минамото продолжил вести войну с домом Тайра. На политической арене появляется Ёритомо — будущий первый сёгун Камакура *бакуфу*, который сразу после воззвания принца Мотихито занял острожную позицию, ибо не был уверен в победе над силами дома Тайра. Важно понимать, что своевременный отклик на воззвание принца Мотихито может объясняться наличием у лидеров клана Минамото планов по устранению дома Тайра, и призыв о помощи стал удобным поводом для инициирования военных действий. Заручившись поддержкой других военных домов в 1185 г., Минамото смогли одолеть противников в шестилетней войне: Тайра были уничтожены, а Ёритомо приняли в столице как победителя.

Действия лидеров дома Минамото, представляется, были более организованными, чем восстание 1170 г. в Корё. Создание ставки *бакуфу* и органов управле-

ния в ней свидетельствует о долгосрочной административной стратегии. В свою очередь восстание 1170 г. было совершено под воздействием эмоций, стихийно, поэтому приход к власти военных в двух странах принципиально отличается.

Реформирование органов власти как фактор стабильности

Но, несмотря на существенное различие в методах обретения власти, в обеих странах военным удалось управлять государством сто и более лет соответственно. И в Корё, и в Японии стабильность обеспечивалась во многом благодаря реформированию органов власти.

В первый период военного правления Корё (1170—1196) военные диктаторы практически не занимались реформированием системы управления: первыми диктаторами были расширены полномочия военного совета Чунбан (중방 [重房]), а полководец Кён Дэсын (1179—1183) учредил личную гвардию Тобан (도방 [都房]). Большой вклад в развитие системы управления внесли члены рода Чхве, захватившие власть в 1196 г. Значительную роль в укреплении власти военных сыграло введение в 4-м лунном месяце 1209 г. нового административного органа — Кёчжон Тогам (교정도감 [敎定都監]). Высокопоставленные военные чиновники, управляющие Чунбан, являлись источником нестабильности и в любой момент могли поднять новое восстание, убив братьев Чхве. Во избежание этого и был создан Кёчжон Тогам, возглавлявшийся лицом в должности Кёчжон Пёльгам. Эту должность сначала занимали диктаторы из рода Чхве, а потом и другие высокопоставленные служащие военных ведомств, формально назначавшиеся действующим государем. Государственный орган на первых порах занимался раскрытием заговоров против рода Чхве и устранением инакомыслящих, но его функции этим не ограничивались: Кёчжон Тогам также управлял делами государства, издавал распоряжения, отвечал за управление персоналом и освобождением от налогов. Таким образом, Чхве Чхунхону удалось снизить роль военных сановников и установить орган власти, основанный на единоличной диктатуре.

Сын Чхве Чхунхона, Чхве У (1166—1249), пришедший к власти в 1219 г., продолжил политику отца. В 1225 г. он учредил в своей усадьбе Чонбан (정방 [政房]) орган власти, состоящий исключительно из гражданских чиновников. Чонбан курировал кадровую политику, мог поспособствовать в продвижении необходимых лиц и воспрепятствовать назначению тех, чьего политического авторитета было недостаточно. Другим органом власти, состоящим только из гражданских чиновников, стал Собан (서방 [書房]), основанный в 1227 г. В Собан (Консультативный совет) входили конфуцианские ученые, занимавшиеся разработкой законопроектов (часть из них служила в Чонбан).

Вышеуказанный аппарат власти снизил роль военных служащих и позволил диктаторам успешно осуществлять управление государством, не свергая правящую династию Ван, что могло повлечь за собой вмешательство со стороны китайского государства Цзинь.

Чхве также провели реструктуризацию частного войска. В 12-м лунном месяце 1200 г. Чхве Чхунхон воссоздал гвардию Тобан, разделил её на шесть отрядов,

попеременно дежуривших у его дома. Позже частное войско было расширена до 36 отрядов, превысив по численности государственное ополчение. Чхве У в 1232 г. создал «Особый ночной отряд» (Ябёльчхо), отвечающий за патрулирование в ночные часы. Первоначально отряд был образован в связи с участвовавшими преступлениями, совершаемыми в темное время суток. Позже он был разделен на «Левый особый отряд» (Чвабёльчхо) и «Правый особый отряд» (Убёльчхо). Затем оформляется «Священная армия» (Синыйгун), состоящая из воинов, которым удалось сбежать из монгольского плена. Все три отряда подчинялись непосредственно представителям рода Чхве. Позже они были объединены в «Три отдельных корпуса» (Самбёльчхо), выполнявших функцию охраны общественного порядка. Частное войско также являлось одной из главных причин стабильности рода Чхве, так как нелегитимное правление требовало поддержки военными.

Придание власти общегосударственного характера становится наиважнейшей задачей для Минамото, поскольку без учреждения иерархии в управлении сложная система не способна отвечать на внутренние и внешние «раздражения» и, в конце концов, неизбежно придет к разрушению. Первые шаги в этом направлении делаются уже во время шестилетней войны. В 1180 г. Ёритомо учредил ставку *бакуфу* в поселении Камакура. Для контроля над вассалами в том же году было создано *самураидокоро* (侍所). В 1184 г. образовано *кумондзё* (公文所), переименованное в 1191 г. в *мандокоро* (政所) — ведомство, издававшее правительственные распоряжения от лица сёгуна. Тогда же была основана судебная палата *монтю:дзё* (問注所), наделившая *бакуфу* элементами гражданского управления [Ирумата, с. 165].

Характерная особенность сёгуната Камакура состояла в одновременном существовании двух политических центров: Киото (императорский двор) и Камакура (*бакуфу*), ибо прежняя государственная структура уничтожена не была. Небезынтересно, что именно императорский двор придавал законность власти *бакуфу*. В действительности и императорский двор, и *бакуфу* назначали своих полномочных представителей в провинции, что приводило к некоторой неразберихе относительно их полномочий. Окончание войны, увы, не ознаменовало прекращение противостояния провинциальных воинов между собой, а потому для пресечения беззакония и поддержания правопорядка (исполнение военно-полицейских функций) на местах была введена специальная должность *сюго* (守護). *Дзито*: (地頭), между тем, контролировали земельный фонд, регулировали сельскохозяйственные отношения и были ответственны за пресечение незначительных правонарушений. Также были назначены наместники *бакуфу* на о. Кюсю, в северо-восточном регионе о. Хонсю и Киото [Нихонси со:ран, С. 73; Ямамото, С. 89—98; *Shinoda*, pp. 349—350].

Минамото заложил основу управления *бакуфу*, а род Хо:дзё:, члены которого занимали должность регента-*сиккэн* (執任) при сёгуне после смерти Ёритомо, расширили и укрепили систему управления. Хо:дзё: Ясутоки инициирует создание в 1225 г. совещательного органа *хё:дзё:сю*: (評定衆), в компетенцию которого входило обсуждение политических вопросов и решение дел с участием *гокэнин* (御家人) — вассалов сёгуна. Была введена политическая должность *рэнсё* (連署) — соправителя *сиккэн*, разделяющего его полномочия, что позволило Ясутоки от

авторитарного правления перейти к коллегиальному. В годы его правления был создан кодекс «Госэйбай сикимоку» — первый актуальный свод законов, регулирующий конфликты среди воинов и оказавший огромное влияние на развитие правовой традиции военных домов. Потомки Ясутоки усовершенствовали судебную систему, создав в 1249 г. *хикицукэсю*: (引付衆) — судебный орган, занимавшийся исками *гокэнин* и земельными спорами, и в 1246 г. *ин-но-хё:дзё:сю*: (院評定衆) — совет при отрешенном императоре, наделенный полномочиями принимать решения независимо от него [Ирумата, С. 205—212, 232—240; Нихонси со:ран, С. 75; Ямамото, С. 102—106, 300—302]. Этими шагами *бакуфу* переконфигурировало порядок взаимодействия с императорским двором, подчинив себе ряд организационно-управленческих функций последнего, что стало результатом планомерной и осмотрительной политики дома Хо:дзё:, обеспечившей стабильность его правления, при сохранении полномочий императорского двора, на которые *бакуфу* не отважилось покуситься. И хотя положение дел в стране не всегда свидетельствовало о стабильности (например, сразу после смерти энергичного Ясутоки), но в общем и целом дом Хо:дзё: нашел в себе силы сформировать эффективную систему управления, которая стала разрушаться только в конце XIII в. К числу инициативных *сиккэнов* принадлежал и Хо:дзё: Токиёри (прав. 1246—1256), сумевший при помощи политической гибкости, а также опоры не только на местные традиции управления, но и китайскую политическую мысль урегулировать отношения с двором в Киото и уладить противоречия внутри воинского сословия [Такахаси, С. 230—233].

И в Японии, и в Корее реформирование аппарата власти стало отправной точкой для создания системы управления, основанной в первую очередь на личной лояльности. Часто новые органы власти состояли из подчиненных высокопоставленных воинов и работали в их интересах. В обоих государствах военные правители занимались не только вопросами ополчения, но и делами гражданскими. Кроме того, династические институты там не были упразднены и продолжали функционировать [Shultz, p. 38].

Другие причины упрочнения государственной структуры

Сохранение стабильности правления Чхве обеспечивала возможность заменить действующего государя на другого представителя рода Ван, при необходимости. В 1197 г. Чхве свергли с престола действующего государя Мёнджона, а наследного принца отправили в ссылку на о. Канхва [Корёса Чорё, т. 13, 명종(明宗) 27년 > 9월 > 최충현 형제가 명종을 폐위하고 신종을 옹립하다]. Кроме того, Чхве Чхунхон объявил о несуществующей болезни Мёнджона, а в 1198 г. сообщил о его смерти, хотя государь скончался только в 1202 г. [Хазизова, 2011] Вероятно, это было сделано во избежание обвинений в узурпации власти в стране со стороны государства Цзинь. На престол был возведен брат Мёнджона — Ван Тхак (Синчжон, 1197—1204). Синчжон в 1204 г. заболел, поэтому правитель снова был заменён — им стал наследный принц Ван Ён (Хыйчжон, 1204—1211). Уже через семь лет Хыйчжон поднимет восстание, намереваясь вернуть себе власть. 22-го числа 12-го

лунного месяца 1211 г., когда Чхве Чхунхон прибыл во дворец, на него и его слуг напали вооруженные монахи и простые люди, подговоренные государем и внухами. Чхве Чхунхон был застигнут врасплох, поэтому не мог противостоять им. Ему удалось спастись только благодаря тому, что мятежники не смогли найти его [Корёса Чорё, *희종(1204—1211) > 7년 > 12월 > 희종이 최충헌 제거에 실패하고 폐위당하다*]. Три дня спустя правитель и его сын были отправлены в ссылку, а на трон возвели старшего сына Мёнджона — Ван Чжона (Канчжон, 1211—1213) [Корёса, т. 21, *희종(熙宗) 7년 > 12월 > 최충헌이 왕을 폐위시키고 왕정을 옹립하다*].

Правители Камакура, напротив, не имели возможности устранить отрекшегося императора-*инсэй* до 1221 г., когда один из них, Го-Тоба (прав. 1183—1198, ум. 1239), предпринял попытку выступить против сёгуната, ибо не существовало прецедента низложения отрекшегося правителя (после событий 1221 г. Го-Тоба был отправлен в ссылку на отдаленный о. Оки, откуда ему не позволили вернуться даже в 1235 г., несмотря на тяжелое физическое и душевное состояние). *Бакуфу* было вынуждено сотрудничать с императорским двором и окружением отрекшегося государя, так как не доминировало настолько, чтобы подчинить политический центр в Киото, и, не имея возможности распространить власть на всю страну, *бакуфу* стремилось находить консенсус с двором императора и *инсэй* в Киото. Таковы были условия сосуществования двух политических центров. Закономерно, что Ёритомо, вступив в столицу в 1183 г., хоть и получил контроль над восточными территориями, но обрел обязательства по защите центральных и западных районов Японии, а император Го-Сиракава, первоначально отказывавшийся издать указ о наказании северной ветви дома Фудзивара в 1190 г., в результате был вынужден оный провозгласить, когда Ёритомо начал карательный поход против недругов Го-Сиракава [*Ямамото*, С. 183—216].

Но так же, как в Корё, одной из причин прочности сёгуната было устранение политических противников. Члены Хо:дзё:, например, методично отстраняли от власти другие влиятельные военные дома, что укрепило позиции Хо:дзё: в *бакуфу* и провинциях. Главным соперником для первого *сиккэн*, тестя и приближенного Ёритомо — Хо:дзё: Токимаса (1138—1215), стал род Хики, обладавший авторитетом в *бакуфу*. После того как девушка из Хики, дочь Хики Ёсикадзу (?—1203), стала супругой наследника сёгуна — Ёриизэ (1182—1204, глава *бакуфу* с 1199, сёгун в 1202—1203), сына Ёритомо — и родила ему наследника по имени Итиман (1198—1203), Ёриизэ отдалился от Хо:дзё:, приблизив к себе родственников жены. Согласно «Адзума кагами» («Зерцало Востока»), исторической хронике, составленной по поручению Хо:дзё:, Ёриизэ стремился править самостоятельно, чему препятствовали его мать и дед — Хо:дзё: Масако и Хо:дзё: Токимаса, — желавшие не допустить усиления авторитетности рода Хики. Хо:дзё: возлагали надежды на младшего сына Ёритомо — Сэмман (Санэтомо, 1192—1219, сёгун в 1203—1219). В 1203 г. Ёриизэ тяжело заболел, что послужило поводом для Хо:дзё: сделать ставку на Санэтомо. Опасаясь внезапной смерти сёгуна и под давлением Хо:дзё: военное управление страной было разделено между двумя потомками Ёритомо. 28 восточных провинций перешли под управление Итиман, а 38 западных — Санэтомо. После этого прецедента Хики Ёсикадзу вступил в заговор с Ёриизэ с целью устранить Хо:дзё:. Заговор был раскрыт. Ёсикадзу и остальные

Хики убиты (по одной из версий, Итиман был сожжен заживо), а сёгун Ёриэ отправлен в ссылку (впоследствии убит в 1204 г.). В 1203 г. пост сёгуна занял Санэтомо (младший брат Ёриэ). После этих событий Токимаса вознамерился уничтожить сёгуна Санэтомо, поставив на его место зятя — Хирага Томомаса (?—1205), также принадлежавшего в роду Минамото. Для этого он достиг соглашения с семьей своей второй жены — Маки Ката (?—?), дочь которой была замужем за Хирага Томомаса. Ёситоки (прав. 1205—1224), сын Хо:дзё: Токимаса, узнав об этом, добился перевода Санэтомо из резиденции Токимаса, где он жил с момента назначения на должность сёгуна, и спас жизнь сёгуну (Санэтомо погибнет от рук наемного убийцы в 1209 г.). После чего Токимаса, был принужден отправиться в изгнание в пров. Идзу. Семья Маки также была устранена [Ямамото, С. 120, 167, 208, 325; Varley, pp. 147—154, 157].

Причины ослабления военных домов

Важной вехой в истории существования военного правления в Корё стали монгольские вторжения. С 1231 по 1259 г. монголы неоднократно совершали набеги на Корейский п-ов, из-за чего род Чхве с Ванским двором переместились на о. Канхва. В 1259 г. с монголами был подписан мирный договор и Корё признало монгольский сюзеренитет. Правитель Вончжон установил доверительные отношения с ханом Хубилаем (1215—1294), благодаря чему военное правление было прекращено в 1270 г.

В свою очередь Японии удалось противостоять монгольскому вторжению в 1274 и 1281 гг. благодаря продуманной стратегии защиты и мощному природному катаклизму — тайфуну, расцениваемому в качестве «божественного заступника». Поэтому монголы не сумели оказать негативное воздействие на сёгунат, и он просуществовал ещё полвека, поскольку угроза со стороны монголов поспособствовала укреплению власти *бакуфу*.

Причиной ослабления *бакуфу* стала нестабильность внутри самой ставки. После смерти предприимчивого *сиккэна* Хо:дзё: Токимунэ (прав. 1268—1284) большое влияние обрел Адати Ясумори (1231—1285) и члены его семьи. На тот момент пять из 16 членов *хё:дзё:сю:* и семь из 13 *хикицукэсю:* были выходцами из рода Адати. *Миутибито* — вассалы главной ветви Хо:дзё: — негодовали по поводу укрепления позиций Адати, что в 1285 г. вылилось в *симоцукэ со:до:* — «Смуту морозного месяца», разделившую воинов на два противоборствующих лагеря и поспособствовавшую в конечном итоге падению сёгуна Камакура. Во время смуты Тайра Ёрицуна — ближний вассал Хо:дзё: Токимунэ — убил Адати Ясумори и его сторонников: *миутибито*, таким образом, стали контролировать *бакуфу*. С 1316 г. пост *сиккэн* занял девятилетний Тадатоки, а реальную власть в *бакуфу* обрел глава *миутибито* — Нагасаки Такасукэ (?—1333). В 1326 г. Тадатоки был отстранен и пост регента остался вакантным, а власть перешла к вассалам Хо:дзё:. Многие вассалы Минамото, преданные *бакуфу*, были недовольны усилением *миутибито*, поэтому, когда император Го-Дайго (прав. 1318—1339) выступил против Камакура, они составили основу его войска [Cambridge History of Japan, pp. 150—152; 170].

Низложение военного правления

Тожество в Корее и Японии обнаруживается и в методах восстановления власти государем посредством возвышения своего отпрыска.

Последним из диктаторов рода Чхве стал Чхве Ёй, пришедший к власти после смерти отца в 1257 г. Но во главе государства ему удалось продержаться недолго: в 3-м лунном месяце того же года придворная знать Корё организовала переворот, в результате которого Чхве Ёй был убит и диктатура рода Чхве свергнута. Эту дату можно считать окончанием периода военной диктатуры, поскольку де-юре была восстановлена полнота власти правителя — Кочжона (1192—1213) — и переворот был совершен в его интересах. Однако де-факто реальная власть не сосредоточилась в руках рода Ван, а совершившие переворот сановники — Лим Ён и Ким Инджун — встали во главе государства, сохранив органы управления, появившиеся в период диктатуры. 30-го числа шестого месяца 1259 г. Кочжон скончался, престол унаследовал Ван Чжон (Вончжон, 1219—1274) [Корёса, т. 64, 예6(禮 六) > 흥례 > 국홀 > 고종이 유조를 내리고 유경의 집에서 죽다]. В это время в монгольском государстве (с 1271 г. — империя Юань) обостряется борьба за трон между Хубилаем Арихбехом в связи со смертью предыдущего хана — Мунке. Тогда Вончжон принимает решение поддержать Хубилая, налаживая с ним сотрудничество, — отправляет послов с соболезнованиями о смерти Мунке. В ответ Хубилай, уже будучи ханом Юань, в качестве благодарности выводит войска из Пхеньяна и дарует Корё «Седжожуче» — снисходительные по содержанию правила поведения по отношению к Юань. Это заложило основу доверительных отношений Хубилая и Вончжона, чем последний позже воспользовался.

В результате мятежа 1269 г. Ким Инджун был убит Лим Ёном, который стал новой главой политической власти в стране. Лим Ён выступал против союза с монголами, поэтому, недовольный политикой Вончжона в отношении Юань, в том же году смещает Вончжона под предлогом недуга вана и возводит на престол его сына Ван Джана (Ёнджон 1223—?). Здравствующий Вончжон стремится вернуть трон и отправляет к Хубилаю наследного принца Ван Го, чтобы тот проинформировал правителя Юань о происходящем в вассальном государстве. Когда в Юань становится известно о nepозволительных действиях в отношении государя Вончжона, Хубилай направляет послов в Корё для проверки и даже начинает подготовку туда карательного похода. Юаньские послы настаивают на возвращении Вончжона на престол, чему Лим Ён был не в силах сопротивляться. Представляется, что такая поддержка от государства-сюзерена укрепила ограниченную власть Вончжона, придала ему уверенности, что позволило решиться на казнь диктаторов. В результате в 1270 г. были казнены новый глава Кёчжон То-гам Лим Юму и трое его сподвижников по причине противодействия воле правителя по вопросу переноса столицы с о. Канхва обратно в Кесон [Корёса, т. 26, 원종(元宗) 11년 > 5월 > 임유무가 왕의 출륙 명령을 따르지 않고 항전을 준비하다].

Таким образом, с приходом к власти правителя Вончжона ситуация в стране стала постепенно меняться. В 1257 г. была официально свергнута военная диктатура группировкой, де-юре действовавшей в интересах государя. Далее, благода-

ря своему стратегическому таланту Вончжону удалось заручиться поддержкой монгольского хана и окончательно восстановить всю полноту своей законной власти.

В Японии свержение военных также было совершено амбициозным монархом. В 1318 г. на трон был возведен император Го-Дайго. Молодого, но поднаторевшего в области администрирования Го-Дайго не устраивала второстепенная роль в управлении: он имел четкие цели и мечтал покончить как с сёгунатом, так и с системой *инсэй*. Отставной император Го-Уда в 1321 г. передал права на управления Го-Дайго, который стал одновременно главой царствующего дома и императором.

В 1324 г. Го-Дайго предпринимает первую попытку поднять мятеж против *бакуфу*, заручившись поддержкой буддийского духовенства. Заговор был раскрыт, но его участникам удалось отвести подозрения от императора. Часть командующих отрядами казнили, другую часть сопроводили в Камакура для расследования. В 1331 г. Го-Дайго приступил к планированию нового заговора, но и о нём стало известно в *бакуфу*. Императора сослали на о. Оки, где принуждали к отречению, что неколебимый государь делать отказался. Однако это не помешало *бакуфу* возвести на престол нового государя — принца Кадзухито, известного под именем Ко:гон (прав. 1331—1333, ум. 1364).

Даже в ссылке намерения Го-Дайго оставались крепки: его сын Морианага рассылал указы от имени императора по всей стране, призывая поднять оружие против Хо:дзё:. Многие дома присоединились к нему, так как были недовольны властью регентов. Также императора поддержали «плохие отряды» *акото*: — мелкие шайки разбойников и воров или организованные группы землевладельцев, выступавшие против местной власти в частных землевладениях.

В 1334 г. Го-Дайго совершает побег из места ссылки и переходит к военным действиям. Верные ему войска захватили столицу. Камакура разорили и сожгли, по всей стране землевладельцы выступили против местных представителей *бакуфу*. Немало членов рода Хо:дзё: были убиты, многие покончили с собой. С уничтожением Камакура было покончено и с первым сёгунатом. Император Ко:гон отрекся, и власть императора в лице Го-Дайго была восстановлена в полной мере [Cambridge History of Japan, pp. 172—174].

Выводы

Сравнительный анализ периодов военного правления в Корё и камакурской Японии показал, что, несмотря на некоторые принципиальные различия, например последовательный процесс усиления роли военных в Японии и спонтанный переворот в Корее на раннем этапе военного правления, в обоих случаях обнаруживаются тождественные черты и общая специфика. В Корее и Японии в изучаемый период были разработаны новые институты, отвечающие запросам военного правительства. Учрежденные органы власти чаще регулировали деятельность подчиненных военных правителей, придавалось значение укреплению и совершенствованию гражданских институтов, что поспособствовало стабилизации по-

литического режима. Надлежит констатировать: династические институты и прежние органы власти не были упразднены, в обеих странах существовали два политических центра, которые, взаимодействуя, нередко дополняли друг друга, предоставляя возможность государству гармонично функционировать. Стабильность правлению Чхве и Хо:дзё: обеспечила их политика по нейтрализации противодействующих сил. *Сиккэны* из рода Хо:дзё:, не обладая легитимностью сёгунского дома Минамото, старались обезопасить себя посредством устранения других влиятельных домов. Для рода Чхве показательна регулярная смена диктаторов в ранний период военного правления (1170—1196), когда из-за отсутствия должной политической поддержки военным не удавалось удержать власть, что потребовало задействовать ресурсы ведомства Кёчжон Тогам. Заслуживают внимания и различия двух систем управления. Род Чхве и другие военные правители в Корее управляли страной без посредников, обладая неограниченной властью, что позволяло им осуществлять смену царствующего правителя. Власть *бакуфу* не распространялось на всю страну, и военные были вынуждены поэтапно, шаг за шагом укреплять свои позиции в государстве, часто находя компромиссы с императорским двором. Поэтому военное правление в Корё логично идентифицировать в качестве «надстройки» над ванским двором, чего в Японии периода Камакура не наблюдается, ибо там существовало ярко выраженное двоецентрие. И Корее, и Японии пришлось противостоять нашествию монголов в XIII в., но последствия для двух государств были не идентичны. В Корее фактор вторжения извне в конечном итоге стал роковым для существования военного правления, в Японии, как раз наоборот, оный поспособствовало консолидации власти *бакуфу* и продлению жизни сёгуна.

Библиографический список

Хазизова К.В. О некоторых особенностях периода военной диктатуры в государстве Корё в первой половине XIII в. // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение, 2011. № 2. С. 63—71.

Cambridge History of Japan. Vol. 3. Medieval Japan / Ed. by Kozo Yamamura. New York: Cambridge Univ. Press, 1990. 736 p.

Shinoda Minoru. The Founding of the Kamakura Shogunate, 1180—1185: With Selected Translations from the Azuma Kagami. New York: Columbia University Press, 1960. 385 p.

Shultz Edward J. Ch'oe Ch'unghon and Minamoto Yoritomo. Japan Review, 11: 31—54 URL: <https://www.jstor.org/stable/25791034> (дата обращения: 16.09.2024).

Varley H. P. The Hojo Family and Succession to Power Age // Court and Bakufu in Japan. Essays in Kamakura History / Ed. by J.P. Mass. Stanford, Calif: Stanford Univ. Press, 1982. P. 143—167.

Иида Юкико. Хогэн то Хэйдзи-но ран [Смуты годов Хогэн и Хэйдзи]. Токио: Кё:икуся, 1979. 225 с. (На яп.).

Ирумата Нобуо. Муся-но ё-ни [В век воинов]. Токио: Сю:эйся, 1991. 350 с. (На яп.).

Нихонси со:ран [Общий обзор истории Японии]. Токио: То:хо:, 2012. 270 с. (На яп.).

Симомукай Тацухико. Буси-но сэйтё: то инсэй [Формирование самурайства и отречение государя]. Токио: Ко:данся, 2001. 366 с. (На яп.).

Такахаси Синъитиро. Хо:дзё: Токиёри [[Сиккэн] Хо:дзё: Токиёри]. Токио: Ёсикава ко:бун-кан, 2013. 288 с. (На яп.).

Ямамото Ко:дзи. Ёритомо-но тэнка со:со: [Основание государства Ёритомо]. Токио: Ко:данся, 2001. 386 с. (На яп.).

고려사 [История государства Корё] // National Institute of Korean History. URL: <https://db.history.go.kr/KOREA/item/level.do?itemId=kr&types=r> (дата обращения: 04.10.2024). (На кор.).

고려사철요 [Основное из истории Корё] // National Institute of Korean History. URL: <https://db.history.go.kr/KOREA/item/level.do?itemId=kj&types=r> (дата обращения: 04.10.2024). (На кор.).

References

Cambridge History of Japan (1990). Vol. 3. Medieval Japan / Ed. by Kozo Yamamura. New York: Cambridge Univ. Press. 736 p.

Iida Yukiko (1979) Hogen to Heiji no ran [Hogen and Heiji Rebellion]. Tokyo: Kyōikusha. 225 p. (In Japanese).

Irimata Nobuo (1991) Musha no yo ni [In the Age of Warriors]. Tokyo: Shūeisha. 350 p. (In Japanese).

Khazizova K. V. (2011). O nekotoryh osobennostyah perioda voennoj diktatury v gosudarstve Koryo v pervoj polovine XIII v. [On some features of the period of military dictatorship in the state of Koryo in the first half of the 12th century]. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie [Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies]. No. 2: 63—71. (In Russian).

Koryōsa [History of Koryo]. National Institute of Korean History. URL: <https://db.history.go.kr/KOREA/item/level.do?itemId=kr&types=r> (accessed: 4 October, 2024). (In Korean).

Koryōsa Chōryo [Essentials of Koryo History]. National Institute of Korean History. URL: <https://db.history.go.kr/KOREA/item/level.do?itemId=kj&types=r> (accessed: 4 October, 2024). (In Korean).

Nihonshi sōran (2012) [Overview of Japanese History]. Tokyo: Tōhō. 270 p. (In Japanese).

Shultz Edward J. (1999) Ch'oe Ch'unghon and Minamoto Yoritomo. *Japan Review*, 11: p. 31—54.

Shimomukai Tatsuhiko (2001) Bushi no seichō to insei [The Formation of the Samurai and the Abdicated Sovereigns]. Tokyo: Kōdansha. 366 p. (In Japanese).

Shinoda Minoru (1960) The Founding of the Kamakura Shogunate, 1180—1185: With Selected Translations from the Azuma Kagami. New York: Columbia University Press. 385 p.

Takahashi Shinichirō (2001) Hōjō Tokiyori [Hōjō Tokiyori]. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan. 288 p. (In Japanese).

Varley H. P. (1982) The Hojo Family and Succession to Power Age // Court and Bakufu in Japan. Essays in Kamakura History / Ed. by J.P. Mass. Stanford, Calif: Stanford Univ. Press. p. 143—167.

Yamamoto Kōji (2001) Yoritomo no tenka sōsō [Yoritomo's founding of the nation]. Tokyo: Kōdansha. 386 p. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 09.10.2024

Принята к публикации: 14.11.2024

Received: 09.10.2024

Accepted: 14.11.2024

Д.Е. Гришина, Д.Д. Чумаченко

Фракционное соперничество периода правления Ёнсан-гуна и его влияние на политический курс правителя Чосон, 1495—1506 гг.

Аннотация. Ёнсан-гун — десятый правитель корейского государства Чосон и один из двух правителей династии Ли, лишённых посмертного храмового имени. Период его правления часто характеризуется как «тирания»; в аналитической литературе можно встретить описание жестокой политики Ёнсан-гуна, осуществляемой с помощью массовых репрессий. Тем не менее важно отметить, что правление Ёнсан-гуна характеризовалось также стабилизацией общего политического курса правительства и активной вовлечённостью правителя в государственные и политические процессы.

Настоящее исследование ставит своей целью проанализировать репрессии сановников конца XV — начала XVI в. как инструмент стабилизации политических процессов в государстве Чосон и сравнить управленческий стиль Ёнсан-гуна и других правителей династии Ли, снижавших положительные историографические оценки.

Ключевые слова: Ёнсан-гун, Чосон, сарим, хунгу, Капча сахва, Муо сахва, политическая деятельность Чосон конца XV — начала XVI в.

Авторы: Гришина Дарья Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Школа востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Государственный академический университет гуманитарных наук. ORCID: 0000-0002-9418-4677.

E-mail: degrishina@hse.ru, dgrishina@gaug.ru

Чумаченко Диана Данииловна, студентка 4-го курса Образовательной программы «Востоковедение», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: ddchumachenko@edu.hse.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гришина Д.Е., Чумаченко Д.Д. Фракционное соперничество периода правления Ёнсан-гуна и его влияние на политический курс правителя Чосон, 1495—1506 гг. // Корееведение. 2024. № 4 (9). С. 20—31.

DOI: 10.48647/ICCA.2025.86.99.003.

D.E. Grishina, D.D. Chumachenko

Factional Rivalry During the Reign of Yōnsan-gun and Its Impact on the Political Course of the Chosŏn Ruler, 1495—1506

Abstract. Yōnsan-gun was the tenth ruler of the Korean state of Chosŏn and one of the two rulers of the Yi dynasty who was deprived of a posthumous temple name. The period of his reign is often characterized as “tyranny”; one can easily find descriptions in analytical literature of Yōnsan-gun's cruel policies, which were carried out through mass persecutions. However, it is important to note that the reign of Yōnsan-gun was

also marked by the stabilization of the general political course of the government and the active involvement of the monarch in state and political processes. This study aims to analyze the persecutions carried out in the late fifteenth to early sixteenth centuries as an instrument utilized by the monarch to stabilize political processes in Chosŏn, and to compare the ruling style of Yŏnsan-gun with that of other kings of the Yi dynasty who have received positive historiographic assessments.

Keywords: Yŏnsan-gun, Chosŏn, Sarim, Hungu, Kapcha sahwa, Muo sahwa, Chosŏn politics in the late 15th — early 16th century.

Authors: Daria E. GRISHINA, Ph.D (Korean history), associate professor, School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, State Academic University for the Humanities (GAUGN). ORCID: 0000-0002-9418-4677. E-mail: degrishina@hse.ru, dgrishina@gaugn.ru

Diana D. CHUMACHENKO, 4th year student of the Educational program “Oriental Studies”, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: ddchumachenko@edu.hse.ru

Conflict of Interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citations: Grishina D. E., Chumachenko D. D. Frakcionnoe sopernichestvo perioda pravlenija Jonsan-guna i ego vlijanie na politicheskij kurs pravitelja Choson, 1495—1506 gg. [Factional Rivalry During the Reign of Yŏnsan-gun and Its Impact on the Political Course of the Chosŏn Ruler, 1495—1506.]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 4 (9): 20—31. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.86.99.003.

Ёнсан-гун (имя при рождении: Ли Юн, 1476—1506) — десятый правитель корейского государства Чосон (1392—1897), один из двух правителей династии Ли, которые были лишены посмертного храмового имени¹. Подобное отношение со стороны современников — яркое и, по сути, к тому моменту беспрецедентное² свидетельство отрицательной оценки современниками результатов правления Ли Юна. Показательно, что нарративы современной историографии в целом вторят ситуации начала XVI в.: в современных аналитических работах Ёнсан-гуна нередко характеризуют как «диктатора» или «тирана»³, в целом негативно оценивая период его правления. Причина такой характеристики со стороны историков — массовые репрессии государственных чиновников (так называемые чистки), имевшие место во втором периоде правления Ёнсан-гуна с 1498 по 1506 г.

¹ Другой правитель — это Кванхэ-гун (1575—1641). Можно заметить, что оба правителя, лишённых храмового имени, имеют суффикс «гун» в своём имени. В системе присвоения посмертных имен «гун» означает статус принца. Другие два суффикса, использующиеся в храмовых именах, это «чжо» и «чжон», которые ваны получали посмертно. Если в имени правителя стоит суффикс «чжо», это значит, что в период его правления произошло нечто важное для Чосон (пример: Тхэчжо — основание династии Чосон; Сончжо — Имджинская война). В ином случае правитель в посмертном имени получал суффикс «чжон».

² Ёнсан-гун стал первым правителем в истории корейской государственности, лишенным почетного храмового имени.

³ Примером таких работ может стать отечественный учебник по истории Кореи В.М. Тихонова и Кан Мангиля, а также ряд аналитических работ корейских исследователей, фокусирующихся на изучении отдельных политических реформ Ёнсан-гуна.

Воцарение Ли Юна в 1494 г. совпало с периодом социо-политических трансформаций в стране, проявлением чего стало обострение фракционной борьбы в правительстве Чосон. Начиная с правления Сечжо¹ конфуцианские учёные — сарим — наращивали своё присутствие в органах центральной и местной государственной власти. Пика своего влияния их фракция достигла в правление девятого правителя из династии Ли, отца Ёнсан-гуна, Сончжона². К концу XV в. саримы заняли уверенное положение как влиятельная политическая фракция при корейском правительстве. Они оказывали значительное влияние на решения монарха, обсуждение ключевых государственных вопросов проходило при их непосредственном участии. Однако на этом фоне всё возрастала и конфронтация сарим с другой значимой политической фракцией в правительстве — заслуженных сановников — хунгу³. Именно их предки помогли Ли Сонге⁴ взойти на престол, в связи с чем с момента основания династии Чосон в 1392 г. представители этой фракции пользовались преимущественным политическим влиянием. Это были выходцы из старой аристократии, консервативно настроенные приближённые, иногда родственники королевской семьи. Естественным образом политические цели и амбиции хунгу противоречили целям и амбициям сарим.

Начало правления Ёнсан-гуна было отмечено участвовавшими взаимными обвинениями соперничающих фракций в коррупции, мошенничестве и государственной измене. Ситуация в правительстве была нестабильной, что вело к частым кадровым перестановкам. Например, в первоисточниках отмечается, что только за один месяц должность Тэган⁵ могла перейти от одного человека к другому несколько раз, и так продолжалось вплоть до 1498 г. Поскольку де-юре именно монарх назначал и снимал сановников с государственных должностей, кадровые перестановки трактовались как проявление правителем фаворитизма по отношению к одной или другой фракции.

В контексте эскалации фракционной борьбы важно отметить, что сам Ли Юн воспитывался в окружении приближённых вдовствующей королевы Инсу (1437—1504), матери Сончжона, которая на правах самой старшей королевы во дворце имела значительный политический авторитет и за которой стояли заслуженные сановники хунгу. Представители этой фракции возлагали на Ли Юна большие надежды, отмечая, что кронпринц усердно учится и очень похож на своего отца — правителя Сончжона. Сановники характеризовали будущего монарха как обладателя «великой добродетели» и надеялись, что он «будет наслаждаться добрым путём и сможет служить правительству»⁶, очевидно рассчитывая

¹ Сечжо-ван (세조, 1417—1468) — 7-й ван Чосон, правивший в 1455—1468 гг.

² Сончжон-ван (성종, 1457—1494) — 9-й ван Чосон, правивший с 1489 по 1494 г., отец Ёнсан-гуна.

³ Хунгу — политическая фракция, в которую входили члены королевской семьи и приближённые к ним чиновники. Многие из Хунгу — консин. Главой фракции считается вдовствующая королева Инсу — бабушка Ёнсан-гуна.

⁴ Ли Сонге — основатель государства Чосон, получивший посмертное имя Тхэчжо.

⁵ Тэган — чиновник эпохи Чосон, ответственный за проверку чиновников и их отстранение в случае выявления случаев с коррупцией.

⁶ [Ёнсан-гун ильги, 00.12.25].

на активную вовлеченность Ли Юна в разрешение противоречий между саримами и хунгу в пользу последних. Однако первые же инициативы Ёнсан-гуна в качестве правителя настроили часть консервативных политических элит против него.

Взойдя на престол, Ли Юн выразил желание установить мемориальный камень Сончжона, сохранить его прах и провести ряд буддистских обрядов¹. В ритуалах буддистов это были необходимые действия для упокоения души усопшего². Тем не менее советники-конфуцианцы выразили несогласие с решением молодого правителя и призвали его отказаться от буддистских поминальных атрибутов и обрядов, настаивая на том, что они не являются проявлением сыновней почтительности³, и предостерегая, что, в случае проведения буддийского ритуала, Ёнсан-гун нарушит наставления, которые составил перед смертью Сончжон⁴. Вероятно, сторонники режима девятого правителя Чосон были убеждены, что Ли Юн последует за идеями своего предка. Однако Ёнсан-гун настоял на проведении буддийского поминального обряда, что, на фоне ярко выраженной антибуддистской направленности периода правления Сончжона [Симбирцева, 2012, 40], вызвало неодобрение сановников, как саримов, так и хунгу, поместив молодого монарха в эпицентр их фракционной борьбы.

Осознавая свои ослабленные политические позиции, Ёнсан-гун обратился за поддержкой к родственникам. 1498 г. характеризуется значительным увеличением их присутствия в высших эшелонах власти. Так, например, на должность второго королевского секретаря был назначен Син Сугун [Wagner, 1974, 33], старший брат жены Ёнсан-гуна. Вскоре он был повышен в должности до первого секретаря, что вызвало недовольство у фракции саримов [Там же]. Несмотря на то, что решение Ёнсан-гуна в целом являлось продолжением политики периода правления Сечжона⁵, которую саримы пытались опротестовать ещё двадцать лет назад [Wagner, 1974, 25]⁶, к 1498 г. недовольство чиновников, состоявших в этой фракции, возросло до такой степени, что они начинали выдвигать ультимативные требования выбрать в качестве приближенной лишь одну фракцию — сарим или хунгу — и не наделять королевских родственников дополнительными политическими полномочиями. Однако Ёнсан-гун проигнорировал требования сановников и приказал им вернуться к исполнению своих обязанностей. Когда же в знак протеста конфуцианские чиновники отказались подчиниться правителю, он снял с

¹ [Ёнсан-гун ильги, 00.12.26].

² Считалось, что мемориальный камень или табличка будут хранить в себе часть души, чтобы человек мог переродиться [Симбирцева, 2012, 486].

³ [Ёнсан-гун ильги, 00.12.29].

⁴ [Ёнсан-гун ильги, 01.01.02].

⁵ Сечжон-ван (세종, 1397—1450) — 4-й ван корейского государства Чосон, правивший в 1418—1450 гг. Под политикой Сечжона подразумевается назначение на должности «приближённых людей». Во времена правления Сечжона был основан учёный совет Чипхёнчжон (в частности помогший вану создать корейский алфавит). Чипхёнчжон стал правой рукой Сечжона, с чиновниками велись все обсуждения ключевых законов. В дальнейшем члены Чипхёнчжона получили высокие должности в правительстве.

⁶ Тогда это привело к тому, что ряд чиновников были смещены с должностей.

должности протестующих и назначил на их место более лояльных себе функционеров¹, что окончательно рассорило правителя и чиновников из числа саримов. Последние начали открыто высказывать своё недовольство относительно политического курса Ёнсан-гуна: основные претензии касались поощрения буддистских практик, покровительственного отношения к «брачным родственникам», а также попытки расширить правительственный аппарат [Wagner, 1974, 26].

Помимо эскалации политических противоречий, 1498 г. ознаменовался так называемым *инцидентом Сачхо*, который послужил катализатором первой репрессии чиновников периода правления Ёнсан-гуна — своего рода чистки сановников года Муо (1498). Нескольким чиновникам, политическим союзникам вдовствующей королевы Инсу и, как следствие, представителям фракции Хунгу было поручено составление хроник правления Сончжона. В ходе работы над документом в руки сановников попал черновик рукописи за авторством представителя фракции сарим Ким Ильсона², в котором автор негативно высказывался относительно политического курса, проводимого дедом действующего правителя, Сечжо³. Во время допроса Ким Ильсон объяснил, что действительно написал о Сечжо в негативном ключе, поскольку считал, что казнь шестерых чиновников (так называемый инцидент Саюксин)⁴ была несправедливой, ведь они были патриотами своей страны и отстаивали суверенитет законного правителя Танчжона, который нарушил Сечжо [Wagner, 1974, 40]. Кроме этого, Ким Ильсон рассказал, что сведения для составления записи он почерпнул в неких сторонних источниках [Wagner, 1974, 40].

Сложившаяся ситуация грозила перерасти в династический кризис, поскольку Ёнсан-гун и его отец являлись прямыми потомками Сечжо. Подобное очернение предка в исторических публикациях ставило под вопрос легитимность их правления. В связи с этим к расследованию инцидента правительство подошло крайне серьёзно. Было обнаружено, что Ким Ильсон был учеником Ким Чончжика⁵, представителя группы сарим, известной своим негативным отношением к Сечжо⁶. В доме Ким Ильсона был проведен обыск, в результате которого было

¹ [Ёнсан-гун ильги, 04.02.10].

² Ким Ильсон — историк, чиновник, служащий во время правления Ёнсан-гуна, является представителем фракции Сарим.

³ Негативная оценка Сечжо историком Ким Ирсоном связана с тем, что наставник Ким Ирсона был одним из тех, кто не поддерживал политику Сечжо и его способ прихода к власти [Wagner, 1974, 37].

⁴ Саюксин — «шестеро убитых чиновников». Группа чиновников, организовавшая протесты в период правления Сечжо, призывавшая восстановить на троне внука Сечжона, Танчжона, как законного наследника.

⁵ Ким Чончжик — лидер фракции Ённам-сарим, конфуцианский учёный, политик и писатель. Один из главных оппозиционеров фракции Хунгу.

⁶ Во время правления Сечжо Ким успешно сдал экзамен на государственную должность, однако высокие должности при аппарате центральной власти он занял только в правление Сончжона по личному распоряжению правителя. Когда Ким Чончжик отошел от государственных дел, Сончжон в благодарности за преданную службу приказал выделить ему годовое кормление зерном, отмечая заслуги сановника перед отечеством. Однако несмотря на покровительство со стороны Сончжона, Ким Чончжик продолжал критиковать монарха и его правительство и призывал своих учеников идти против власти потомков Сечжо. Подробнее, см.: Wagner, 1974, 45.

обнаружено письмо за авторством неизвестного чиновника-сарима. Автор письма открыто выражал недовольство политикой Ёнсан-гуна и тем, что правитель не прислушивается к их фракции. В письме были перечислены имена чиновников, которые также поддерживали эту точку зрения. Документ заканчивался призывом к государственному перевороту с целью смещения Ёнсан-гуна¹. В результате инцидента Сачхо, Ёнсан-гун объявил Ким Ильсона и ещё пятнадцать чиновников изменниками. Все они были казнены². Аналогичного вердикта удостоился и Ким Чончжик, причем посмертно — сановник скончался еще в 1492 г. Его тело было эксгумировано и обезглавлено, все экземпляры его работ преданы огню. Последовали репрессии учеников и последователей Ким Чончжика, получившие название «Чистка саримов года Муо» (Муо Сахва), многие сановники были арестованы и отправлены в ссылку³.

Традиционно, в фокусе исследователей событий, связанных с действиями Ёнсан-гуна, считается, что приказ о проведении чистки он отдал лично. Тем не менее есть основания полагать, что основными инициаторами событий 1498 г. был не сам правитель, а члены фракции королевы Инсу, а целью их действий — не обеление фигуры Сечжо, а устранение влиятельных членов фракции сарим. При этом в качестве катализатора событий можно рассматривать публичную критику саримами чиновников-хунгу и обвинения в отношении последних в том, что они назначались на должности не за заслуги, а за то, что были «брачными родственниками». Американский исследователь Виллиам Вагнер, сторонник этого аналитического подхода, считает, что чистку года Муо можно рассматривать как попытку личной мести трёх чиновников, составлявших хроники правления Сончжона. Вагнер отмечает, что в период правления Сончжона, под давлением фракции саримов, эти чиновники были смещены с важных государственных постов [Wagner, 1974, 50]. Между тем саримы продолжали увеличивать своё политическое влияние, а в 1498 г. их фракция начала оказывать давление на молодого Ёнсан-гуна. Принимая во внимание это уточнение, можно сделать вывод, что в событиях года Муо Ёнсан-гун не был субъектен, выступив в роли инструмента мести отдельных представителей обеих фракций.

События 1498 г. склонили чашу весов в пользу фракции хунгу, позволив сторонникам королевы Инсу значительно увеличить свое политическое влияние и присутствие в высших эшелонах власти, в то время как за представителями фракции сарим был установлен жёсткий контроль. Тем не менее ослабление политической позиции не сократило поток критики саримов в отношении правителя. В целом настроенный против этой фракции, Ёнсан-гун трактовал критику своего политического курса как попытку усомниться в его праве на престол, следствием чего стало ужесточение внутривластного курса правителя. После 1498 г. количество арестов государственных сановников резко увеличилось⁴. Однако стоит отметить, что Ёнсан-гун отдал специальный приказ проявлять гу-

¹ [Ёнсан-гун ильги, 04.07.14].

² [Ёнсан-гун ильги, 04.10.12].

³ [Ёнсан-гун ильги, 04.10.12].

⁴ [Ёнсан-гун ильги, 05.01.12].

манизм по отношению к подследственным и заключённым, не злоупотреблять телесными наказаниями и пытками, и при необходимости оказывать им медицинскую помощь¹. Это свидетельствует о том, что, несмотря на аресты, правитель стремился ограничить жестокость по отношению к провинившимся. Тем не менее можно предположить, что этот приказ не соблюдался должным образом: в первоисточниках, описывающих этот период правления Ёнсан-гуна, обнаружены свидетельства произвола со стороны чиновников пенитенциарной системы Чосон — факты жестоких пыток и избиений заключенных².

Необходимо отметить, что усиление репрессивной политики правителя после чистки года Муо положительно сказалось на стабильности политических институтов в стране: после событий 1498 г. смена чиновников на государственных постах стала менее частой, при этом все правительственные органы продолжили работать в привычном режиме³. Важным показательным примером, свидетельствующим о стабилизации государственной власти, может служить работа академии Сонгюнган⁴ — альма-матер всех правительственных чиновников. Несмотря на рост противоречий и усиление недоверия Ёнсан-гуна к конфуцианству как идеологии, которая «вмешивается» в государственные дела, ученики академии продолжили получать достаточную поддержку со стороны правительства для продолжения своего обучения.

Однако спокойствие и политическая стабильность не продлились долго. На рубеже XV и XVI вв. на Корейском полуострове произошёл ряд природных и гуманитарных катаклизмов⁵. Всё это было расценено чиновниками как гнев Небес на Ёнсан-гуна за его неумелое управление государством⁶. В результате в 1502 г. ряд сановников-хунгу из высших государственных органов призвали правителя пересмотреть свой политический курс, чтобы вернуть расположение Небес⁷, а критика Ли Юна со стороны чиновников-саримов приобрела откровенно таргетированный характер. Саримы настаивали на том, чтобы Ли Юн продолжил политический курс своего отца, следовал «Наставлениям о сыновней почтительности», и выражали недовольство тем, что Ёнсан-гун не прислушивается к их советам и пропускает государственные лекции⁸, что, по их мнению, было непозволительно⁹.

¹ [Ёнсан-гун ильги, 03.08.29].

² [Ёнсан-гун ильги, 05.01.12].

³ [Ёнсан-гун ильги, 05], вывод сделан исходя из комплексного анализа записей в «Ёнсан-гун ильги» на следующий год после проведения Капча сахва.

⁴ Сонгюнган — Академия конфуцианства, учебное заведение периода Чосон.

⁵ В 1499 г. была засуха, повлекшая за собой неурожай, голод и, как это часто бывает в аграрных обществах, эпидемию. В 1501 г. случилось несколько землетрясений и падений комет, в 1502 и 1503 гг. катаклизмы повторились. В источниках также зафиксированы случаи смертей людей от удара молний [Ёнсан-гун ильги, 05.04.01].

⁶ Издревле считалось, что благополучие в стране зависит от политики правителя и от реакции неба на его деятельность. Если наступали природные катаклизмы, это значило, что небеса не довольны правителем и что необходимо изменить курс либо правителя.

⁷ [Ёнсан-гун ильги, 08.03.10].

⁸ Имеются в виду лекции кёнъён, которые проводили специально для правителя, где обсуждали вопросы правления.

⁹ [Ёнсан-гун ильги, 08.03.10].

Важно отметить, что нападки как со стороны саримов, так и со стороны хунгу не вызвали незамедлительной реакции правителя: в этот период политический курс Ёнсан-гуна не поменялся. Судя по всему, Ли Юн предпочёл просто игнорировать поступающую в его адрес критику, отчего количество недовольных его правлением сановников продолжало увеличиваться. К началу 1504 г. ситуация во дворце критически обострилась, что в конечном итоге спровоцировало вторую, куда более кровавую волну репрессий в отношении чиновников, в аналитической литературе называемую «Чисткой сановников года Капча» (Капча Саха).

Рассматривая события начала 1504 г., можно утверждать, что все репрессии проводились под предлогом «неуважения к высшей власти», которое замечал Ёнсан-гун в отношении себя или своих предков [Wagner, 1974, 54]. Виллиам Вагнер отмечает, что, по мнению Ли Юна, суверенная власть правителя была безгранична и неприкасаема. Любое оскорбление в адрес монарха расценивалось как сомнение в его суверенности и легитимности [Там же, 65]. Исходя из этих соображений, в начале 1504 г. повторным репрессиям подверглись те сановники, кто, понеся наказание в 1498 г., продолжал не соглашаться с обвинениями в адрес Ким Чончжика и его последователей [Там же, 68]. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что катализатором репрессий 1504 г. стали именно внутриполитические противоречия между правителем и сановниками. Анализируя эти причины, необходимо обратить внимание на состояние политической конъюнктуры и динамику взаимодействия чиновников с правителем, основы которой были заложены в период правления четвертого монарха династии Ли, Сечжона (1397—1450). Речь идёт об увеличении роли института лекций для правителя по нормам конфуцианской морали и управлению страной «кёнъён (경연)» и введении политической системы «конъгонъжирон (공공지론)».

Лекции кёнъён изначально были заимствованы из Китая в период правления династии Корё (935—1392), характеризовавшимся усилением роли конфуцианства в государственных институтах Корейского полуострова. Это были лекции для государя и членов его семьи [Тихонов, Кан, 2011, 294], читаемые конфуцианскими учёными из «Учебного зала правителя и его наследников (Кёнъёнчхон)» [Концевич, 2013, 150]. Несмотря на то что посещение этих лекций было одной из главных церемониальных обязанностей правителя, в период Корё их содержание носило лишь рекомендательный характер. Тем не менее с установлением династии Чосон и институализацией конфуцианства как общегосударственной социально-политической доктрины, на фоне роста влияния саримов, кёнъён постепенно превратились в инструмент прямого воздействия на политическую деятельность правителя¹. Поскольку в состав Кёнъёнчхон входили представители как саримов,

¹ Показательно, что уже в период правления Сончжона правитель предпринимал попытки противодействовать влиянию лекторов кёнъён. Основная проблема заключалась в различном восприятии роли кёнъён и свода законов Кёнгуктэчжон — полном своде законов, включающем в себя все законы, указы и обычаи начального периода Чосон, составленном в 1474 г. Сончжон полагал, что лекции кёнъён были созданы для того, чтобы получить ответы на насущные вопросы настоящего, в то время как члены Кёнъёнчхона утверждали, что необходимо следовать устойчивым традициям и править с опорой на Кёнгуктэчжон, а сам Кёнъёнчхон лишь исправляет «неверное» мышление вана [Юн Хунпхё, 2013].

так и хунгу, в контексте обострения их политического соперничества каждое обсуждение государственного вопроса в рамках лекций приводило к открытому фракционному противостоянию. К моменту прихода к власти Ёнсан-гуна противоречия между чиновниками достигли своего пика: достижение компромисса стало практически невозможным, а все скрытые политические конфликты стали выходить на поверхность на заседаниях «Учебного зала...» [Юн Хунпхё, 2013]. В отличие от своего отца, с самого начала своего правления Ёнсан-гун не проявлял большого интереса к присутствию на собраниях Кёнъёнчхон: можно предположить, что это поведение правителя было обусловлено стремлением дистанцироваться от фракционной борьбы и принимать самостоятельные управленческие решения. Поэтому постоянные требования чиновников-саримов прислушиваться к их мнению были естественным образом восприняты Ёнсан-гуном как попытка контролировать монарха и приравнять статус чиновников к положению правителя [Юн Хунпхё, 2013], что стало одним из важных катализаторов событий 1504 г.

Еще одним важным фактором можно обозначить существование системы Конъгонъжирон¹, согласно которой принятие решений в отношении приговоров осуждённым и назначения кандидатов на государственные должности являлось результатом консультаций правителя и чиновников [Нап, 2010]. Изначально довольно ограниченная по своему потенциалу, на фоне роста политического авторитета саримов в период правления Сончжона, эта система стала пониматься как невозможность для правителя принимать решения без одобрения сановников. Последнее ставило под сомнение субъектность Ёнсан-гуна.

Таким образом, в связи с существованием двух вышеописанных систем, власть монарха стала носить, по сути, ограниченный характер, что, на фоне прогрессирующего конфликта между сановниками и Ёнсан-гуном, в начале 1504 г. спровоцировало репрессии: правитель использовал этот жёсткий способ для того, чтобы прекратить попытки давления сановников на монарха, в частности на его решения. В этом контексте первые четыре месяца чистки года Капча можно проанализировать как манифестацию политической борьбы Ёнсан-гуна и государственных чиновников.

Ситуация, однако, усугубилась в апреле 1504 г., когда Ёнсан-гуну стали известны подробности истинных обстоятельств смерти его матери².

Ли Юн приказал провести расследование, стремясь наказать причастных. В результате шестнадцать сановников, большинство — представители фракции

¹ Впервые введена в период правления Сечжона.

² Согласно силлоку Сончжона мать Ёнсан-гуна покончила жизнь самоубийством по настоянию чиновников. Госпожа Юн была известна своим своенравным характером, «неподобающим» королеве. После того как она поцарапала лицо Сончжона, чиновники настаивали на наказании за проступок. В 1504 г. один из чиновников раскрыл правду правителю о том, что его матери приказали покончить с жизнью. В отечественной литературе отмечается, что поводом для начала чистки стало обнаружение правителем обстоятельств смерти своей матери, королевы Юн [Курбанов, 2009, 150]. Однако, если сопоставить политическую деятельность Ли Юна с обострившимся конфликтом в министерствах, можно предположить, что казнь виновных в смерти госпожи Юн была если не следствием, то пиком репрессий этого периода: репрессии чиновников начались еще в начале 1504 г., а об обстоятельствах смерти госпожи Юн Ёнсан-гуну стало известно только весной, в апреле.

хунгу, были сосланы или казнены, несколько наложниц Сончжона, предположительно причастные к смерти госпожи Юн, были забыты до смерти [Wagner, 1974, 60]. Эти действия значительно усугубили конфликт правителя с государственными чиновниками: для Ли Юна стало очевидно, что он не может доверять никому. В результате репрессии чиновников приобрели внефракционный и еще более массовый характер. Ёнсан-гун был убеждён, что государственные дела не должны выноситься на обсуждение за пределами дворца, в связи с чем репрессиям подверглись все сановники (и саримы, и хунгу), кто распространял слухи о санкционированных правителем расправах. С целью обнаружения тех, кто ставил под сомнение действия монарха или проявлял к нему неуважение, была проведена проверка органов центральной власти. Спасая себя от гнева правителя, чиновники обречали на смерть своих коллег, выдвигая в их сторону зачастую ложные обвинения в коррупции и непочтительности [Wagner, 1974, 61]. После проверки, к середине 1504 г. было казнено более пятидесяти правительственных чиновников. События года Капча значительно ослабили политические позиции как фракции сарим, так и фракции хунгу, поставив на паузу их соперничество.

Таким образом, анализ причин и обстоятельств репрессий чиновников периода правления Ёнсан-гуна обнаруживает рациональные и утилитарные составляющие действий «тирана». Однако для настоящего исследования представляется важным также критически проанализировать историческую память о Ёнсан-гуне, описывающую правителя и его политический курс в исключительно негативном ключе и акцентированную на репрессивном и деспотичном характере правления Ли Юна.

Ёнсан-гун был не первым правителем в истории государственности на Корейском полуострове, который применял репрессии для укрепления самодержавия. Например, Ли Банвон, будущий правитель Тхэчжон (1367—1422), пришёл к власти в результате междоусобной борьбы с другими наследниками престола¹. Стабильность режима Тхэчжона поддерживалась репрессиями. Любая попытка посягнуть на самодержавие правителя приводила к тому, что чиновников отправляли в ссылку или принуждали к самоубийству [Тихонов, 2011, 293]. Стоит отметить, что вся политика Тхэчжона была направлена на укрепление самодержавия и помогла заложить основу централизованной государственности Чосон [Тихонов, 2011, 294].

Показательным также является пример правления Сечжо. Будучи вторым сыном вана Сечжона, он не мог наследовать престол напрямую, в результате чего управление государством перешло в руки его малолетнего племянника, Танчжона (1441—1457), что стало катализатором роста политической роли сановников. Воспринимая сложившуюся ситуацию как угрозу династии и желая восстановить авторитарный режим управления страной, Сечжо совершил государственный переворот и сверг Танчжона [Тихонов, 2011, 298]. При этом внутривластный

¹ Ли Банвон был пятым сыном Ли Сонге, поэтому, согласно правилами престолонаследия (согласно конфуцианским устоям государства трон наследовал старший сын правителя), он не мог наследовать трон. Однако он не согласился с кандидатурой старших братьев в качестве правителей, что привело к кровавому конфликту [Тихонов, 2011, 292].

курс периода его правления был направлен на устранение недовольных новым режимом чиновников (конфуцианской элиты и сторонников режима Танчжона) и на укрепление самодержавия, в том числе посредством репрессий.

Анализируя политическую деятельность Тхэчжона и Сечжо, можно заметить, что их методы поддержания авторитарной монархии схожи с усилиями Ёнсан-гуна по укреплению самодержавия. Если рассматривать внутривластный курс Ли Юна как способ обеспечения стабильности в государстве, можно прийти к выводу о том, что санкционированные им репрессии были направлены на ограничение политического влияния саримов, поскольку последнее грозило изменениями в сформировавшихся иерархических отношениях и, как следствие, дестабилизацией центральной власти. Всё это позволяет провести условный знак равенства между идеологической составляющей политического курса Ли Банвона, Сечжо и Ли Юна и в широком смысле охарактеризовать периоды их правления как «добродетельную тиранию»¹.

Действительно, трёх правителей объединяет авторитарно-деспотичный стиль правления, предполагающий самодержавную власть. Согласно результатам исследования, проведенного в 2015 г. Корейским институтом передовых технологий², Ёнсан-гун действительно был склонен принимать законотворческие решения самостоятельно, не обсуждая их с сановниками. Важно отметить особенности деспотии Ёнсан-гуна: согласно результатам вышеобозначенного исследования, единственные решения, которые он принимал без обсуждения, — это вопросы выделения средств на личные (прочие) нужды [Bak, Oh, 2015]. При этом решения, находящиеся в плоскости государственного регулирования, вопросов социальной сферы, сельского хозяйства и привлечения к ответственности за проступки, Ёнсан-гун чаще принимал совместно с сановниками. Исходя из вышеприведенного, можно сделать вывод о том, что, хотя Ёнсан-гун в отдельных аспектах демонстрировал авторитарно-деспотичный стиль правления, в целом его паттерн управления страной нельзя назвать самодержавием. Таким образом, в отношении периода правления Ёнсан-гуна более точным определением для описания его политической деятельности представляется термин «авторитарное правление».

Резюмируя вышеизложенное, авторы настоящего исследования пришли к выводу, что, в контексте исторически сложившихся позитивных трактовок периодов правления Тхэчжона и Сечжо, негативные трактовки правления Ёнсан-гуна представляются спорными и неоднозначными. Проведённое исследование закладывает основу для будущих работ в сфере исторической памяти и ревизии наследия периода правления Ли Юна.

¹ Добродетельная тирания — особый вид тирании, при котором, несмотря на жестокую политику правителя, все делается ради блага общества и государства. При этом важно отметить, что термин «тирания» не до конца применим к кейсу Ёнсан-гуна, поскольку он подразумевает насильственный захват власти [Ожегов]. В отличие от Тхэчжона и Сечжо, Ли Юн, будучи старшим сыном правителя Сончжона, унаследовал престол на законных основаниях.

² Корейский институт передовых технологий (KAIST) — ведущий учебный и исследовательский университет Южной Кореи, расположенный в Тэчжоне. Был основан корейским правительством в 1971 г. как первый национальный научный, исследовательский и технический институт.

Библиографический список

Ёнсан-гун ильги: [Дневники Ёнсан-гуна] // Чосон ванчжо силлок: [Истинные записи (правления) династии Чосон]. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kja_000 (даты обращения: 18.12.2023—06.05.2024).

Концевич Л.Р. Мир «Хунмин Чонъыма» // М.: Институт Востоковедения РАН; «Первое марта», 2013. С. 150.

Курбанов С.О. История Кореи. С древности до начала XXI в. // СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 97—151.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com> (дата обращения: 12.01.2024).

Симбирцева Т. М. Владыки старой Кореи // М.: РГГУ, *Orientalia at Classica*, 2012. С. 39—486.

Тихонов В. М., Кан М. История Кореи // М.: «Издательство «Наталис», 2011. С. 292—301.

Юн Хунпхё. 15 segi marёппутхо 16 segi чунёпКачжи кёнёный пёнмова ыйми. [Трансформация и значение лекции кёнъён конца XV — середины XVI века.] // Ёксава сильсып, 2013.

Bak J.Y., Oh A. Five Centuries of Monarchy in Korea: Mining the Text of the Annals of the Joseon Dynasty // KAIST, Department of Computer Science, 2015.

Wagner E. W. The literati purges: political conflict in Early Yi Korea. // Cambridge: East Asian Research Center: distributed by Harvard University Press, 1974. С. 23—70.

References

Bak J.Y., Oh A. (2015). Five Centuries of Monarchy in Korea: Mining the Text of the Annals of the Joseon Dynasty. KAIST, Department of Computer Science.

Kontsevich L. R. (2013). The World of the “Hunmin Cheongeum”. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, “The First March”. 150 p.

Kurbanov S.O. (2009). History of Korea: ancient times to beginning of XXI century. Saint Petersburg: Saint Petersburg University press. 97—151 p.

Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com> (accessed: 12.01.2024).

Simbirseva T.M. (2012). The rulers of old Korea. Moscow. Russian State University of Humanities, 2012. 39—486 p.

Tikhonov V.M., Kang Mangil. (2011) History of Korea in two volumes. Moscow. Natalis, 2011. Vol. 1. 292—301 p.

Wagner E. W. (1974). The literati purges: political conflict in Early Yi Korea. Cambridge: East Asian Research Center: distributed by Harvard University Press. 23—70 p.

Yeonsan-gun ilgi: [Daily Records of King Yeonsangun] // Joseon Wangjo Sillok: [The annals of the Joseon dynasty]. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kja_000 (accessed: 18.12.2023—06.05.24).

Yoon Hoon-Pyo. (2013). 15segi malyeobbuteo 16segi jungyeobkkaji gyeongyeonui byeonmowa geu uimi: [The Changes and Historical Meaning of the Royal Lecture (Gyeongyeon) from the End of the 15th Century to the Middle of the 16th Century]. Yeogsawasilcheonhagiang.

Е.У. Ким, М.А. Каскевич

Идеология и политическая деятельность Чхинчхонпха в XIX в.

Аннотация. Особый интерес в области изучения идеологии и политической мысли в XIX веке в Чосон представляет деятельность Чхинчхонпха, провинской фракции, которая выступала за сохранение отношений с Китаем. В этот период в Цинской Империи после Опиумных войн (1840—1842, 1856—1860) усилилось влияние западных государств и перед Кореей также встал вопрос об открытии страны для внешнеполитических и экономических обменов с западными неокOLONIALными странами и Японией. Это также порождало огромное количество конфликтов о судьбе государства в области международных отношений и использовании европейского опыта между реформаторами и консерваторами. В статье рассматриваются отдельные деятели Чхинчхонпха (친청파) и анализируется, почему они продолжали поддерживать позицию сохранения вассально-сюзеренских отношений с Китаем.

Ключевые слова: Чосон, Чхинчхонпха, корейско-китайские отношения, XIX в.

Авторы: Ким Ен Ун, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Центр корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-8449-7135. E-mail: kim@iccaras.ru

Каскевич Мария Анатольевна, студент, Восточный факультет, Государственный академический университет гуманитарных наук.
E-mail: uni_corn110@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ким Е.У., Каскевич М.А. Идеология и политическая деятельность Чхинчхонпха в XIX в. // Корееведение. 2024. № 4 (9). С. 32—41.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.37.56.004.

E. U. Kim, M. A. Kaskevich

Ideology and political activity of Chincheongpa in the 19th century

Abstract. The study of ideology and political thought in 19th century Chosŏn reveals significant insights into the activities of the Chincheongpa (친청파), a pro-Qing faction that advocated for the preservation of relations with China. This period was marked by increased Western influence following the Opium Wars (1840—1842, 1856—1860) within the Qing Empire, prompting Korea to confront the pressing question of whether to open itself to foreign policy and economic exchanges with Western neo-colonial powers and Japan. Consequently, this situation gave rise to numerous conflicts regarding the future direction of the state in international relations, as well as debates over the applicability of European experiences among reformers and conservatives. This article examines the key figures associated with the Chincheongpa and analyzes the underlying reasons for their sustained support of maintaining vassal-suzerain relations with China.

Keywords: Choson, Chincheongpa, Korean-China relations, 19th century.

Authors: En Un im, PhD (Philosophy), Leading Researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences.
ORCID: 0000-0002-8449-7135. E-mail: kim@iccaras.ru
Maria A. Kaskevich, student, Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities (GAUGN). E-mail: uni_corn110@mail.ru

Conflict of Interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Kim E.U., Kaskevich M.A.. Ideologiya i politicheskaya deyatelnost' CHkhinchkhonpha v XIX v [Ideology and political activity of Chinchonpha in the 19th century]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 4 (9): 32—41. (In Russian).
DOI: 10.48647/ICCA.2025.37.56.004.

Корея с давних времён поддерживала тесные отношения с Китаем. Такие контакты позволяли корейскому обществу не только перенимать технологические и культурные достижения китайской цивилизации, но и служили поддержкой в военных конфликтах. Начиная с периода Трёх Государств Китай играл большую роль в истории Кореи. Однако политика *садэ* и ориентация Кореи на северного соседа сильно повлияли на мировоззрение корейцев и затруднила их возможности налаживать культурные и политические отношения с другими странами региона.

В XIX в. перед Кореей встал вопрос об открытии страны для внешнеполитических и экономических обменов с западными неокOLONиальными странами и Японией на фоне ослабления Китая после Опиумных войн (1840—1842, 1856—1860 гг.). В этот период произошёл раскол корейского общества на тех, кто поддерживал отношения с западными странами, и тех, кто выступал за сохранение отношений с Империей Цин, т. е. фракцию Чхинчхонпха (친청파).

Перед автором настоящей статьи стоят задачи проанализировать деятельность Чхинчхонпха на основе сочинений, написанных сановниками процинской фракции, и существующих научных работ и описать причины, почему фракция продолжала поддерживать политику вассальных отношений с Китаем. Автор полагает, что процински настроенные сановники сыграли огромную роль в общественно-политических процессах Чосон, что сказалось на дальнейшей истории Кореи.

В настоящей работе будут рассмотрены отдельные деятели процинской фракции Пак Кюсу (박규수/朴珪, 1807—1877, Ким Юнсик (김윤식/金允植, 1835—1922), а также Чхве Икхён (최익현/崔益, 1833—1906).

Пак Кюсу (1807—1877)

Пак Кюсу — корейский политический деятель и дипломат середины XIX в. Он был внуком Пак Чивона (1737—1805), который являлся выдающимся конфуцианским деятелем движения Сирхак и основателем Северной школы, последователи которой выступали за сближение с Империей Цин. Считается, что на мировоззрение Пак Кюсу сильно повлияли мысли его деда.

После Опиумной войны 1856—1860 гг. до корейского политикума дошли новости о том, что китайская армия была разгромлена под Пекином, а Цинский

император был вынужден бежать в Ёльха (кит. Жэхэ). В Чосон в 1861 г. было решено отправить посольскую миссию в Цин для оценки состояния империи и разработки дальнейшей внешней политики Кореи, в состав которой вошёл Пак Кюсу. А в 1872 г. он отправился в Китай в качестве специального посла для передачи свадебных поздравлений китайскому императору.

Поездки в Китай позволили Пак Кюсу на основе увиденного сложить собственные представления о положении Цин и о силе западных держав. Он предполагал, что такое большое государство, как Цин, не придёт в упадок из-за вмешательства западных держав. Более серьёзной угрозой для Китая он считал его внутренние беспорядки, а не угрозу, исходящую извне [김성배, с. 11—12].

Стоит отметить, что взгляды дипломата на отношения с западными державами трансформировались в период его посольств в Китай. Если в свою первую поездку он мог лично наблюдать разрушительные последствия Опиумных войн, что вызывало опасения касательно отношений с европейскими государствами, то во время второго посольства Пак Кюсу увидел, что Империя Цин не испытывала серьёзных проблем даже после открытия страны. Именно после второй поездки он пришёл к мысли о том, что включение в западную общественную систему неизбежно [김성배, с. 23]. О его позиции в отношении Запада свидетельствует следующая запись, датированная 1872 г.: *«Варвары приезжают в Пекин уже несколько лет, и поначалу иностранная торговля весьма процветала. Однако, в последние годы китайцы поняли, что западные товары ослепляли людей и не подходили для практического применения, поэтому [стали] мало торговать с ними, из-за чего западные люди теряли прибыль. Кроме того, ранее в Цзяннань¹ были наёмные [западные] войска², Китай закупал много западного оружия и использовал его в войне, поэтому иностранцы получали прибыль от производства артиллерии. Однако в наши дни китайцам стало весьма просто производить оружие западного образца, поэтому они не покупали оружие у Запада, и иностранцы снова теряли прибыль. Они снова потеряли прибыль потому, что в прошлом китайские купцы изготавливали и копировали колёсные пароходы и больше не брали их в аренду... Соответственно, этим людям пришлось потратить много денег, построив повсюду множество домов для торговли, но [они] теперь не получают прибыль со всего и нет возможности покрыть расходы, поэтому в нынешних обстоятельствах они постепенно отступают и уходят»* [일성록, 고종 9년 12월 26일].

Таким образом, на примере приведённой цитаты можно убедиться, что в открытии страны для международных отношений Пак Кюсу видел возможность её укрепления, а также способ по устранению западных граждан с территории государства.

Пак Кюсу негативно относился к католицизму, активно проникавшему на Корейский полуостров с середины XIX в. Однако у него имелось также и пред-

¹ Регион на юго-западе Китая, включающий в себя г. Шанхай.

² Для подавления Тайпинского восстания в Китае использовалась поддержка западной военной мощи. С этой целью Ли Хунчжан выкупил всё заводское оборудование у одной американской компании и перевёз его в Цзяннань. Таким образом, этот регион стал самым крупным по производству оружия в Империи Цин в XIX в.

ставление о положении дел на Западе, где христианство играло значительную роль. Несмотря на критику католицизма, Пак Кюсу положительно воспринимал факт создания европейцами школ и типографий для изучения китайской письменности. Для него такой интерес к традиционной культуре Северо-Восточной Азии был связан с убеждением, что Восток превосходит Запад, а конфуцианство — католичество, так как именно иностранцы начали активно изучать культуру Китая и подстраиваться под неё, а не наоборот. Он также придерживался теории, что на самом деле западный астрономический календарь берёт своё начало из Древнего Китая. Кроме того, Пак Кюсу считал, что Запад через обучение и чтение китайских книг и благодаря контактам с восточными государствами также в конечном итоге придёт к конфуцианству [김명호, с. 365—366].

Говоря о перспективах корейско-китайских отношений, Пак Кюсу считал, что между Чосон и Цин должны продолжать сохраняться традиционные вассально-сюзеренские отношения. Он понимал, что без помощи Китая Чосон не устоять в новой для него системе международных отношений. Если бы Чосон оставался вассалом Китая, то внутренняя и внешняя корейская политика могла быть защищена от агрессии других держав, что давало бы стратегическое преимущество.

Однако Пак Кюсу также говорил о необходимости налаживания отношений с Японией, так как отказ от примирения с ней мог лишь создать нового врага для Чосон. Пак Кюсу понимал, что Япония после модернизации обладает сильной армией, с которой Корея не в состоянии справиться. Однако в конечном итоге в 1876 г. был подписан Канхваский договор, ухудшивший экономическую ситуацию в стране: корейские товары не могли конкурировать с дешевыми японскими товарами, а корейское сырьё и сельскохозяйственная продукция, в особенности рис, вывозились.

Таким образом, Пак Кюсу хоть и был конфуцианским учёным, но благодаря влиянию учения Сирхак и Северной школы более взвешенно смотрел на ситуацию, сложившуюся вокруг Корейского полуострова, и был готов принимать культуру и технологии Запада. Однако следует сказать, что западные государства он воспринимал как потенциальную опасность и стремился обезопасить Чосон путём сохранения вассальных отношений с Китаем и открытия Кореи.

Ким Юнсик (1835—1922)

Ким Юнсик — конфуцианский и политический деятель XIX в. С 14 лет был учеником Ю Синхвана (1801—1859), одного из известных корейских конфуцианских учёных XIX в.

Особенность учения Ю Синхвана заключалась в том, что, в отличие от большинства конфуцианских учёных, которые занимались лишь изучением классических текстов и написанием письменных работ, он считал, что политическая практика и участие в жизни государства также важны. После его смерти в 1859 г. Ким Юнсик стал учеником Пак Кюсу. Таким образом, социо-политические взгляды Ким Юнсика формировались как под воздействием традиционной не-

конфуцианской концепции, так и под влиянием учения Сирхак и Северной школы [백승철, с. 19—20].

Благодаря тому, что Ким Юнсик перенял представления Пак Кюсу о международной ситуации и положении Чосон в новых геополитических процессах на территории Восточной Азии, он мог более объективно оценивать происходящие события с точки зрения защиты территориальной целостности Чосон. У Ким Юнсика было понимание о западной агрессии, сформировавшееся на фоне появления общей границы между Чосон и Российской империей¹ и новостей о захвате европейскими державами Вьетнама и Бирмы².

Ким Юнсик осознавал, что Корея по сравнению с западными государствами небольшая и слабая страна, которая может стать жертвой геополитических амбиций неокOLONиальных держав. Он признавал, что *«армия нашей страны слаба и не обучена, поэтому сто наших солдат не могут противостоять одному иностранному солдату. Даже если подготовить 10 тыс. солдат, то этого не хватит, чтобы остановить сильного врага. Но если даже без единого солдата управлять страной с помощью указов и поддерживать прочные дипломатические отношения с внешними государствами, то можно избежать внезапного вторжения»* [운양집, 십육사의].

В сложившейся международной ситуации Ким Юнсик для усиления Чосон отмечал необходимость заимствования и имплементации западных военных и производственных технологий при сохранении конфуцианских традиций. В отличие от многих конфуцианских учёных конца XIX в., Ким Юнсик разделял религию и технологии. Он считал, что можно использовать достижения западной цивилизации и при этом не заимствовать католичество: *«И как только они [конфуцианские учёные] видят что-либо, что хотя бы отдаленно подражает западным методам производства механизмов, они сразу же указывают на то, что это запятнано неправильным учением, это также связано с тем, что они совершенно не понимают этого. Их религия неправильна, поэтому её стоит избегать... но их машины приносят прибыль, поэтому их действительно можно использовать для улучшения жизни, так зачем избегать изготовления таких вещей, как: сельскохозяйственная техника, лекарства, вооружение, корабли и повозки?»* [조선왕조실록, 고종 19년 8월 5일]. Такая позиция, идущая наперекор традиционным конфуцианским ценностям, получила название «Тондосоги» (동도서기, «восточный путь, западные технологии»).

Кочжон, правитель Чосон, как и Ким Юнсик, придерживался позиции о необходимости включения корейского государства в мировую дипломатическую модель. 14 февраля 1882 г. Кочжон отправил в Китай посланников с просьбой к

¹ В 1858—1860 гг. к России присоединилась территории Амурского края и Уссурийского края; таким образом, между Россией и Кореей появилась общая граница. Ким Юнсик мог отрицательно относиться к присутствию русских у корейских границ из-за позиции Ли Хунчжана, который был негативно настроен к укреплению отношений между Россией и Кореей. Можно предположить, что Ким Юнсик перенял позицию китайского сановника.

² С середины XIX в. Англия расширяла своё влияние на территории Бирмы, и по манифесту от 1 января 1886 г. Бирма — колония Великобритании; В середине XIX в. Франция совершала нападения на Вьетнам. В 1873 г. был подписан Второй Сайгонский договор, по которому Вьетнам становился протекторатом Франции.

цинскому правительству принять в китайской столице корейского посла на постоянной основе. Таким образом, Чосон хотел закрепить свой вассальный статус на дипломатическом уровне. После открытия страны во второй половине XIX в. в Корею начала активно поступать информация о западных державах, в том числе и об их колониальных владениях. Перед глазами корейского политика появился пример Индии, которая, являясь колонией Англии, не могла проводить самостоятельную политику. Именно поэтому Корея стремилась сохранить свой традиционный вассальный статус, который позволял бы ей не утратить суверенитет. Также намерение направить корейского посла в Китай на постоянной основе могло быть инспирировано желанием Кореи установить диалог с находящимися в Пекине послами западных держав. Однако официальное цинское правительство отклонило просьбу Чосон [유바다, с. 233—234]. Поэтому 17 января 1882 г. Ким Юнсик от лица Кочжона передал Ли Хунчжану¹ просьбу о помощи в заключении договора с США [윤양집, 11권].

Корейское правительство и Ли Хунчжан сходились во мнении о необходимости посредничества Китая в отношении Чосона с Западом. С корейской стороны договор рассматривался как инструмент защиты Чосона от вторжения западных государств. Признание вассалитета по отношению к Цин помешало бы иностранным державам вторгаться на Корейский полуостров, так как Корея официально рассматривалась бы как сфера интересов Китая, а значит, вмешательство в Чосон нарушало бы договорённости с Цинской империей. Ли Хунчжан же рассматривал закрепление вассального статуса Чосона с позиции того, что заключение договора с США при посредничестве Цин как сюзерена Кореи не только не даст Японии укрепить своё положение на полуострове, но и поможет Китаю упрочить свои позиции. Поэтому Ли Хунчжан до последнего настаивал на том, чтобы в преамбуле договора с США был прописан вассальный статус Чосон по отношению к Китаю. И именно в этом пункте он расходился во мнении с Ким Юнсиком.

Ким Юнсик считал, что, если в Американско-корейский договор войдёт пункт о вассальных отношениях между Кореей и Китаем, это может стать препятствием для самостоятельности Чосона. Ким Юнсик также предположил, что система вассалитета по международному законодательству может угрожать статусу суверенного государства, однако он понимал, что в сложившихся условиях у Кореи не остаётся другого варианта, кроме как признать себя полусуверенным государством, зависимым от Китая [유바다, с. 235].

Таким образом, Ким Юнсик продолжал идеи Пак Кюсу об открытии страны и также воспринимал западные державы как потенциальную угрозу, поэтому стремился найти поддержку и защиту у государств Восточной Азии, которые цивилизационно были ближе к Корее и могли защитить её. Ким Юнсик видел выгоду в перенимании западных технологий, однако считал, что параллельно должна сохраняться конфуцианская мораль.

¹ Китайский политический деятель, один из идеологов политики «самоусиления» Китая. Считается, что по влиятельности в Цин он стал вторым после императрицы Цыси.

Чхве Икхён (1833—1906)

Чхве Икхён — один из конфуцианских учёных XIX в. и деятелей движения «Виджон чхокса» (위정척사, «против ереси, в защиту ортодоксии»), который возглавлял движение Праведной армии против японского вмешательства в конце XIX в.

Основателем движения «Виджон чхокса» и учителем Чхве Икхёна был Ли Ханно (1792—1868), который считал, что Чосон не должен вступать в отношения с западными странами и Японией, потому что это опасно для Кореи. Ради безопасности государства, по его мнению, было необходимо сохранять традиционную систему Чосон и не заимствовать цивилизационные достижения Запада. Чхве Икхён перенял взгляды своего учителя.

Чхве Икхён участвовал в отстранении Тэвонгуна в 1873 г., в результате которого власть перешла к законному правителю, Кочжону. Поддержка Кочжона, несмотря на то, что он придерживался позиции открытия страны и модернизации с помощью западных технологий, могла быть вызвана несогласием Чхве Икхёна с политикой Тэвонгуна касательно закрытия совонов, которые составляли политическую силу конфуцианских ученых.

С приходом к власти Кочжона, клан Мин, из которого происходила жена правителя, также усилил свое политическое присутствие. Представители клана Мин занимали важные государственные посты и оказывали большое влияние на принятие политических решений. Чхве Икхён, однако, был против усиления влияния клана Мин, говоря о том, что люди, входящие в число приближенных правителя, не должны занимать должности, связанные с государственной политикой, и написал новую апелляцию («사호조참판검진소회소»), в которой более радикально критиковал действия правительства, за что был сослан на Чечжудо на три года. Таким образом, Чхве Икхён с помощью своих апелляций стремился улучшить положение в государстве, однако не имел реальной возможности влиять на принятие государственных решений.

После 1876 г., когда был подписан Канхваский договор, Чхве Икхён начал активно выступать против налаживания отношений с Японией. Он отмечал, что японские товары несут вред для корейского народа, потому что Япония сильно вестернизировалась и приняла цивилизационные и культурные достижения западных государств: японцы носили одежду в западном стиле, использовали военные и судостроительные технологии иностранных держав. Чхве Икхён также писал: «...день старой дружбы с Ва [Японией] становится днём примирения с Западом... мир с Западом неизбежно приведёт к смятению и разрушению» [Мёнам Чхве Икхёнэ 1876 нён канхвадоочоак чхегёл панде кыль]. Данная цитата подтверждает, что Чхве Икхён воспринимал Японию как западную державу, а не как азиатскую.

Для Чхве Икхёна как для конфуцианского учёного китайская культура представляла особую значимость, так как на неё оказали влияние такие конфуцианские мудрецы, как Конфуций, Мэнцзы и Чжу Си. Таким образом, начало отношений с вестернизированной Японией и западными державами Чхве Икхён воспринимал как отказ от связи с китайской культурой. Именно поэтому он

воспринимал сторонников открытия страны для активных торгово-экономических и культурных обменов со странами Запада в качестве врагов, которые разрушают Корею [장현근, с. 40—41]. Он предполагал, что все политические и социальные проблемы Чосона возникли из-за насильственного открытия западными державами Китая.

Чхве Икхён также считал, что деятели фракции «Просвещения», которые поддерживали заимствование иностранных технологий, ухудшают положение Чосона. Движение «Просвещения» выступало за радикальную реформу корейского общества с помощью Японии, считая её близким по культуре государством, которое к концу XIX в. полностью модернизировалось. Радикальные реформаторы в период 1882—1884 гг. активно пользовались японской поддержкой, а в 1884 г. попытались поднять восстание. Чхве Икхён рассматривал это как измену, что лишь губит государство: *«То, что преобразует китайскую культуру в обычаи варваров, и то, что превращает человека в зверя, называется «Просвещение», и всего лишь это слово легко губит чужую страну и разрушает чужую семью. Зачем страну, которая называется «Суверенной» отдавать в руки врага... Или рвать традиционный наряд и, переодеваясь в варварский наряд, называть это цивилизацией, или, говоря о богатстве и силе, уничтожая военную систему и бросив защиту, ослаблять положение государства день ото дня?»* [면암집1].

Для идеологов фракции «Виджон чхокса», одним из которых и был Чхве Икхён, в отличие от сторонников реформ и вестернизации, также известных как партия «Просвещения» или партия «Прогресса»,¹ западные технологии не воспринимались как что-то хорошее, что может помочь развитию страны и улучшить жизнь населения. Традиционные конфуцианские учёные считали, что устройство мира, на котором настаивает Запад, на самом деле является варварством, и только китайская цивилизация, основанная на морали, — настоящая развитая цивилизация. Чхве Икхён был уверен, что Китай недолго будет подвергаться вмешательству западных стран, и в конце концов вновь станет сильным государством и идеальный политический порядок будет восстановлен [장현근, с. 40]: *«Граница между Китаем и варварами и рубеж между человеком и зверем — принцип Вселенной, и это не может измениться»* [면암집2].

Таким образом, на примере Пака Кюсу, Ким Юнсика и Чхве Икхёна можно проследить изменения понимания и отношения к западным державам, а также выделить общие и различные черты у деятелей фракции Чхинчхонпха.

Деятели процинской фракции, даже в условиях ослабленного положения Китая, видели в сохранении отношений с Цинской империей способ защиты независимости Чосона. С их точки зрения, Китая не мог пасть из-за вмешательства иностранных держав. Чхинчхонпха верили, что, когда Цинская империя вновь станет сильна, она сможет защитить Чосон, поэтому считали необходимым продолжать поддерживать отношения с ней.

¹ Партия, которая выступала за модернизацию Кореи. Была разделена на две фракции: фракция умеренного просвещения, которая признавала частичное заимствование иностранных достижений, и радикальная фракция, которая настаивала на полном реформировании всех институтов страны.

Несмотря на то, что Пак Кюсу, Ким Юнстик и Чхве Икхён придерживались позиции сохранения отношений с Китаем, они расходились во мнении касательно использования западных технологий. Пак Кюсу и Ким Юнстик поддерживали модернизацию, но считали, что она должна проходить по китайскому образцу. Пак Кюсу пришёл к этому выводу после поездки в Китай в 1872 г., а после передал свои мысли и Ким Юнстику.

Представители процинской фракции также считали, что конфуцианское общество превосходит западное. Пак Кюсу предполагал, что через общение Востока и Запада иностранные державы смогут прийти к лучшему устройству общества, т. е. к конфуцианскому. Ким Юнстик, в отличие от своего учителя, видел, что этого не происходит, и считал, что можно принимать технологические достижения Запада при отрицании католичества. Чхве Икхён видел спасение Чосона в сохранении традиционного конфуцианского учения, моральных и доктринальных устоев. Он считал, что, только поддерживая традиции, можно спасти Чосон.

Несмотря на то, что взгляды деятелей Чхинчхонпха относительно взаимодействия с иностранными державами и использования западных технологий различались, они всё же видели потенциальную опасность в западных государствах, которая подтверждалась активной политикой не только в регионе Северо-Восточной Азии, но и в Юго-Восточной Азии. Пак Кюсу, Ким Юнстик и Чхве Икхён искали защиту Корейского полуострова разными способами: как через внешнюю дипломатию и умеренную модернизацию государства, так и через сохранение традиционного конфуцианского общества и полного закрытия страны.

Таким образом, деятели Чхинчхонпха, чьи взгляды были сформированы в условиях меняющейся политической ситуации вне Корейского полуострова, выработывали собственное видение дальнейшей судьбы Чосона и играли в XIX в. значимую роль во внутри- и внешнеполитических процессах государства. Деятели процинской фракции активно участвовали в государственной деятельности: они влияли на принятие важных политических решений, играли значимую роль в дипломатических отношениях.

Библиографический список

- 고종. 일성록 [Кочжон. Записи ежедневных размышлений].
- 김명호. 박규수, «백위선편평어» [Ким Мёнхо. Пак Кюсу, «Отзыв на Пёквисонпхён»]. (На кор.).
- 김성배. 환제 박규수와 사무(時務)의 국제정치학: 중국관과 한중관계 요인을 중심으로 [Ким Сонбе. Международная политика Хванджэ Пак Гю Су и Симу: фокус на китайской перспективе и факторах корейско-китайских отношений]. 한국정치학회보, 2012 vol.46, no.2, pp.5—29. DOI: 10.18854/kpsr.2012.46.2.001. URL: https://www.kci.go.kr/kciportal/landing/article.kci?arti_id=ART001679147 (дата обращения: 16.07.2024). (На кор.).
- 면암 최익현의 1876년 강화도조약 체결 반대 글 [Статья Мёнама Чхве Икхёна против подписания Канхваского договора 1876 года]. URL: http://contents.history.go.kr/mobile/hm/view.do?levelId=hm_116_0060 (дата обращения: 16.07.2024). (На кор.).
- 면암집 [Сборник Мёнама].

백승철. 운양 김윤식의 국제 정세인식과 외교론 [Пэк Сынчхоль. Восприятие международной ситуации и дипломатической теории Уньяном Ким Юн Сиком]. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE11372546> (На кор.).

운양집 [Сборник Уньяна].

유바다. 19세기 후반 조선의 국제법적 지위에 관한 연구 [Ю Бада. Исследование международного правового статуса Чосона в конце XIX века]. URL: <https://scienceon.kisti.re.kr/srch/selectPORSrchArticle.do?cn=DIKO0014435894> (На кор.).

장현근. 중화질서 재구축과 문명국가 건설 : 최익현·유인석의 위정척사사상 [Чан Хёнгын. Восстановление китайского порядка и построение цивилизованной нации: теория «Виджон чхокса» в Чхве Икхёне и Ю Инсоке]. URL: <https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArtiView.kci?sereArticleSearchBean.artiId=ART000879081> (На кор.).

조선왕조실록 [Анналы династии Чосон].

References

고종. 일성록 (Gojong. Ilseongnok) [Gojong. Journals of daily reflections].

김명호. 박규수, «백위신편평어» (Kim Myoung-ho. Pak Gyusu, Tyeopbyeogwisinpyeonpyeongeotyeo) [Kim Myoung-ho. Park Kyu-soo, «Review of Peakwiseonpyeong»]. (In Korean).

김성배. 환재 박규수와 시무(時務)의 국제정치학: 중국관과 한중관계 요인을 중심으로 (Kim Seongbae. Hwanjae bakgyusuwa simu ui gukjejeongchihak: junggukgwangwa hanjungwangye yoineul jungsimeuro) [Sungbae Kim. Park, Kyu-Soo's International Politics in the mid-late 19th century]. 한국정치학회보, 2012 vol. 46, no. 2, pp. 5–29. DOI : 10.18854/kpsr.2012.46.2.001 URL: https://www.kci.go.kr/kciportal/landing/article.kci?arti_id=ART001679147 (In Korean).

면암 최익현의 1876년 강화도조약 체결 반대 글 (Myeonam choeikyeonui 1876nyeon ganghwadojoyang chegyeol bandae geul) [Article by Myeonam Choi Ik-hyun against the signing of the Treaty of Ganhwa in 1876]. URL: http://contents.history.go.kr/mobile/hm/view.do?levelId=hm_116_0060 (accessed: 16.07.2024).

면암집 (Myeonamjip) [Collection of Myeonam].

백승철. 운양 김윤식의 국제 정세인식과 외교론 (Baek Seung Cheol. Unyang gimyunsigui gukje jeongseinsikgwa oegyoron) [Baek Seung Cheol. Acknowledging of International affairs and diplomatic theory of Unyang Kim Yun Shik]. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE11372546> (In Korean).

운양집 (Unyangjip) [Collection of Unyang].

유바다. 19세기 후반 조선의 국제법적 지위에 관한 연구 (Yu Bada. 19segi huban joseonui gukjebeopjeong jiwie gwanhan yeongu) [Yu Bada. Study of the international legal status of Joseon at the end of the 19th century]. URL: <https://scienceon.kisti.re.kr/srch/selectPORSrchArticle.do?cn=DIKO0014435894> (In Korean).

장현근. 중화질서 재구축과 문명국가 건설 : 최익현·유인석의 위정척사사상 (Jang Hyeongeun. Junhwajilseo jaeguchukgwa munmyeonggukga geonseol : choeikyeontpsyuinseogui wijeongcheoksasasang) [Chang Hyung-geun. Restoring Chinese Order and Building a Civilized Nation: The Wijeong Choksa Theory in Choi Ik-hyun and Yoo Inseok]. URL: <https://www.kci.go.kr/kciportal/ci/sereArticleSearch/ciSereArtiView.kci?sereArticleSearchBean.artiId=ART000879081> (In Korean).

조선왕조실록 [Annals of the Joseon Dynasty].

Поступила в редакцию: 25.07.2024
Принята к публикации: 20.11.2024

Received: 25.07.2024
Accepted: 20.11.2024

Д.Е. Шкатов

**«Ревизионизм» и «великодержавность»:
потенциальные источники исторических обид
в советско-северокорейских отношениях
в 1950—1960-е гг.**

Аннотация. Статья анализирует, как в северокорейской историографии освещаются советско-северокорейские отношения в период руководства [Советским Союзом] Н.С. Хрущева. Именно на этот период приходится ухудшение двусторонних отношений и к нему относится наибольшее число эпизодов, воспринимаемых КНДР негативно. К таким эпизодам относятся попытки со стороны Советского Союза вмешаться в внутрипартийную борьбу в 1956 году, давление на внешнюю политику КНДР, расхождение внешнеполитических линий в том, что касалось взаимодействия с капиталистическим лагерем. Анализ проводится на основании научных публикаций, изданных в Северной Корее. Внимание именно этим проблемам обуславливается особенностями государственной идеологии КНДР, в соответствии с которой осуществляется в том числе научная деятельность — подчеркивание независимости и самостоятельности государства в политике, экономике и сфере обороны как абсолютной ценности.

Ключевые слова: советско-северокорейские отношения, XX съезд КПСС, СЭВ, историография КНДР, историческая наука в КНДР, ревизионизм.

Автор: Шкатов Данил Евгеньевич, аспирант, кафедра востоковедения, младший научный сотрудник, Центр японских, корейских и монгольских исследований, МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-6690-0181.
E-mail: d.szkatow@gmail.com

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шкатов Д.Е. «Ревизионизм» и «великодержавность»: потенциальные источники исторических обид в советско-северокорейских отношениях в 1950—1960-е гг. // Корееведение. 2024. № 4 (9). С. 42—53.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.75.74.005.

D.E. Shkatov

**“Revisionism” and “great-powerness”: potential sources of historical grievances
in Soviet-North Korean relations in the 1950s-1960s.**

Abstract. The article examines how North Korean historiography addresses Soviet-North Korean relations during the leadership of Khrushchev, a period marked by deteriorating bilateral relations and a significant number of episodes viewed negatively by the DPRK. These episodes include the Soviet Union's attempts to interfere in the

internal party struggle in 1956, pressure on the DPRK's foreign policy, and the divergence of foreign policy approaches regarding interaction with the capitalist camp. The analysis is based on scientific publications produced in North Korea. The focus on these issues is influenced by the unique characteristics of the DPRK's state ideology, which emphasizes the independence and autonomy of the state in politics, economics, and defense as fundamental values.

Keywords: Historiography of the DPRK, revisionism, history in the DPRK, Soviet-North Korean relations, 20th Congress of the CPSU, COMECON.

Author: Shkatov D.E., Ph.D. student, Dept. of Oriental Studies; Researcher, Center for Japanese, Korean and Mongolian Studies, MGIMO University.
ORCID: 0000-0001-6690-0181. E-mail: d.szkatow@gmail.com

Acknowledgement. This work was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00109).

Conflict of Interests. The author declare the absence of the conflict of interests.

For citations: Shkatov D.E. «Revizionizm» i «velikoderzhavnost'»: potencial'nye istochniki istoricheskikh obid v sovetsko-severokorejskikh otnosheniyah v 1950—1960-e gg. [“Revisionism” and “great-powerness”: potential sources of historical grievances in Soviet-North Korean relations in the 1950s-1960s.]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 4 (9): 42—53. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.75.74.005.

На данный момент отношения между Россией и Корейской Народно-Демократической Республикой находятся, наверное, в одной из высших точек за всю историю. Выражением этих отношений, в частности, стал заключенный в 2024 г. двусторонний Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве. В результате между странами активизировались обмены — как по политической, так и по культурной и академической линиям.

При этом для развития двусторонних отношений важно понимать не только партнера по диалогу, но и как тот воспринимает нас самих. Отдельного анализа заслуживает взгляд партнера по диалогу не только на нынешнее состояние, но и на историю связей в целом. В истории двусторонних отношений любых стран, тесно взаимодействовавших между собой в прошлом, найдутся как примеры сотрудничества и взаимопомощи, так и «спорные сюжеты», интерпретация которых будет сильно разниться.

Не лишена таких сюжетов и история развития российско-северокорейских, а если говорить о большей части XX в., то советско-северокорейских отношений. Конечно, само существование различий в оценках «спорных сюжетов» не означает их актуализацию и использование в качестве «исторических обид». Но нейтральный научный анализ таких сюжетов необходим, так как понимание *потенциальных* исторических обид и их неангажированное обсуждение могут способствовать тому, что эти сюжеты останутся предметом академической дискуссии.

В качестве потенциально проблемных сюжетов советско-северокорейских отношений можно выделить следующие [Дьячков, Шкатов, с. 41]:

- визит миссии А. Микояна и Пэн Дэхуая в Пхеньян в 1956 г.;
- давление СССР на внешнюю политику КНДР;

- отказ Советского Союза и затем новой России от безусловной поддержки КНДР и затем военного союза.

Данное исследование будет посвящено северокорейскому восприятию отношений с СССР в период руководства страной Н.С. Хрущева; к таковым относятся два из трех приведенных выше сюжетов. Целью данной работы является анализ оценок, данных в историографии КНДР этим событиям истории двусторонних отношений. Для этого в статье предпринята попытка дать ответы на следующие вопросы:

1) Какие конкретно действия Советского Союза подаются в «негативном свете»?

2) Кого считают ответственным, по мнению северокорейских историков, за проведение такой политики?

3) Какие выводы делаются из этих сюжетов?

Основными источниками исследования являются исторические работы, изданные в КНДР. К большей части из них автор получил доступ во время командировки в Республику Корею осенью 2024 г.; в российских библиотеках данных источников обнаружено не было. Главным источником по теме является труд «Опыт борьбы Трудовой партии Кореи против ревизионизма» [Ко Чжонун, Ли Чжунхан, 1995]. Будучи написанной в худший для двусторонних отношений период, эта работа характеризуется резкостью оценок и является кристаллизованным выражением resentment касательно Советского Союза, существовавшего в то время в политической и академической средах КНДР. Также в качестве источников выступают два издания «Истории Трудовой партии Кореи» — 1991 г. и 2018 гг. [История..., 1991; 2017, 2018], 3-й том «Полной истории Кореи» [Чон Ённюль, Ким Чханхо, Кан Сокхи, 1987], а также отдельные публикации на северокорейских сайтах в Интернете.

Собственно история самих советско-северокорейских отношений достаточно изучена. В качестве главных фундаментальных работ можно привести недавний российско-южнокорейский проект «Российско-корейские отношения в формате параллельной истории» [Российско-корейские отношения..., 2022] и коллективную монографию «Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории» [Торкунов, Денисов, Ли, 2008]. Стоит также отметить работы, посвященные отдельным периодам отношений. Например, периоду руководства СССР Н.С. Хрущёвым, когда проявились разногласия между Советским Союзом и КНДР, посвящены работы Балаша Солонтая «Ким Ирсен в эпоху Хрущёва» [Kim Il Sung..., 2005], Андрея Ланькова «Август 1956 г. Кризис в Северной Корее» [Август 1956..., 2009] и Нобуо Симотомаи «Ким Ир Сен и Кремль. Северная Корея эпохи холодной войны 1945—1961 гг.» [Ким Ир Сен и Кремль...].

Вопросам северокорейского восприятия истории двусторонних отношений посвящено не так много работ. С темой данной статьи напрямую перекликается работа М.С. Феденевой «Концепция «нового ревизионизма» и борьба с советским влиянием в КНДР в первой половине 1960-х гг.» [Феденева, 2016]. Она анализирует, как в указанный период в Северной Корее трактовали ревизионизм, а также то, в каких конкретных действиях выражалось ухудшение отношений с Советским Союзом. Здесь можно отметить статью южнокорейского

исследователя Чо Хоёна¹ «Холодная война в историческом восприятии: история России в северокорейской историографии» [Чо Хоён, 2015], а также диссертацию Ко Минчжон «Изменения в северокорейском дискурсе о Советском Союзе: на примере статей и лозунгов из газеты “Советско-корейская дружба”» [Ко Минчжон, 2020]. Как можно видеть, данная тема все еще ждет своих исследователей.

Фракционная борьба 1956 г. и вмешательство Советского Союза

В первые годы существования северокорейского государства внутри главной политической силы страны — Трудовой партии Кореи — выделилось несколько группировок. В их число входили так называемая партизанская группировка — Ким Ирсен и его соратники по антияпонской партизанской борьбе; советская фракция — советские корейцы, обладавшие опытом партийной и административной работы, присланные из Советского Союза, зачастую имели двойное гражданство и поддерживали тесные связи с советским посольством в Пхеньяне; «яньаньская» группировка — корейцы, которые в 1930—1940-е годы были членами Китайской коммунистической партии; четвертой группировкой была так называемая внутренняя — ее составляли участники коммунистического движения, действовавшего до 1945 г. на территории Корейского п-ва [Ланьков, 1995, с. 22—30].

«Внутреннюю» фракцию разгромили после окончания Корейской войны. Ее главного представителя, Пак Хонъёна, объявили шпионом, виновным в провалах военного времени, и репрессировали. Остальные фракции столкнулись во внутривнутриполитическом противостоянии в 1956 г. Катализатором для этих событий послужил XX съезд ЦК КПСС в феврале упомянутого года и начало курса на десталинизацию. В рамках этого курса от стран «народной демократии», к которым причислялась и КНДР, ожидалась поддержка мер по десталинизации и устранению культа личности. Советская и китайская фракции попытались выступить против Ким Ирсена, критикуя его за культ личности, неудачи в экономической политике, отказ следовать решениям XX съезда. Сторонники этих фракций намеревались сместить Ким Ирсена с руководящих постов, и обращались к своим патронам в СССР и КНР с запросами на вмешательство.

Выступление против Ким Ирсена привело к разгрому советской и китайской фракций. Умело играя на противоречиях между фракционерами, Ким Ирсен, опираясь на поддержку партийных масс, добился смещения выступавших против него со всех занимаемых ими постов. Партийные чистки заставили вмешаться СССР и Китай — в сентябре 1956 г. в Пхеньян прибыла делегация во главе с А. Микояном и Пэн Дэхуаем, которые потребовали от Ким Ирсена прекращения репрессий и восстановления пострадавших в партии. Руководство КНДР пошло на временные уступки, но запомнило попытку соседей вмешаться во внутренние

¹ Редакционный совет принимает статьи с транскрипцией корейских имён на русский язык на усмотрение автора: по системе Концевича или, как они используются МИД РФ и СМИ (прим. глав. ред.).

дела их страны. На фоне последовавшего раскола между СССР и КНР внимание этих государств к происходящему внутри КНДР угасло, а сам Ким Ирсен, пользуясь этим, полностью консолидировал власть в своих руках.

Если посмотреть на то, как северокорейская историография оценивает эти события, можно отметить следующее. Во-первых, Н.С. Хрущев именуется не иначе как «современный ревизионист», который предал дело революции, а его политика в итоге привела к крушению социализма. Корнем возникновения ревизионизма называется попадание под буржуазное влияние и капитуляция под давлением империализма. Этими формулировками северокорейские историки критикуют отход от сталинских практик в управлении экономикой и доктрину мирного сосуществования [Ко Чжонун, Ли Чжунхан, 1995, с. 7—19].

Если говорить о событиях конкретно советско-корейских отношений, то им даются следующие оценки. Партийная борьба середины 1950-х описывается как борьба против двух течений, порожденных ревизионизмом — догматизма и низкопоклонничества перед большими странами (교조주의와 사대주의).

За что конкретно их критикуют? Приверженцы догматизма подверглись критике за неспособность разглядеть историческую ограниченность марксизма и одновременно с тем — за отрицание революционной сущности марксизма. Под первым имеется в виду буквальное восприятие марксизма и отрицание необходимости развивать его согласно местной специфике; под вторым — утверждение, что революция побеждает вместе с построением социалистического государства. В вину им ставится то, что они выступали за проведение политики без учета национальных особенностей, опираясь исключительно на опыт других стран (конкретные государства не называются, но между строк читается упрек в сторону СССР), — проведение сначала индустриализации, и только потом — коллективизации, а не их параллельное осуществление [Там же, с. 59—69].

Сторонников низкопоклонничества перед большими странами критикуют за нежелание развивать отечественную культуру, стремление изучать в первую очередь культуру и историю других стран, намерения «уничтожить культурное наследие». В сфере экономики догматизм и низкопоклонничество проявлялись в абсолютизации материальных стимулов, нежелании признавать важность стимулов идеологических [Там же].

Непосредственная роль Советского Союза упоминается в связи с выступлением фракционеров против Ким Ирсена в августе 1956 г. Сама проблема существования фракций в партии признается как существовавшая исторически (역사적으로 내려오던 종파) [История..., 1991, с. 393; 2017, с. 286]. В качестве главных фракционеров упоминаются только Чхве Чханик и Пак Чханок. В качестве главного «злодея» выступает именно Чхве Чханик, упоминающийся и в обоих изданиях истории партии, и в «Опыте борьбы партии с ревизионизмом». Член советской фракции Пак Чханок упоминается только в последней работе. При этом принадлежность к группировкам в северокорейских трудах не указывается, они просто именуются «фракционеры» и «ревизионисты». Не упоминаются ни какие-либо другие члены этих группировок, ни их численность.

Северокорейская интерпретация позиций фракционеров выглядит следующим образом. Во-первых, они критиковали руководство ТПК за то, что оно не

следовало решениям XX съезда КПСС и считало его решения «ересью». Во-вторых, критике подвергалась партия за концентрацию на развитии исключительно тяжелой промышленности в то время, когда народ бедствует. В-третьих, они считали неверной кадровую политику партии, отрицали ее роль и народно-демократическую диктатуру. Кроме того, они предлагали решить проблему объединения Кореи с помощью правого уклона [Ко Чжонун, Ли Чжунхан, 1995, с. 70].

Участие Советского Союза в данных событиях оценивается в негативном ключе. Оно названо «вмешательством современных ревизионистов в союзе с великодержавниками (대국주의자)». Как пишут северокорейские авторы, «вмешательство ревизионистов было особенно сильно против партий, защищавших революционные принципы» [Там же, с. 92]. Первым эпизодом такого вмешательства названо требование достигнуть компромисса с США по вопросам послевоенного урегулирования. Вторым эпизодом, которому уделено основное внимание, стало вмешательство Советского Союза во внутрипартийную борьбу.

Северокорейские авторы отмечают, что КПСС приказала остальным социалистическим странам решить вопрос «культы личности». Н.С. Хрущев отправил делегацию на III съезд ТПК с целью «навязать» КНДР решение вопроса «культы личности». На съезде советская делегация «получила решительный отпор со стороны ТПК». Визит делегации А. Микояна и Пэн Дэхуая упоминается косвенно: говорится, что после «организационной ликвидации фракционеров» <...> «современные ревизионисты, вместо того чтобы вынести уроки из этой ситуации, продолжили бессовестно вмешиваться во внутреннюю политику, разглагольствуя, что “внутри корейской партии беспокойно, нам необходимо вмешаться” и “зачем вы исключили их (т. е. ревизионистов) из партии”». Однако партия, твердо придерживаясь самостоятельных позиций и революционных принципов, вовремя заблокировала «грязное и высокомерное вмешательство современных ревизионистов и великодержавников» [Там же, с. 92—94].

Оба издания «Истории ТПК» в большей степени концентрируются на действиях самих фракционеров, но вмешательство Советского Союза также упоминается. В главе про III съезд ТПК отмечается, что к нему было приковано большое международное внимание, поскольку это был первый съезд после XX съезда КПСС. Историки партии пишут о советской делегации, которая требовала принять линию на мирное сосуществование и критику культа личности [История..., 2018, с. 307—308]. Когда говорится о выступлении фракционных группировок в августе 1956 г., влияние внешних сил упоминается лишь косвенно: «после того как в международном коммунистическом движении подняли голову ревизионисты, клика фракционеров, восприняв это как “международное идейное течение”, начала махинации по привнесению этих идей в Корею»; «...было ясно, что, если оставить фракции так, как есть, то впоследствии они бы встали на путь объединения с врагами¹» [Там же, с. 310—313]. Практически такие же оценки даются и в «Полной истории Кореи» [Чон Ённюль, Ким Чханхо, Кан Сокхи, 1987, с. 536—542].

Совет экономической взаимопомощи и КНДР

Другим примером, где действиям советского руководства дается негативная оценка, является тезис, что СССР пытался заставить КНДР присоединиться к Совету экономической взаимопомощи. Описывая эти события, северокорейские авторы приводят цитату из выступления Ким Ирсена в 1991 г., где он, вспоминая о требованиях присоединиться к СЭВ, утверждает, что отказ был «миллион раз правильным решением». «Если бы мы не смогли отстоять самостоятельность и, подчинившись другой стране, вступили бы в СЭВ, то, как и для других стран Восточной Европы, это принесло бы плачевные результаты» [Ко Чжонун, Ли Чжунхан, 1995, с. 96].

Самой идее создания СЭВ дается гораздо более положительная оценка. Организация характеризуется как «орган экономического сотрудничества, созданный, чтобы объединенными усилиями противостоять экономической блокаде со стороны империалистов. СЭВ в основном занимался созданием и развитием двусторонних торговых отношений между странами-членами, а также обменом опыта экономического строительства и проведением совместных исследований по вопросам экономики и техники» [Там же]. Однако начиная с середины 1950-х годов на фоне подъема современного ревизионизма орган перешел к решению вопроса специализации производства. По словам авторов, «с помощью пространства СЭВ современные ревизионисты собирались экономически подчинить себе социалистические страны» [Там же, с. 96—97].

Северокорейские авторы так описывают аргументы «современных ревизионистов» к требованиям вступить в СЭВ: развитие всех областей промышленности, с первоочередным развитием тяжелой промышленности, не нужно КНДР; лучше будет сделать упор на легкую промышленность, сельское хозяйство, а тяжелую промышленность ограничить лишь производством оборудования для шахт. В качестве меры давления приводится угроза не поставлять станки и оборудование, которые были обещаны в рамках помощи послевоенному восстановлению. Такая аргументация трактуется как «стремление сделать из Кореи шахту, отсталую страну, которая бы продавала сырье, и экономически подчинить ее себе» [Там же].

Отдельно жестко авторы критикуют продвигаемые Н.С. Хрущевым через СЭВ идее о «международном разделении труда» и создании «единой системы хозяйствования» (통합경제). Идея состояла в том, что социалистические страны должны были участвовать в международной кооперации и в соответствии с ней выбрать приоритетные сферы специализации, которые обуславливались бы либо экономико-географическими факторами, либо существовавшими национальными и производственными традициями. Руководство КНДР, пытавшееся построить автаркическую экономическую систему, не могло принять данные установки. Описывая конфликт, вызванный отказом Северной Кореи присоединиться к

¹ Впрочем, определение «врага» здесь достаточно широкое и не указывает конкретно на Советский Союз. Одно из упоминаемых в затрагиваемых источниках обвинений Чхве Чханику и Пак Чханоку — это «контакты и попытка получить помощь от американских империалистов».

СЭВ, упоминается резкая критика северокорейской политики: «националистические тенденции», «изоляция от социалистической системы», «политически опасная и экономически вредная линия». Перечисляются меры экономического давления со стороны «современных ревизионистов»: требования закупать у СССР товары по высокой цене, а северокорейские товары на международных рынках продавать по низкой; в ответ на запрос со стороны КНДР предоставить необходимую технику последовал отказ дать даже чертежи; отмена заключенных с Кореей соглашений. Тем самым построению корейского национального хозяйства был нанесен большой ущерб. Авторы идут дальше, заявляя, что прими КНДР советские требования, она не смогла бы создать никакой новой отрасли промышленности и была бы полностью подчинена экономике другой страны [Там же, с. 97—102]. Практически аналогичные оценки в более кратком изложении приводятся и в «Истории ТПК» [История..., 2018, с. 305—306]. Отказ от вступления в СЭВ часто приводится как пример успешной и мудрой политики «опоры на собственные силы» (자력갱생) и в публицистических публикациях. Иллюстрацией этого могут служить публикации на сайте университета имени Ким Ирсена¹.

Расхождения с СССР в вопросах внешней политики

Северокорейскими авторами критикуется также и внешняя политика СССР при Н. Хрущеве, в том числе по тем вопросам, которые напрямую не затрагивали Корею. В этой критике можно выделить два направления. Первое — это несогласие с проводимой Советским Союзом оборонной политикой и навязыванием своей линии другим соцстранам. Второе — это следование политике «мирного сосуществования» и попытка пойти на договоренности с империалистами, в первую очередь с США.

Несогласие с советской оборонительной политикой выражается следующим образом. Официальная позиция КНДР всегда заключалась в том, что страна должна обладать достаточными силами для самообороны и в этом вопросе не должна быть зависима от третьих стран. Вразрез с этим идет восприятие советской позиции, которая, согласно северокорейскому изложению, заключалась в том, что другим социалистическим странам не было необходимости всесторонне развивать военную мощь, так как их охраняли передовые советские ракетно-ядерные разработки. Более того, заявляют северокорейские историки, ради снижения международной напряженности не нужно давать повода для провокаций со стороны империалистов. Целью такой политики объявляется «намерение, поставив социалистические страны под свой “ядерный зонтик”, определять за них их судьбу» [Ко Чжонун, Ли Чжунхан, 1995, с. 102—103]. В «Истории ТПК» отдельно приводится критика Организации Варшавского договора как инструмента в руках Хрущева по подчинению армий стран соцблока Советскому Сою-

¹ 주체사상을 신봉하는 사람은 주체철을 해야 한다 [Те, кто стоит в авангарде идей чучхе, должны изготавливать чучхейское железо] // Kim Il-Sung University: 2023. URL: <http://www.ryongnamsan.edu.kp/univ/ko/research/articles/b2005ea31710de47466d9e53068edc71> (дата обращения: 15.11.2024).

зу. [История..., 2018, с. 306]. В качестве примера правильности политики по укреплению самообороны и недоверия СССР приводится тот факт, что благодаря этому КНДР смогла «разгромить провокационные махинации империалистов» в 1968 г. во время инцидента с кораблем США «Пуэбло»¹ и в 1976 г. во время инцидента в Пханмунчжоме [Ко Чжонун, Ли Чжунхан, 1995, с. 106].

Политика «мирного сосуществования» яро критикуется северокорейскими авторами, так как, с их точки зрения, империализм во главе с США является главным разжигателем войн и конфликтов, и любые попытки достичь компромисса и пойти на уступки являются капитуляцией перед непримиримым врагом. В качестве примера такой «капитуляции» приводится Карибский кризис. В северокорейской интерпретации он выглядит как предательство Кубы со стороны Советского Союза, когда тот в одностороннем порядке «подчинился» требованиям США и вывел ракеты с острова, не получив ничего взамен [Там же]. Характерно, что такие оценки присутствуют даже в изданных относительно недавно школьных учебниках [Шкатов, 2024, с. 33].

В упрек Н.С. Хрущеву ставится попытка отойти от непримиримой конфронтации с капиталистическими странами. Для северокорейских авторов сам тезис, что «империализм оставил захватнические попытки», «империалисты не собираются развязывать войну, в которой они сами погибнут» выглядит ошибочно («Незахватнический империализм — это уже не империализм»). В подтверждение этому приводятся несколько речей Ким Ирсена и Ким Ченира об опасности империализма и борьбе против него [Ко Чжонун, Ли Чжунхан, 1995, с. 191—192]. Северокорейцы спорят с апелляцией Н. Хрущева к наследию В. Ленина в том, что касалось теоретического обоснования линии на «мирное сосуществование». Признавая, что В. Ленин говорил о возможности временного сосуществования с капиталистическими странами после победы социализма в ряде государств, отмечается, что это сосуществование не может быть «генеральной линией» международного социалистического движения [Там же, с. 198]. В целом, все обвинения в следовании линии на мирное сосуществование сводятся к простому тезису: «прекращение антиимпериалистической борьбы под вывеской “мирного сосуществования” и сотрудничество с империализмом — это предательство по отношению к социализму» [Там же, с. 199].

Заключение

В Корейской Народно-Демократической Республике чрезвычайно высока роль государственной идеологии — «кимирсенизма-кимчениризма» и его стержня в виде идей чучхе — в общественно-политической жизни. Любые академические или публицистические работы, изданные на территории республики — не исключение. Сама идеология неустанно подчеркивает абсолютную ценность са-

¹ Характерно, что оценки российских корееведов данного инцидента скорее противоположны. Отмечается, что именно посредническая роль Москвы и прямые контакты с Вашингтоном сыграли большую роль в урегулировании инцидента и ухода от прямого военного столкновения [Российско-корейские отношения..., 2022, с. 436; Ткаченко, 2000, с. 41—42].

мостоятельности страны во внутренней и внешней политике. Поэтому и события как и самой корейской истории, так и двусторонних отношений рассматриваются сквозь идеологическую призму.

По этой логике любая попытка извне заставить КНДР изменить свой внутри- и внешнеполитический курс должна расцениваться негативно. Как раз такие оценки и применяются к периоду советско-северокорейских отношений в 1953—1964 гг. Для северокорейских историков, живущих в государстве, построенным во многом по модели сталинского СССР, фигура Никиты Сергеевича Хрущева с его политикой, направленной на демонтаж сталинской модели, является исключительно негативной. Его (а вместе с ним и весь СССР того периода) называют не иначе, как «современные ревизионисты», и любой его шаг подвергается критике. В том, что касается двусторонних отношений, негативные оценки советских действий связаны с тем, что попытки СССР повлиять на политику КНДР воспринимаются как желание «ревизионистов» лишить Северную Корею самостоятельности и включить ее в сферу своего влияния.

Учитывая сказанное выше, нужно понимать, что, несмотря на все приведенные негативные оценки, они не реактуализируются в качестве «исторических обид» — сюжетов, которые используются как предлог для требования компенсаций или уступок. Несмотря на присутствие крайне нежелательных характеристик советской политике указанного периода не только в специализированной литературе, но и в школьных учебниках, не проводится преемственность современной российской политики с политикой СССР в исследуемый отрезок времени.

Библиографический список

Дьячков И.В., Шкатов Д.Е. Корейский взгляд на потенциальные исторические обиды в отношениях с Россией до 1910 г. // Сравнительная политика. Т. 14. № 3. 2023. С. 39—59.

Ланьков А. Н. Август, 1956 год: Кризис в Северной Кореи. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 350 с.

Симотомаи Нобуо. Ким Ир Сен и Кремль: Северная Корея эпохи холодной войны (1945—1961 гг.). М.: МГИМО-Университет, 2010. 331 с.

Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России. М.: Восточная литература РАН, 2000. 206 с.

Российско-корейские отношения в формате параллельной истории / ред. А.В. Торкунов, Ким Хакчун. М.: Аспект Пресс, 2022. 942 с.

Феденева М.С. Концепция «нового ревизионизма» и борьба с советским влиянием в КНДР в первой половине 1960-х гг. // Проблемы Дальнего Востока. № 1. 2016. С. 149—156.

Шкатов Д.Е. Взгляд на историю России XX века в школьных учебниках КНДР. // Корееведение. 2024. № 1(6). С. 26—36.

Szalontai, B. (2005). Kim Il Sung in the Khrushchev Era: Soviet-DPRK Relations and the Roots of North Korean Despotism, 1953—1964. Washington: Woodrow Wilson Center Press. 368 p.

고민정. 신문 ‘조선조선’ 기사와 구호로 본 북한의 소련 담론 변화 [Ко Минчжон. Изменения в северокорейском дискурсе о Советском Союзе: на примере статей и лозунгов из газеты «Советско-корейская дружба»]. Сеул: Ихваёчжахактан, 2020. 136 с. (На кор.).

고정웅, 리준향. 조선로동당의 반수정주의 투쟁경험 [Ко Чжонун. Ли Чжунхан. Опыт борьбы Трудовой партии Кореи против ревизионизма]. Пхеньян: Сахве квахак чхульпханса, 1995. 211 с. (На кор.).

전영률, 김창호, 강석희. 조선통사(하) [Чон Ённюль, Ким Чханхо, Кан Соххи. Полная история Кореи (3-й том)]. Пхеньян: Сахве квахак чхульпханса, 1987. 785 с. (На кор.).

조선로동당력사.1 [История Трудовой партии Кореи Т.1]. Пхеньян: Чосон нодондан чхульпханса, 2017. 447 с. (На кор.).

조선로동당력사 [История Трудовой партии Кореи]. Пхеньян: Чосон нодондан чхульпханса, 1991. 611 с. (На кор.).

조호연. 역사인식 속에서의 냉전 — 북한 역사학계의 러시아사 이해 [Чо Хоён. Холодная война в восприятии истории — история России в историографии Северной Кореи] // 서양사론. 2015. № 127. С. 71—106. (На кор.).

References

A.V. *Torkunov et al.* (2022) Rossiisko-koreiskie otnosheniia v formate parallel'noi istorii [Russian-Korean relations in the format of parallel history]. Moscow: Aspekt Press. 942 p. (In Russian).

Dyachkov I.V., Shkatov D.Ye. (2023) Korejskij vzglyad na potencial'nye istoricheskie obidy v otnosheniyah s Rossiej do 1910 g. [Korean Perspective on Potential Historical Grievances in Relations with Russia before 1910]. *Comparative Politics Russia*. 2023; 14(3): 39—59. (In Russian).

Lankov, A. (2009). Avgust, 1956 god: Krizis v Severnoy Koreye [Lankov, A. August, 1956: Crisis in North Korea]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), First President of Russia B.N. Yeltsin Foundation, 350 p. (In Russian).

Fedeneva, S. (2016). Konceptiya «novogo revizionizma» i borba s sovetским vliyaniem v KNDR v pervoj polovine 1960-h gg. [The Concept of New Revisionism and the Fight against the Soviet Influence in North Korea in the First Half of the 1960s]. *Problemy Dalnego Vostoka*. No. 1: 149—156. (In Russian).

Shimotomai Nobuo. (2010). Kim Ir Sen i Kreml: Severnaya Koreya epohi holodnoy vojny (1945—1961 gg.) [Kim Il-Sung and the Kremlin: North Korea in Cold War (1945—1961)], Moscow: MGIMO-Universitet. 331 p. (In Russian).

Shkatov D.Ye. (2024). Vzglyad na istoriyu Rossii XX veka v shkol'nyh učebnikah KNDR. [The Portrayal of Russian History of the 20th century in DPRK School Textbooks]. *Koreevedenie*. № 1(6): 26—36 (In Russian).

Szalontai B. (2005). Kim Il Sung in the Khrushchev Era: Soviet-DPRK Relations and the Roots of North Korean Despotism, 1953—1964. Washington: Woodrow Wilson Center Press. 368 p.

Tkachenko V.P. (2000). Korejskij poluostrov i interesy Rossii. [Korean Peninsula and Interests of Russia]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. 206 p. (In Russian).

고민정. 신문 ‘조선조선’ 기사와 구호로 본 북한의 소련 담론 변화 (Go Minjeong. sinmun ‘jossochinseon’ gisawa guhoro bon bukanui soryeon damnon byeonhwa) [Changes in the Discourses of the Soviet Union in North Korea : Articles and Slogans in Cho-Sso Chinson]. Seoul: Ewha Woman University. 2020. 136 p. (In Korean).

고정웅, 리준향. 조선로동당의 반수정주의 투쟁경험 (Experience of the WPK's Struggle against Revisionism) [Go Jeongung, Ri Junhang. Joseonrodongdangui bansujeongjuui tujaenggyeongheom]. Pyongyang: Sahoe gwahak chulpansa. 1995. 211 p.

전영률, 김창호, 강석희. 조선통사. (하) (Jeon Yeongryul, Gim Changho, Gang Seokhui. Joseontongsa. (Ha)) [Full History of Korea (Vol. 3)]. Pyongyang: Sahoe gwahak chulpansa, 1987. 785 p. (In Korean).

조선로동당력사 (Joseonrodongdangryeoksa) [History of the Workers' Party of Korea]. Pyongyang: Joseon rodongdang chulpansa, 1991. 611 p. (In Korean).

조선로동당력사.1 (Joseonrodongdangryeoksa) [History of the Workers' Party of Korea. Vol. 1]. Pyongyang: Joseon rodongdang chulpansa, 2017. 447 p. (In Korean).

조호연. (2015) 역사인식 속에서의 냉전 — 북한 역사학계의 러시아사 이해 (Jo Hoyeon. Yeoksainsik sogeseoui naengjeon — buhan yeoksahakgyeui reosiasa ihae) [The Cold War in the Perceptions of History — the Russian History in the Historiography of North Korea]. *Seoyangsaron*. No.127: 71—106. (In Korean).

Поступила в редакцию: 01.12.2024

Принята к публикации: 20.12.2024

Received: 01.12.2024

Accepted: 20.12.2024

А.В. Губин

Перспективы выхода Республики Корея в лидеры на мировом рынке вооружений

Аннотация. Настоящая аналитическая статья направлена на освещение особенностей становления и развития системы международного военно-технического сотрудничества и хода реализации руководством Республики Корея мероприятий по торговле оружием. Особый интерес связан с использованием Сеулом поставок боевых систем как инструмента внешней политики, направленного, помимо получения прибыли, и на укрепление своего влияния. Кроме того, стоит отметить и возможное влияние оборонного экспорта на ситуацию в том или ином регионе, что вряд ли принимают во внимание в РК, равно как и не намерены нести ответственность за возможные последствия при нарушении баланса сил. Особенность заключается в совпадении интересов южнокорейской политической верхушки и крупного бизнеса (*чэболь*) на фоне сближения Сеула с Вашингтоном по вопросам безопасности. Корейские вооружения набирают популярность в силу довольно высокого технологического уровня, выгодных финансовых условий, предложений по локализации производства и послепродажного обслуживания. Также РК для стимулирования спроса активно эксплуатирует тезис о повышенном уровне военных угроз и необходимости укреплять обороноспособность, что вполне соответствует и планам США по сохранению собственного влияния, в том числе с активным использованием союзников.

Ключевые слова: военная промышленность Южной Кореи, военно-техническое сотрудничество США и Южной Кореи, оборонный экспорт РК, международная безопасность, внешняя политика Южной Кореи

Автор: Губин Андрей Владимирович, к.полит. н., доцент, доцент кафедры международных отношений, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), адъюнкт-профессор, Цзилинский университет (Чанчунь, КНР). ORCID: 0000-0001-6042-5754. E-mail: gubin.av@dvfu.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Губин А.В. Перспективы выхода Республики Корея в лидеры на мировом рынке вооружений. // Корееведение. 2024. № 4 (9). С. 54—71. DOI: 10.48647/ICCA.2025.13.28.006.

A.V. Gubin

The prospects for the Republic of Korea's leadership in the global arms market

Abstract. This analytical article aims to highlight the peculiarities of the establishment and development of the system of international military-technical cooperation, as well as the implementation of measures by the leadership of the Republic of Korea regarding arms trade. Of particular interest is Seoul's use of combat system supplies as a foreign policy tool aimed not only at generating profit but also at strengthening its influence. Additionally, it is important to note the potential impact of defence exports on the situation in specific regions, which is often overlooked by the ROK, and there appears to be no intention to assume responsibility for the possible consequences should the balance of power be disturbed. The uniqueness of this situation lies in the convergence of interests between the South Korean political elite and large businesses (chaebols) against the backdrop of Seoul's rapprochement with Washington on security issues. Korean weapons are gaining popularity due to their relatively high technological level, favorable financial conditions, and offers for localization of production and after-sales service. Furthermore, to stimulate demand, the ROK is actively promoting the narrative of an increased level of military threats and the necessity to strengthen its defense capabilities, which aligns with U.S. plans to maintain its influence, including through the active engagement of allies.

Keywords: military industry of South Korea, military-technical cooperation between the US and South Korea, defense exports from the Republic of Korea, international security, foreign policy of South Korea

Author: Andrey Gubin, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), Adjunct-Professor, Jilin University (Changchun, China). ORCID: 0000-0001-6042-5754. E-mail: gubin.av@dvfu.ru

Conflict of Interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Gubin A.V. Perspektivy vyhoda Respubliki Koreja v lidery na mirovom rynke vooruzhenij [The prospects for the Republic of Korea's leadership in the global arms market]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 4 (9): 54–71. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.13.28.006.

Предпосылки для расширения военно-технического сотрудничества

Внешнеполитический курс Республики Корея (РК), а также практическая деятельность в сфере безопасности и обороны претерпели изменения после вступления в должность президента Юн Сок Ёля. В июле 2022 г. были опубликованы «120 задач государственной политики», где в общем виде описываются направления реализации целей и задач новой администрации [120 задач государственной политики]. В частности, подразумевается в военном строительстве опираться на науку, инновации и искусственный интеллект, развивать военную промышленность и наращивать экспорт вооружений. В рамках плана «Военные инновации 4.0», представленного Министерством обороны РК, предполагается активное вовлечение в НИОКР и производство частного бизнеса и учреждение комитета по государственно-частному партнёрству в сфере военных инноваций. Такого рода сопряжение военно-промышленного комплекса (ВПК) с гражданскими отраслями по замыслу должно существенно ускорить разработку новых технологий и

систем на их основе, снизить стоимость и повысить эффективность [Yoo K., Yun D., p. 166—169].

По данным Министерства обороны Республики Корея, по итогам 2023 г. объём зарубежных поставок продукции и услуг военного назначения составил 14 млрд долл., что вывело страну на 9-е место в мире среди главных экспортёров вооружений. Примечательно, что в 2022 г., когда Сеул впервые вошёл в топ-10 продавцов оружия, данный показатель составлял на тот момент рекордные 17,3 млрд долл., и планировалось выйти на уровень в 20 млрд в следующем периоде. Однако ряд запланированных контрактов, по всей видимости, перейдёт на более поздний срок ввиду финансовых сложностей у партнёров и затянувшейся паузы в переговорах по ряду направлений [Lee S.]. Примечательно, что в 2000 г. РК занимала 31-ю строчку в рейтинге мировых производителей и поставщиков вооружений и военной техники (ВиВТ). А в период с 2018 по 2023 г. продажи корейского оружия выросли по сравнению с предыдущей пятилеткой на 74 %, при этом в 2021 г. объём экспорта впервые в истории страны превысил импорт. Во многом данный рост стал возможным благодаря усиленному вниманию Сеула к укреплению экспортного потенциала собственного ВПК. По замечанию корейских экспертов, руководством ведётся планомерная работа по повышению конкурентоспособности отрасли, а также экономической эффективности [см.: Arthur G.].

Развитая производственная база и наличие доступа к передовым технологиям способствуют достижению таких лидеров машиностроения, как Hyundai, Daewoo, Kia, и других высоких показателей в удовлетворении внутреннего спроса и выполнении экспортных заказов. Вероятно, узнаваемость корейских производителей и хороший имидж товаров из Страны утренней свежести способствуют и успехам оборонной промышленности. При этом компании активно используют собственные технологические наработки, которые передают дочерним образованиям и подрядчикам, что также снижает себестоимость [Kanunnikova T.]. Кроме того, крупные финансово-промышленные группировки (чеболь) обладают широкими возможностями для политического лоббирования, что зачастую задаёт направленность дипломатической линии Сеула. Например, крупнейший военный концерн РК — Hanwha Group работает одновременно в сферах производства морских, сухопутных и воздушных вооружений, а также космической техники, электроники, боеприпасов, энергетических установок и беспилотников, постепенно приближаясь по масштабам выпуска и бюджету к американской Lockheed Martin [Черкашин П.].

Администрация ЮнСок Ёля ставит задачу к 2027 г. выйти на 4-е место по объёму поставок продукции военного назначения и занять не менее 5 % от глобальных заказов¹. При этом, уже сегодня разрыв между Республикой Корея и Китаем по доле рынка ВиВТ не так и велик, потому вполне вероятно, что через 3—5 лет Сеул действительно значительно укрепит свои позиции. Вместе с тем,

¹ Song, Sang-Ho. S. Korea aims for 5 pct share in global arms market by 2027 // Yonhap News Agency. 24.11.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221124007300325?section=national/defense> (дата обращения: 16.08.2024).

стоит учитывать, что в 2022 г. уникальная ситуация сложилась по итогам Мадридского саммита НАТО, когда фактически по личной протекции президента ЮнСок Ёля удалось наладить устойчивые связи с европейскими государствами¹. По замечанию экспертов, популярности корейского оружия способствует рост угроз или, по крайней мере, ощущение опасности со стороны «агрессивных и ревизионистских государств», которые в Сеуле не склонны развеивать, а скорее, напротив, выражают готовность повысить обороноспособность клиентов [Arthur G.]

В 2023 г., несмотря на формальное снижение суммы контрактов, Республика Корея смогла подписать соглашения уже с 12 странами по 12 видам вооружений и военной техники, тогда как ранее число партнёров и номенклатура поставок были заметно более скромными. По данным Стокгольмского института исследований проблем мира (СИПРИ), в начале 2024 г. Республика Корея занимала третье место в мире по размеру экспорта военных самолётов и первое место по иностранным поставкам танков и самоходной артиллерии, исходя из заключённых контрактов [SIPRI Arms Transfers Database]. Крайне важно, что корейцы пока что ещё в состоянии поддерживать высокий темп производства.

Одной из причин популярности корейского оружия можно назвать конфликт на Украине. Косвенно вовлечённые в боевые действия страны НАТО стали ощущать необходимость в массовой недорогой технике различного назначения, максимально приближённой к стандартам альянса. Спрос обусловлен как истощением собственных запасов из-за поставок украинскому режиму, так и старательно нагнетаемой антироссийской истерией. Некоторые страны Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона, даже напрямую не вовлечённые в проблемы европейской безопасности или же американо-китайское противоборство, тем не менее нацелены на укрепление собственной обороноспособности и выбирают РК в качестве формально независимого партнёра. Кроме того, корейцы стали активно использовать наступательную маркетинговую стратегию через участие в международных выставках и предлагая военную продукцию даже на непрофильных невоенных площадках в сфере современных технологий. При каждом же удобном случае в качестве рекламы упоминаются недавние крупные польские заказы.

«Мегасделка» с Польшей — локомотив корейского оружейного экспорта

В июле 2023 г. впервые за последние 14 лет глава Республики Корея совершил официальный государственный визит в Польшу. В программе были встречи с президентом А. Дудой, премьер-министром Д. Туском, политиками и бизнесменами. Главные пункты в итоговом коммюнике включают в себя, помимо про-

¹ *Кирьянов О.* Южная Корея с оптимизмом отчиталась об экспорте оружия в 2023 году // Российская газета. 19.02.2024. URL: <https://rg.ru/2024/02/19/iuzhnaia-koreia-s-optimizmom-ot-chitalas-ob-eksporte-oruzhiia-v-2023-godu.html> (дата обращения: 16.08.2024).

чего, установление корейско-польского партнёрства по послевоенному восстановлению промышленной, энергетической, социальной и гражданской инфраструктуры Украины, а также расширение военно-технического сотрудничества. Интересно, что Юна сопровождало 89 руководителей государственных и частных компаний, которые приняли активно участие в последующем бизнес-форуме. В ходе мероприятия были подписаны меморандумы о взаимопонимании в сфере высоких технологий, энергетики и услуг. Министерство промышленности, внешней торговли и ресурсов Республики Корея заключило соглашение с Министерством экономического развития и технологий Польши о содействии торговле и инвестициям, которое предусматривает взаимную поддержку компаний, улучшение деловой среды. Подобный интерес объясняется тем, что Варшава рассматривается Сеулом как ворота на европейский рынок, важный логистический и производственный центр¹.

Одним из главнейших результатов визита стал крупнейший в истории Республики Корея контракт на экспорт вооружений. В течение 2022—2023 гг. были достигнуты договорённости с Польшей о производстве и поставках 980 танков K2 Black Panther, 672 самоходных гаубиц K9 Thunder, 48 лёгких штурмовиков FA-50 Golden Eagle и 288 РСЗО K239 Chunmoо на общую сумму более 15 млрд долл. Первая крупная часть заказа в 180 танков, 212 САУ и 12 самолётов должна была быть поставлена до 2025 г., а пилотная партия бронетехники прибыла в Польшу еще в декабре 2022 г. В апреле 2023 г. корпорация Hyundai Rotem заявила о готовности создания с польскими военными компаниями PGZ и WZM совместного производства «ополяченной» версии основного боевого танка K2PL в количестве 820 единиц на территории Польши. Договорённость включала в себя создание производственных мощностей, оказание технической помощи, обучение персонала и организацию поставок.

Схожим образом обстоят дела с самолётами FA-50PL, которые будут доводиться в РК по требованиям заказчика. Новая версия будет способна применять более широкую номенклатуру вооружений, включая ракеты классов «воздух—воздух» и «воздух—земля», отличаться авионикой и РЛС. Кроме того, корейцы поставят тренажёры и будут заниматься обучением экипажей и технического персонала. Корпорация KAI планирует также открыть в Польше центры технического обслуживания и лётной подготовки, а также производство запасных частей.

В ноябре 2022 г. Агентство вооружений Министерства обороны Польши заключило соглашение с южнокорейскими компаниями DAPA и Hanhwa Aerospace на поставку реактивных систем залпового огня K239 Chunmoо на сумму 3,55 млрд долл., впоследствии расширив список до 288 машин. Часть установок, получивших наименование «Хомар-К», будут также выпускаться в Польше на польском шасси и оснащаться системой управления огнём местной разработ-

¹ Анализ ситуации: В основном бизнес и ничего личного — или визит Юн Сок Ёля в Варшаву и Киев // Asia Risk Research Center. 05.09.2023. URL: <https://asiarisk.org/novosti/340-analiz-situatsii-v-osnovnom-biznes-i-nichego-lichnogo-ili-vizit-yun-sok-jolya-v-varshavu-i-kiiev> (дата обращения: 22.08.2024).

ки; на месте будут производиться и 239-мм снаряды¹. Кроме этого, в августе 2023 г. Министерство обороны Польши заключило контракт на сумму 293 млн долл. на приобретение до 2030 г. 400 бронированных разведывательных машин KIA Raycolt. Скорее всего, KIA передаст технологии польской стороне для собственной локализации. По всей видимости, поляки откажутся от приобретения БМП K21 Redback в пользу национального проекта, однако, в случае возникновения технологических сложностей, нельзя исключать и возврата к сотрудничеству по данному направлению.

В июне 2023 г. состоялось первое заседание Совместного корейско-польского комитета по сотрудничеству в области обороны и военной промышленности. Главная цель данного органа — усиление военного и технологического потенциала Польши при содействии предприятий южнокорейского военно-промышленного комплекса. В числе перспективных проектов строительство компанией Poongsan завода по производству снарядов калибра 120 и 155-мм, совместное создание бронетранспортёров на базе K808 Baekho, экспорт подводных лодок KSS-II и KSS-III, поставки комплексов ПВО Cheongung-2, гранатомётов, ПЗРК и ПТРК. Как представляется, Варшава определённо рассчитывает с помощью трансфера корейских технологий выйти на иностранные рынки, что, к примеру, ранее уже сделала Турция.

Стоит отметить, что Сеул обеспечивает финансовую поддержку в виде кредитов и гарантий по линии КОЕХИМ Bank, однако лимит данного учреждения покрывает только часть контрактов. Для выделения новых пакетов помощи в интересах обеспечения дальнейших сделок, например по ВТС с Польшей, необходимо перевести более 15,6 млрд долл., что требует прямого вмешательства правительства и изменения законодательно установленных лимитов финансирования и страхования. В марте 2024 г. в целях стимулирования ВТС Национальной ассамблеей Республики Корея был принят первый законопроект, увеличивший лимит сделок с иностранными партнёрами до 18,1 млрд долл. в год, что сделало возможным увеличение числа контрактов и их насыщенности².

По сообщениям польских источников, будущее дальнейшего сотрудничества с корейцами находится под вопросом³. Главная причина — проблема с самолётами КА-50 из-за отсутствия сертификации ряда узлов и компонентов, низких темпов подготовки пилотов и персонала, а также сложностей с интеграцией в польскую систему вооружений. Варшава подготовила претензию, которую КАИ должна будет оперативно устранить под угрозой отмена контракта почти в 1,6 млрд долл. Однако нельзя сбрасывать со счетов и корыстной подоплёки поль-

¹ Польша заключила соглашение о закупке 288 южнокорейских реактивных систем K239 Chunmo // Блог BMPD. 20.10.2022. URL: <https://bmpd.livejournal.com/4601155.html> (дата обращения: 16.08.2024).

² Jung M. Bill to support K-Defense export passes, statutory limit raised to 25 trillion won // Business Korea. 06.03.2024. URL: <https://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=212508> (дата обращения: 25.08.2024).

³ Kucharczyk M. Bardziej zapchajdziura, niz samolot bojowy // Wiadomosci. 16.09.2024. URL: <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114881,31309469,nawet-w-nazwie-maja-zapchajdziura-a-fera-o-samoloty-z-korei.html> (дата обращения: 12.10.2024).

ских военных, состоящей в намерении «сбить цену» в том числе и по последующим сделкам. В частности, в сентябре 2024 г. Польша не подписала вторую часть контракта на поставку танков K2 из-за «невыгодных финансовых условий»¹.

Косвенное участие РК в поставках оружия на Украину

В марте 2023 г. южнокорейские издания выпустили сообщение о просьбе Вашингтона к Сеулу продать 120 тыс. снарядов калибра 155-мм для пополнения американских арсеналов². Причём в ноябре 2022 г. аналогичная сделка уже была проведена, а общая ёмкость американских заказов оценивается не менее чем в полмиллиона таких снарядов. Корейская сторона пыталась заручиться хоть какими-то твёрдыми гарантиями, что боеприпасы останутся на складах в США и не будут отправлены на Украину. Однако, по данным американских СМИ, боеприпасы всё же попали в зону конфликта при посредничестве Вашингтона, что *volens-nolens* сделало Сеул крупнейшим поставщиком артиллерийских боеприпасов для ВСУ³. Корейцы немедленно опровергли данные предположения, однако потенциально американцы никаких моральных обязательств не имеют и проверить данный факт можно только через сверку маркировки захваченных снарядов⁴.

Президент Юн подчёркивал, что Сеул готов оказывать Киеву только экономическую и гуманитарную помощь, но не военную⁵. Однако, например, сложно назвать чисто гражданской поставку Киеву 100 пикапов SsangYong, которые были замечены на фронте со стороны ВСУ в качестве носителей вооружения [*Совин В.*]. Снаряжение и оборудование, включая системы разминирования, генераторы, бронжилеты и т. д., также, несомненно, стали подспорьем для украинских военных.

Не стоит сбрасывать со счетов и переговоры между Сеулом и Киевом о прямых поставках вооружений, о которых неоднократно упоминала южнокорейская сторона. В частности, в апреле 2023 г. корейский президент отмечал, что может решиться на поставку летальных вооружений Украине в случае возникновения ситуации, «с которой не сможет смириться международное сообщество»⁶. Вместе

¹ Польша не подписала контракт на поставку танков K2 // РИА «Новости». 09.09.2024. URL: <https://ria.ru/20240909/polsha-1971528337.html> (дата обращения: 12.10.2024).

² [단독]韓,美에 155mm 포탄 50만발 대어 계약 // Донга Ильбо. 12.04.2023. URL: <https://www.donga.com/news/Politics/article/all/20230412/118792328/1?ref=main> (дата обращения: 20.09.2024).

³ Miscalculations, divisions marked offensive planning by U.S., Ukraine // Washington Post. 04.12.2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/12/04/ukraine-counteroffensive-us-planning-russia-war/> (дата обращения: 20.09.2024).

⁴ Минобороны Республика Корея опровергло данные о рекордных поставках снарядов на Украину // Рамблер Новости. 05.12.2023. URL: <https://news.rambler.ru/army/51887681-minoborony-respubliki-koreya-oproverglo-dannye-o-rekordnyh-postavkah-snaryadov-na-ukrainu/> (дата обращения: 20.09.2024).

⁵ Президент Республики Корея заявил, что страна не поставляла летальное оружие на Украину // ТАСС. 28.10.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16181867> (дата обращения: 05.08.2024).

⁶ Kim, S., Park, J., Shin, H. Exclusive: South Korea's Yoon opens door for possible military aid to Ukraine // Reuters. 19.04.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/south-koreas-yoon-opens-door-possible-military-aid-ukraine-2023-04-19/> (дата обращения: 20.09.2024).

с тем пока сложно сказать, насколько реально такое решение в силу генеральной позиции невмешательства в конфликт среди южнокорейского истеблишмента и делового сообщества.

Бесспорно, Республика Корея в целом присоединилась к антироссийской позиции глобального Запада, однако старается соблюдать прагматичную позицию. В 2021 г. наблюдался рекордный товарооборот между Россией и РК почти в 30 млрд долл. В 2022 г. показатель упал до 19 млрд, а в 2023-м — до 15 млрд. Санкции сильно ударили по корейскому бизнесу, который чаще всего прекращал работу в нашей стране не демонстративно «как все», а из-за вполне конкретных транспортных и финансовых сложностей. Позиция России однозначна — поставка оружия Киеву полностью разрушит отношения между Москвой и Сеулом [*Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай»*]. Вместе с тем корейские компании надеются принять участие в крупных проектах по восстановлению инфраструктуры Украины после окончания боевых действий на общую сумму не менее 750 млрд долл.¹, потому соображения получения прибыли гипотетически способны побудить капиталистов пойти на риск.

Образцы техники, предлагаемые Сеулом на экспорт

Одним из наиболее популярных и известных представителей южнокорейских ВиВТ можно считать основной боевой танк К2 «Чёрная пантера» (Heukpyo) производства корпорации Hyundai Rotem. Машина разрабатывалась с середины 1990-х годов с учётом передового мирового опыта танкостроения и действий бронетехники в локальных конфликтах, а производство началось в 2013 г. Стоимость НИОКР оценивается в 452,6 млрд вон (328 млн долл.) [*Результаты деятельности по НИОКР и экспорту танка К2*]. В 2022 г. началась программа модернизации (Product Improvement Program — PIP), включающая в себя установку системы управления боевой обстановкой, улучшенные средства связи, панорамный прицел командира и прицел наводчика с возможностью автоматического сопровождения, усиление бронезащиты, автоматизация работы шасси в зависимости от рельефа и условий на поле боя и другие новшества [*Завершен 2-й этап серийного производства танка К2*].

В начале 2000-х годов интерес к совместной с корейцами разработке основного боевого танка проявила Турция. Hyundai Rotem оказывала технологическое содействие Otokar, и в 2008 г. за 540 млн долл. продала лицензии на ряд конструктивных элементов будущего ОБТ «Алтай», который наполовину стал состоять из элементов корейского происхождения.

Первым же зарубежным покупателем К2 стала Польша. В декабре 2022 г. первые 10 машин из 180 заказанных прибыли в порт Гдыня, остальные должны были прибыть до 2025 г. Ещё порядка 800 танков будут производиться по лицензии с 2026 г. Предварительный интерес к приобретению «Чёрной пантеры» выразили

¹ McFall, C. Ukraine announces \$750 billion 'recovery plan' as Russia hones in on Donetsk // Foxnews. 05.07.2022. URL: <https://www.foxnews.com/world/ukraine-announced-750-billion-recover-y-plan-russia-hones-donetsk> (дата обращения: 12.10.2024).

Словакия и Египет¹. Далее всех пока продвинулась Румыния, где в июне 2024 г. состоялась практическая демонстрация танков. Генеральная дирекция по вооружениям Румынии предварительно намерена приобрести 300 машин в рамках программы замены БТТ советского образца². В норвежском тендере на приобретение ОБТ корейцы пока проиграли германскому «Леопард 2А7», однако в Осло не отрицают сотрудничества с Сеулом по бронетанковой технике в будущем.

Средняя стоимость танка составляет порядка 8,5 млн долл., что сравнимо с американским «Абрамсом» последних версий и примерно в два раза дороже российских Т-90МС или в три раза дороже китайских «Тип 99», однако существенно дешевле «леопардов» последних версий. Несомненными преимуществами корейской «иномарки» перед западными конкурентами можно считать более низкий силуэт, меньшую массу, лучшую динамику и наличие автомата заряжания. В условиях антироссийских санкций и ограничений для китайских оборонщиков, перспективы «Чёрной пантеры» на мировом рынке довольно радужны, однако многое будет зависеть от будущего польского контракта, а также отзывов об эксплуатации серийных машин.

Самоходная гаубица К9 «Тандер» (Thunder) по состоянию на 2022 г. занимала более половины доли в данном сегмента на мировом рынке вооружений. Машина производится с 1998 г. компанией Hanwha Aerospace (до 2022 г. — Samsung Aerospace Industries). Главное оружие — 155-мм гаубица с дальностью стрельбы 30—41 км имеющимися боеприпасами и до 60 км перспективным дальнобойным снарядом. С 2017 г. производится модифицированная версия К9А1, которая отличается более высокой степенью автоматизации и способна применять новые типы боеприпасов, включая управляемые.

В 2003—2004 гг. машины испытывались в Испании и Малайзии, а в 2016 г. — в ОАЭ, однако тогда речь шла, скорее, о проверке приспособленности к различным условиям эксплуатации, нежели об экспортных поставках. Первым иностранным заказчиком К9 стала Турция, подписавшая ещё в 2000 г. меморандум о поставке 350 единиц к 2011 г. Гаубицы, получившие местное название «Фиртина» («Буря»), выпускались на национальных предприятиях с широким использованием корейских компонентов; к 2015 г. была произведена 281 штука, не исключена возможность начала выпуска обновлённого варианта. Отличия касаются размещения боеукладки, конструкции шасси и башни, использования собственных систем связи и управления огнём. При этом турки активно продвигают собственное изделие на экспорт, пытаясь пока безуспешно конкурировать с прародительницей³.

¹ Egypt in negotiations with South Korea to produce battle tank // Middle East Monitor. 01.12.2021. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20211201-egypt-in-negotiations-with-south-korea-to-produce-battle-tank/> (дата обращения: 12.10.2024).

² Hyundai Rotem from South Korea demonstrates K2 tank in Romania amid procurement talks // Global Defense News. Army Recognition Group. 07.07.2024. URL: <https://armyrecognition.com/news/army-news/army-news-2024/hyundai-rotem-from-south-korea-demonstrates-k2-tanks-in-romania-amid-procurement-talks> (дата обращения: 12.10.2024).

³ *Tiwari, S.* World's most popular howitzer, Turkey's T-155 Firtina Aka K-9 Thunder could soon be headed to Ukraine? // The Eurasian Times. 06.05.2024. URL: <https://www.eurasiantimes.com/worlds-most-popular-howitzer-turkeys> (дата обращения: 15.10.2024).

В 2014 г. Samsung Techwin подписала контракт с польской Huta Stalowa Wola на поставки модернизированных шасси K9 в качестве основы САУ местной разработки «Краб», использующую артчасть от британской AS-90. 24 из них были произведены непосредственно в Корее, а ещё как минимум 96 — в Польше по лицензии. Далее, было принято решение полностью перейти на корейские гаубицы: нельзя исключать, что причиной этого могли послужить возникшие в ходе эксплуатации и боевых действий на Украине проблемы с британскими компонентами. В августе 2022 г. было заключено соглашение о приобретении 212 K9A1 на сумму 2,4 млрд долл. к сентябрю 2026 г. Далее должно начаться производство ещё 460 единиц непосредственно в Польше с более активным использованием местных систем, оборудования и частей, а первые 146 «полонизированных громов» должны быть выпущены к 2027 г.

Министерство обороны Финляндии в июле 2016 г. объявило о приобретении в Республике Корея некоторого количества бывших в употреблении «громов», после испытаний был подписан меморандум о закупке 48 гаубиц за 200 млн долл. Далее, в 2021 и 2022 гг. Хельсинки одобрил импорт ещё 10 и 38 машин, соответственно, а также постепенную их модернизацию. K9 в Финляндии получила неофициальное пока наименование «Моукари» (кувалда).

В марте 2012 г. на военной выставке DEFEXPO в Индии было достигнуто соглашение о партнёрстве по производству K9. Причём индийцы в процессе лицензионного производства рассчитывали достичь уровня локализации в 50 %. В ходе испытаний совместно с российской «Мста-С» корейская гаубица показала лучшие результаты маневрирования на пересечённой местности, эксплуатации в горных условиях, а также точности стрельбы [*Gady, F-S.*]. В июле 2016 г. Индия одобрила приобретение 100 машин, получивших наименование «Ваджра-Т», на сумму 750 млн долл., при этом 90 подразумевалось произвести в стране национальной компанией Larsen&Toubro. Индийцы самостоятельно разработали 155-мм снаряд с улучшенными характеристиками, что увеличило дальность стрельбы до 60 км, а также управляемые боеприпасы со спутниковой коррекцией для применения в диапазоне 8—38 км. Примечательно, что Нью-Дели готов к 2028 г. разместить заказ на производство в стране ещё минимум 200 САУ с возможностью самостоятельного экспорта в третьи страны по согласованию с корейской стороной¹.

В августе 2016 г. норвежское Агентство по военным материалам опубликовало намерение о переговорах с Hanwha Techwin, а в декабре 2017 г. был подписан контракт на 230 млн долл. на поставку к 2020 г. 24 K9 и шести транспортно-заряжающих машин, в 2022 г. дополнительно было приобретено ещё четыре САУ и восемь ТЗМ. Машина с местными компонентами получила наименование VIDAR, данный стандарт был принят также для модернизации гаубиц, закупленных Финляндией и Эстонией. Соглашение с Таллином было подписано в августе 2021 г. и предусматривало поставку 24 K9 из находящихся в наличии в корейской

¹ Unnithan S. What's behind a massive order for Made-in-India howitzers // India Today. 25.01.2022. URL: <https://www.indiatoday.in/india-today-insight/story/what-s-behind-a-massive-order-for-made-in-india-howitzers-1903375-2022-01-23> (дата обращения: 26.08.2024).

армии машин с последующей их модернизацией. В октябре 2022 г. было принято решение закупить ещё 12 единиц в течение четырех лет.

Австралия в апреле 2010 г. начала серию испытаний K9, включавших в том числе и стрельбу корректируемым снарядом «Экскалбур», которые были признаны успешными. В числе требований заказчика с Зелёного континента значилось оснащение системами управления огнём и связи по стандартам НАТО, усиление противоминной защиты и подвески. Вместе с тем в мае 2012 г. Канберра приняла решение отказаться от закупок по соображениям экономии бюджета. Только в декабре 2021 г. военная закупка Министерства обороны Австралии подписала соглашение с Hanwha по лицензионному производству с 2024 г. 30 САУ и 15 ТЗМ. За образец был также взят норвежский вариант с расширенной возможностью ведения огня прямой наводкой. Ведутся работы с израильской фирмой Plasan по улучшению выживаемости машин в боевой обстановке. Австралийская версия получила обозначение AS9 Huntsman.

В 2010 г. «Гром» проходил испытания в Египте в рамках реализации планов правительства страны по обновлению устаревшего парка ствольной артиллерии. В ходе второго раунда в 2017 г. корейская гаубица соревновалась с российской «Коалицией-СВ», французским «Цезарем» и китайской PLZ-45, при этом только K9A1 смогла поразить приближающуюся надводную цель. В феврале 2022 г. Управление программ оборонных закупок Республики Корея (DAPA) объявило о подписании сделки на 1,6 млрд долл., касавшейся производства в Египте 200 САУ и 100 ТЗМ. Уровень локализации может превышать 50 %, однако корейцы согласились передать все ключевые технологии заказчику. По состоянию на конец 2023 г. некоторое количество машин уже находилось в составе 4-й танковой дивизии ВС Египта¹.

В сентябре 2022 г. стало известно о намерении Бухареста приобрести южнокорейскую бронетехнику, включая танки, БМП и самоходные гаубицы. Летом 2023 г. были проведены испытания «Грома», его турецкого варианта — «Фиртина» и германской «Панцерхаубитце 2000», однако, несмотря на очевидное превосходство корейской системы, контракт так и не был подписан. Только в июне 2024 г. министр обороны Румынии в ходе встречи со своим южнокорейским коллегой объявил о решении приобрести 54 K9, получившей местное наименование «Тунет». Первые 18 машин будут произведены в РК, а остальные в Румынии, поставки начнутся в 2027 г. Среди стран, потенциально готовых к приобретению «Грома», также стоит назвать Вьетнам. Министерство обороны страны в 2024 г. упоминало о возможности закупки 108 единиц, однако подробностей пока нет².

Примечательно, что корейцам не удалось продвинуть свои САУ в рамках тендеров, объявленных Данией, ОАЭ и Великобританией. Первая предпочла из-

¹ Neumann, N. Hanwha enters into largest K9 howitzer deal with Egypt // Army Technology. 03.02.2022. URL: <https://www.army-technology.com/features/hanwha-defense-k9-self-propelled-howitzer> (дата обращения: 26.08.2024).

² Vietnam outlines intent to procure K9 howitzer // Janes. 24.04.2024. URL: <https://www.janes.com/osint-insights/defence-news/defence/vietnam-outlines-intent-to-procure-k9-howitzer> (дата обращения: 26.08.2024).

раильскую ATMOS 2000, а последняя — европейскую RCH-155, причём обе на корейском шасси. Арабский же контракт формально сорвался из-за нежелания Германии передавать лицензию на дизель MT881. К слову, корейцы также намерены дополнить K9 версией и на колёсном шасси, что даст возможность расширить число потенциальных покупателей, заинтересованных в более дешёвой и мобильной версии.

Ближайшими конкурентами «Грома», помимо его турецких и индийских клонов, можно назвать последние версии американского «Паладина», российскую «Коалицию-СВ», китайскую PLZ-45, германскую Pzh 2000 и сингапурскую SSPH Primus. Исходя из соображений отработанности технологий, разнообразия версий и готовности корейцев на локализацию, K9 по праву имеет все шансы на дальнейшие успехи на мировом рынке вооружений.

Республика Корея также довольно активно выходит на рынок боевой авиации, в основном предлагая на экспорт семейство сверхзвуковых самолётов собственной разработки T-50 «Беркут» (Golden Eagle), созданных Korea Aerospace Industries (KAI) при содействии американской Lockheed Martin в начале 2000-х годов. Варианты включают в себя двухместные учебно-тренировочный самолёт и лёгкий штурмовик, а также одноместный лёгкий истребитель. Программа первоначально была запущена для строительства самолётов лётной подготовки пилотов F-15 и F-16. В качестве силовой установки использован уже хорошо отработанный форсажный турбовентиляторный двигатель F404, применяемый, в частности, на F/A-18. Также изначально подразумевалось наличие радара.

Первым иностранным заказчиком стала Индонезия, которая в 2011 г. заключила сделку стоимостью 400 млн долл. на приобретение 16 T-50 в варианте УТС с возможностью применения лёгкого вооружения (пушки, НАР, бомбы). В 2021 г. KAI подтвердила намерение поставить ещё шесть машин, а также наладить постоянное обслуживание¹. В декабре 2013 г. Ирак подписал соглашение на 24 самолёта в варианте лёгкого многоцелевого боевого самолёта FA-50, а также техническое обслуживание и обучение сроком на 20 лет. В 2014 г. Министерство обороны Филиппин объявило о закупке 12 FA-50 на сумму 421 млн долл. Самолёты активно принимают участие в антитеррористических операциях и военных учениях, применяя бомбовое и ракетное вооружение. Также 12 УТС T-50 в 2018 г. приобрёл Таиланд.

Наиболее значительное количество «беркутов» изъявила желание приобрести Польша в рамках недавней «мегасделки». Всего должно быть поставлено 48 машин версий FA-50 Block I и II, а также к 2026 г. открыт сервисный и учебный центры². Польские машины предполагается оснастить дополнительными баками, системой дозаправки в воздухе и высокотехнологичной авионикой. Как

¹ Indonesia orders 6 more T-50i Golden Eagle lead-in fighter trainers from South Korea // Asia Pacific Defense Journal. 21.07.2021. URL: <https://www.asiapacificdefensejournal.com/2021/07/indonesia-orders-6-more-t-50i-golden.html> (дата обращения: 26.08.2024).

² Donald, D. Poland Turns to South Korea's FA-50 Fighter/Attack Jet // Aviation International News. 26.07.2022. URL: <https://www.ainonline.com/aviation-news/defense/2022-07-27/poland-turks-south-koreas-fa-50-fighter-attack-jet> (дата обращения: 26.08.2024).

уже отмечалось ранее, самолёты активно критикуются за небоеготовое состояние, невысокие летные и боевые качества, однако всё же они подходят в качестве замены устаревших советских самолётов и в качестве относительно дешёвого дополнения к уже имеющимся американским F-16 и ожидающимся F-35.

Последним же на данный момент заказчиком стала Малайзия, подписавшая в 2023 г. соглашение о приобретении 18 FA-50 на сумму 920 млн долл., при этом может быть принято решение о закупке до 2027 г. второй аналогичной партии¹. Здесь интересно, что в малазийском тендере, помимо итальянской, турецкой, китайской машин аналогичного класса, принимали участие МиГ-35, JF-17 и Tejas.

В числе перспективных покупателей можно назвать Азербайджан, Боливию, Бруней, Хорватию, Египет, Пакистан, Перу, Сенегал, Словакию, Вьетнам. Общий объём заказов может превысить 200 единиц. К «Беркуту» при явном участии «Локхид Мартин» проявляют интерес и США в рамках программ ВВС Advanced Tactical Trainer и ВМС Undergraduate Jet Training System, причём заказ в случае успеха может превысить 400 единиц².

Корейцы сделали ставку на перспективную нишу лёгких однодвигательных многоцелевых боевых самолётов, где пока не так много конкурентов с высокими ЛТХ. Близкими аналогами можно считать индийский «Тэджас» и китайско-пакистанский JF-17, однако FA-50 гораздо универсальнее в плане выполняемых задач, несёт большую нагрузку, оснащён более совершенным БРЭО. Вероятно, корейские и американские технологии также привлекают потенциальных покупателей. По предварительным оценкам, некоторым превосходством обладает шведский «Грипен», однако европейский самолёт дороже, к тому же есть сомнения в возможности его сборки на территории заказчика, памятуя о нерешённых сложностях с передачей лицензии Бразилии.

Республика Корея, обладая развитой судостроительной промышленностью и богатым опытом создания надводных кораблей и подводных лодок, активно выступает и на рынке военно-морской техники. Одним из первых зарубежных клиентов стала Индонезия, подписавшая контракт с DSME на строительство трёх ДЭПЛ типа «Чан Бого» на сумму 1,07 млрд долл. Первоначально подразумевалось приобретение подержанных кораблей из состава корейского флота, однако позже Джакарта поменяла решение. Примечательно, что индонезийцы уже имеют опыт эксплуатации германских субмарин проекта 209/1300, усовершенствованной и чуть более крупной версией которых являются и «Чан Бого», относящиеся к проекту 204/1400. В 2019 г. Сеул попытался продвинуть сделку ещё на три лодки, предоставив заём индонезийской стороне, однако переговоры потерпели неудачу. Первая ДЭПЛ «Нагапаса» была принята лично министром оборо-

¹ Malaysia 'very much likely' to order additional 18 units of FA-50M — KAI official // Bernama TV. 07.05.2024. URL: <https://www.bernama.com/en/news.php?id=2294910> (дата обращения: 26.08.2024).

² Lockheed Martin, Korea Aerospace Industries & Red 6 Announce Initial Augmented Reality Integration Work for T-50 Platform / Lockheed Martin: official website. 20.06.2023. URL: <https://news.lockheedmartin.com/2023-06-20-Lockheed-Martin,-Korea-Aerospace-Industries-Red-6-Announce-Initial-Augmented-Reality-Integration-Work-for-T-50-Platform> (дата обращения: 26.08.2024).

ны Индонезии на верфи в РК в августе 2017 г. и отправилась в Сурабаю. Следующие две вступили в строй ВМС Индонезии в 2018 и 2021 гг., соответственно¹. Существует вероятность постройки для ВМС Филиппин уже индонезийской версии.

Вдохновлённый успехом Сеул попробовал испытать силы в классе более современных и технологически совершенных подводных лодок с воздуhezависимой силовой установкой на основе собственных субмарин типа «Досан Ан Чанхо». DSME с 2019 г. на различных выставках предлагает экспортные варианты таких лодок с литий-ионными аккумуляторами. Существовала возможность сотрудничества с Нью-Дели по строительству версии водоизмещением в 3300 т и оснащённой установкой вертикального пуска, однако на данный момент корейская компания покинула конкурс, а наиболее вероятным претендентом для индийского флота называется испанский проект S-80. Вместе с тем сотрудничество на данном направлении пока ведётся с Польшей.

Крайне интересной выглядит инициатива южнокорейской компании Daesun по разработке и строительству для зарубежных заказчиков десантно-вертолётноносного корабля-дока (ДВКД). Первоначально для ВМС Индонезии по оригинальному проекту в 2003 г. был построен ДВКД «Танджун Далпеле» полным водоизмещением 11 600 т, способный перевозить более 20 единиц бронетехники, 500 человек десанта, несущий два вертолётa и четыре катера. В августе 2007 г. данный корабль был переоборудован индонезийцами в госпитальное судно, однако проект лёг в основу последующей серии из пяти единиц, несколько отличающихся друг от друга. Контракт на «Макассар» и «Сурабаю» стоимостью в 150 млн долл. был заключён в декабре 2004 г., затем в 2005 — ещё на два корабля и в 2017 — на один. Интересно, что «Макассар» был высоко оценён сначала соседями Индонезии в Юго-Восточной Азии, а затем и в других странах. В частности, в 2014 г. Филиппины заключили соглашение уже с индонезийской PT PAL на строительство в Сурабае двух аналогичных десантных кораблей по проекту «Тарлак» для нужд собственных ВМС, расширив заказ в 2022 г. ещё на два корпуса. В 2013 г. детище корейских судостроителей было заложено и в перуанском Кальяо, а в 2018 г. ДВКД с именем «Писко» вошёл в строй. Второй аналогичный спущен на воду в конце 2022 г. Возможно, что перуанцы обменяют первенца на две подводные лодки проекта 209 бразильского флота или построят самостоятельно ещё один. Мьянма, не обладая собственными возможностями по строительству относительно крупного корабля, заказала один в Пусане. В настоящее время «Моаттама» является флагманом мьянманского флота и даже посетил Владивосток в ноябре 2019 г. В Индонезии также должен быть построен десантный корабль увеличенного размера с удлинённым на 40 м корпусом по заказу ОАЭ. Контракт на 408 млн долл. подписан с судостроительным предприятием PT PAL в феврале 2023 г., а резка металла для первой единицы по проекту «Аль Мариах» была осуществлена через год в феврале 2024 г. [Guild, J.].

¹ Indonesia's first Type 209/1400 submarine KRI Nagapasa arrives from South Korea // NavalToday. 29.08.2017. URL: <https://www.navaltoday.com/2017/08/29/indonesias-first-type-2091400-submarine-kri-nagapasa-arrives-from-south-korea> (дата обращения: 15.10.2024).

Курс на развитие международного партнёрства

Среди сделок, подтверждающих курс Сеула на диверсификацию партнёров и номенклатуру продукции, можно отметить несколько наиболее примечательных. В частности, компания LIG Nex1 в начале 2024 г. заключила контракт на поставку Саудовской Аравии комплексов противовоздушной обороны с возможностью перехвата ракет Cheongung-II («Железный ястреб») на общую сумму 3,2 млрд долл., следом ожидается сделка с ОАЭ и Ираком¹. В 2023 г. Саудовская Аравия подписала контракт на 800 млн долл. на приобретение партии РСЗО K239 Chunmoo, вероятно, под впечатлением от крупного польского заказа. Практический интерес к этой машине проявили также Норвегия, Филиппины и Румыния. Данная РСЗО выполнена по модульной схеме, является мультикалиберной и способна применять различные виды неуправляемых и управляемых 130, 227, 239-мм и более крупных боеприпасов, при этом корейцы не исключают доработки пусковых установок для применения оперативно-тактических ракет с дальностью до 300 км и точностью до 2 м [K239 Chunmoo]. Также после сделки с Австралией на поставку 129 БМП K21 Redback (хотя первоначально планировалось 450 единиц) корейская компания Hanwha продвигает данную машину в Италию, Румынию и Латвию².

В РК внимательно отслеживают возможные заказы на перевооружение во многих странах мира исходя из сроков службы и заявлений представителей военных ведомств. Однако зарубежные конкуренты в ряде случаев всё же смогли вытеснить корейские компании из тендеров. Так, китайцы перехватили поставку подводных лодок в Таиланд и РСЗО в Малайзию, а ВМС Филиппин, вероятно, закупят французские ДЭПЛ (хотя и сохраняется возможность участия индонезийцев), Германия же забрала норвежский контракт на основные боевые танки. Тем не менее южнокорейские производители при прямой поддержке руководства страны чрезвычайно активно продвигают собственную продукцию.

Компании ВПК РК выгодно отличаются от значительной части конкурентов готовностью к организации производства техники собственной разработки непосредственно на территории заказчика и разрешают дальнейшую локализацию выпуска дополнительных систем и компонентов. Кроме того, с момента подписания контрактов до получения первых образцов проходят считанные месяцы, в том числе благодаря грамотному распределению усилий между подрядчиками, снижению внутренних бюрократических барьеров и способности Сеула переключить часть внутреннего заказа на экспортные нужды.

Важно также, что корейцы по-прежнему видят главный источник передовых решений в военно-технической области в США и пытаются избежать формирования зависимости от КНР в «критических» областях, разделяя торгово-экономическое сотрудничество и вопросы безопасности, в том числе технологической

¹ Kim, A. Defense minister back from Middle East with \$3.2b deal // The Korea Herald. 07.02.2024. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20240207000789> (дата обращения: 15.08.2024).

² BSDA 2024: Hanwha to offer Redback IFV to Italy and Romania // Janes. 24.05.2024. URL: <https://www.janes.com/osint-insights/defence-news/land/bsda-2024-hanwha-to-offer-redback-ifv-to-italy-and-romania> (дата обращения: 15.08.2024).

[Волощак В.]. Такое решение вполне укладывается в логику стратегии Вашингтона по комплексному сдерживанию Пекина, в том числе и на мировом рынке вооружений и военной техники, где формально самостоятельные корейцы необходимы как для «разгрузки» американской промышленности, так и выдавливания России и Китая. При этом, с учётом сближения США с двумя главными азиатскими союзниками по итогам Кэмп-Дэвидского соглашения августа 2023 г. [*The Spirit of Camp-David...*], активное развитие ВТС Сеулом с иностранными государствами стало полезным дополнением к американскому внешнеполитическому инструментарию и позволяет распространять Вашингтону собственное влияние без прямого вмешательства.

Библиографический список

Волощак В. Контуры новой военной политики Южной Кореи // Российский совет по международным делам. 18.01.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/kontury-novoy-voennoy-politiki-yuzhnoy-korei-opora-na-iskusstvennyu-intellekt/> (дата обращения: 05.08.2024).

Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» / Президент России: официальный сайт. 27.10.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 16.08.2024).

Совин В. Южнокорейские вооружения на Канады и Польши: резервный арсенал НАТО для Украины? // Российский совет по международным делам. 10.01.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yuzhnokoreyskie-vooruzheniya-dlya-kanady-i-polshi-rezervnyu-arsenal-nato-dlya-ukrainu> (дата обращения: 05.10.2024).

Черкашин П. Анализ ситуации: Hanwha Group — с претензией на статус лидера оборонно-промышленного комплекса Южной Кореи // Asia Risk. 18.09.2024. URL: <https://asiarisk.org/novosti/462-analiz-situatsii-hanwha-group-s-pretenziej-na-status-lidera-oboronno-promyshlennogo-kompleksa-yuzhnoj-korei> (дата обращения: 05.10.2024).

Arthur, Gordon. How South Korea's defense industry transformed itself into a global player // Breaking Defense. 06.11.2023. URL: <https://breakingdefense.com/2023/11/how-south-koreas-defense-industry-transformed-itself-into-a-global-player> (дата обращения: 05.08.2024). (На англ.).

Gady, Franz-Stefan. India's Newest Gun: Fast and Deadly // The Diplomat. 09.10.2015. URL: <https://thediplomat.com/2015/10/indias-newest-gun-fast-and-deadly> (дата обращения: 05.08.2024). (На англ.).

Guild, James. South Korea's Naval Shipbuilders Are Stepping Up in Southeast Asia // The Diplomat. 11.01.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/01/south-koreas-naval-shipbuilders-are-stepping-up-in-southeast-asia> (дата обращения: 05.08.2024). (На англ.).

K239 Chunmoo // Global Defense News. Army Recognition Group. 07.07.2024. URL: <https://armyrecognition.com/military-products/army/artillery-vehicles-and-weapons/multiple-launch-rocket-systems/k239-chunmoo> (дата обращения: 05.08.2024). (На англ.).

Kanunnikova Tatiana. South Korea's defense export growth: a success story // Asia Times. 22.07.2024. URL: <https://asiatimes.com/2024/07/south-koreas-defense-export-growth-a-success-story> (дата обращения: 05.10.2024). (На англ.).

Lee Shinae. Global Pivotal State: South Korea's ascendance in defense export // Sasakawa Peace Foundation. 12.04.2024. URL: https://www.spf.org/iina/en/articles/lee_04.html (дата обращения: 10.10.2024). (На англ.).

SIPRI Arms Transfers Database / Stockholm International Peace Research Institute: official web-site. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (дата обращения: 05.08.2024). (На англ.).

The Spirit of Camp-David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States / The White House: official web-site. 18.08.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/the-spirit-of-camp-david-joint-statement-of-japan-the-republic-of-korea-and-the-united-states> (дата обращения: 05.08.2024). (На англ.).

Yoo Kihyun, Yun Donghwan. The Conceptual Framework of Korean Defense Innovation 4.0: Transition to High-Tech Army in the Era of 4IR // The Korean Journal of Defense Analysis. 2023, vol. 35, #2, pp. 165—188. (На англ.).

120대 국정과제 [120 задач государственной политики] / Администрация президента Республики Корея: официальный веб-сайт. URL: https://www.president.go.kr/affairs/gov_project (дата обращения: 05.08.2024). (На кор.).

К-방산수출성과와민군R&D협력의주요시사점 [Результаты деятельности по НИОКР и экспорту танка K2] / Корейский институт планирования и испытаний в сфере науки и технологий. URL: https://www.kistep.re.kr/boardDownload.es?bid=0031&list_no=42886&seq=1 (дата обращения: 05.08.2024). (На кор.).

케이(К)2전차 2차 양산 전력화 완료 [Завершен 2-й этап серийного производства танка K2] / Администрация программы оборонных закупок Республики Корея. 20.01.2022. URL: <https://www.dapa.go.kr/dapa/na/ntt/selectNttInfo.do?bbsId=326&nttSn=40467&menuId=678> (дата обращения: 05.08.2024). (На кор.).

References

Arthur, Gordon. (2023). How South Korea's defense industry transformed itself into a global player. *Breaking Defense*. 06.11.2023. URL: <https://breakingdefense.com/2023/11/how-south-koreas-defense-industry-transformed-itself-into-a-global-player> (accessed: 5 August, 2024).

Cherkashin, P. (2024) Analiz situatsii: Hanwha Group — s pretenziei na status lidera oboronno-promyshlennogo kompleksa Yuzhnoy Korei [Situation Analysis: Hanwha Group claims for the leading status in the South Korean defense industry], URL: <https://asiarisk.org/novosti/462-analiz-situatsii-hanwha-group-s-pretenziej-na-status-lidera-oboronno-promyshlennogo-kompleksa-yuzhnoj-korei> (accessed: 5 October, 2024). (In Russian).

Gady, Franz-Stefan. (2015) India's Newest Gun: Fast and Deadly. *The Diplomat*. 09.10.2015. URL: <https://thediplomat.com/2015/10/indias-newest-gun-fast-and-deadly> (accessed: 5 August, 2024).

Guild, James. (2022) South Korea's Naval Shipbuilders Are Stepping Up in Southeast Asia. *The Diplomat*. 11.01.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/01/south-koreas-naval-shipbuilders-are-stepping-up-in-southeast-asia> (accessed: 5 August, 2024).

K239 Chunmoo. *Global Defense News*. Army Recognition Group. 07.07.2024. URL: <https://armyrecognition.com/military-products/army/artillery-vehicles-and-weapons/multiple-launch-rocket-systems/k239-chunmoo> (accessed: 5 August, 2024).

Kanunnikova, Tatiana. (2024) South Korea's defense export growth: a success story. *Asia Times*. 22.07.2024. URL: <https://asiatimes.com/2024/07/south-koreas-defense-export-growth-a-success-story> (accessed: 5 October, 2024).

Lee, Shinae. (2024). Global Pivotal State: South Korea's ascendance in defense export. *Sasakawa Peace Foundation*. 12.04.2024. URL: https://www.spf.org/iina/en/articles/lee_04.html (accessed: 10 October, 2024).

SIPRI Arms Transfers Database. Stockholm International Peace Research Institute: official website. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (accessed: 5 August, 2024).

Sovin, V. (2023) Yuzhnokoreyskie vooruzheniya dlya Kanady i Pol'shi: rezervniy arsenal NATO dlya Ukrainy? [South Korean weapon for Canada and Poland: NATO's reserve stockpile for Ukraine?]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yuzhnokoreyskie-vooruzheniya-dl-ya-kanady-i-polshi-rezervnyy-arsenal-nato-dlya-ukrainy> (accessed: 5 October, 2024). (In Russian).

The Spirit of Camp-David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States. The White House: official web-site. 18.08.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/the-spirit-of-camp-david-joint-statement-of-japan-the-republic-of-korea-and-the-united-states> (accessed: 5 August, 2024).

Voloschak, V. (2023) Kontury novoy voennoy politiki Yuzhnoy Korei [Contours of the South Korea's New Defense Policy]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/kontury-novoy-voennoy-politiki-yuzhnoy-korei-opora-na-iskusstvennyy-intellekt/> (accessed: 5 August, 2024). (In Russian).

Yoo Kihyun, Yun Donghwan (2023). The Conceptual Framework of Korean Defense Innovation 4.0: Transition to High-Tech Army in the Era of 4IR // The Korean Journal of Defense Analysis. 2023, vol. 35, #2, pp. 165—188.

Zasedaniye Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba 'Valday' ['Valday' International discussion club session]. President of the Russian federation: official website. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695> (accessed: 16.08.2024). (In Russian).

120대 국정과제 [120 National Challenges]. President of the Republic of Korea: official website, URL: https://www.president.go.kr/affairs/gov_project (accessed: 5 August, 2024). (In Korean).

K-방산수출성과와민군R&D협력의주요시사점 [Key implications of K2 export and R&D]. Korea Institute of Science and Technology Evaluation and Planning, URL: https://www.kistep.re.kr/boardDownload.es?bid=0031&list_no=42886&seq=1 (accessed: 5 August, 2024). (In Korean).

케이(K)2전차 2차 양산 전력화 완료 [The 2nd stage of K2 tank mass production completed]. DAPA: official website. URL: <https://www.dapa.go.kr/dapa/na/ntt/selectNttInfo.do?bbsId=326&nttSn=40467&menuId=678> (accessed: 5 August, 2024). (In Korean).

А.Е. Наумчик

Политика Республики Корея по глобализации традиционного алкоголя

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы государственной политики Республики Корея, направленной на глобализацию традиционных алкогольных напитков. В материале приводятся характерные особенности корейского традиционного алкоголя, краткий экскурс в историю его возникновения и развития, называются причины того, почему ни один из его видов не стал известным и популярным в мире.

Кроме того, в статье акцентируется внимание на популяризации внутри страны и на мировых рынках современного промышленного соджу-ректификата, которым подменяются традиционные алкогольные напитки.

Автор анализирует попытки правительства РК в последние десятилетия сделать корейский традиционный алкоголь таким же популярным в мире, как корейская еда k-food, приводит мнения экспертов отрасли, какие меры для этого необходимо принять и какие традиционные алкогольные напитки имеют наибольший потенциал, чтобы стать узнаваемыми и востребованными в мире.

Ключевые слова: корейские традиционные алкогольные напитки, адвалорный налог, ферментированные и дистиллированные напитки, соджу, чхонджу, макколли, тхакчу, k-suul.

Автор: Наумчик Андрей Евгеньевич, приглашенный преподаватель МГПУ.
E-mail: naumtchik@hotmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Наумчик А.Е. Политика Республики Корея по глобализации традиционного алкоголя // Корееведение. 2024. № 4 (9). С. 72–91.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.10.71.007.

А.Е. Naumchik

The Policy of the Republic of Korea Regarding the Globalization of Traditional Alcohol

Abstract. This article examines the state policy of the Republic of Korea aimed at the globalization of traditional alcoholic beverages. It presents the characteristic features of Korean traditional alcohol, offers a brief overview of its emergence and development,

and explores the reasons why none of its types have gained fame and popularity worldwide. Additionally, the article focuses on the popularization of modern industrial soju, a rectified alcohol that is substituting traditional alcoholic beverages both in the country and in global markets. The author analyzes the Republic of Korea (ROK) government's efforts in recent decades to make Korean traditional alcoholic beverages as popular internationally as Korean cuisine (k-food). The article provides insights from industry experts regarding the measures that should be taken to achieve this goal and identifies which traditional alcoholic beverages have the greatest potential to become recognizable and sought-after on the global stage.

Keywords: Korean traditional alcoholic beverages, ad valorem tax, fermented and distilled beverages, soju, chongju, makkeolli, thakchu, k-suul

Author: Naumchik A.E., a visiting lecturer at the Moscow State Pedagogical University. E-mail: naumtchik@hotmail.com

Conflict of Interests. The author declares that there is no conflict of interest.

For citations: Naumchik A. E. Politika RK po globalizacii tradicionnogo alkogolya [The Policy of the Republic of Korea Regarding the Globalization of Traditional Alcohol]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 4 (9): 72–91. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.10.71.007.

Алкоголь — один из самых древних напитков, созданных человечеством. Алкогольные напитки являются частью кулинарной культуры любой страны, оказывают влияние на чувства народа, совершенствуются вместе с ходом истории, изменениями в культуре питания, отражая национальные особенности.

В западноевропейских культурах таких стран, как Франция, Италия, Испания, благодаря климатическим условиям появились фруктовые вина и бренди, изготовленные путем брожения сахаристых фруктов, в первую очередь винограда, без добавления дрожжей, а также пива и виски в Германии и Шотландии, изготовленных путем проращивания ячменя и добавления хмеля.

В Корее, напротив, климат, характеризуемый высокой температурой и влажностью, привел к развитию сельского хозяйства с преобладанием зерновых, и в первую очередь риса, и как следствие — производству алкогольных напитков из этих культур с использованием дрожжей.

Еда и алкоголь в Корее всегда существовали неразрывно. Одно из самых ранних упоминаний о корейском алкоголе содержится в летописях «Самгукчи», датируемых III в., где рассказывается о жителях государства Когурё, которые после сбора урожая отмечали это событие, ели и выпивали¹.

В эпоху Троецарствия технологии производства ферментированных алкогольных напитков были чрезвычайно развиты. Об этом не раз упоминается в китайских источниках, утверждающих, что они были популярны даже в самом Китае.

¹ 고구려 양조 기술에 대하여 [О технологии производства алкогольных напитков в Когурё] // 한국술에 관한 여행 [Путешествия, посвящённые корейскому алкоголю], 28.09.2024. URL: <https://m.blog.naver.com/informakorea/223599966631> (дата обращения: 01.12.2024).

С древних времен корейские алкогольные напитки благодаря своему качеству и изысканному вкусу были известны за пределами полуострова. В японском труде «Кодзики» (712) («Записи о деяниях древности») есть упоминание о человеке, которого звали Ин Бон по прозвищу Сусубори, приехавшем из государства Пэкче и готовившем ароматное вино, известное с IV в. Предки корейцев знали, как делать дрожжи и как с их помощью готовить ферментированные алкогольные напитки. Сусубори привез дрожжи в Японию и научил японцев делать *сакэ*. 15-й император Японии Одзин после того, как ему преподнесли сваренное Сусубори вино, распевал песни, выпив его.

Вкус рисового вина в государстве Силла был настолько хорош, что оно было популярно в Китае, а поэт времен династии Тань Ли Шаньинь (812—858) написал такие строки: «Боюсь, как бы дуновение предрассветного ветерка с легкостью не унесло прекрасное настроение после чарки вина из Силла».

Так как же так получилось, что ни один из корейских алкогольных напитков, видов которых насчитывалось более тысячи, не стал известным и популярным в мире наряду с виски, коньяком, сакэ, баоцзю, шаосинским и виноградным вином?

Для того чтобы понять это, необходимо немного углубиться в историю.

Спирт в алкогольном напитке всегда получается путем брожения. Дрожжи поглощают сахар (сахар в винограде содержится в чистом виде, а в зерне представлен в виде крахмала) и выделяют этиловый спирт. До того, как монголы научили корейцев перегонять зерновую брагу, большинство алкогольных напитков в Корее были ферментированными слабоалкогольными.

Дистиллят получается путем перегонки браги. Её нагревают, при этом спирт и часть других веществ испаряются, проходят через холодильник и конденсируются в приемную ёмкость. С химической точки зрения дистиллят далек от эталона чистоты, однако в этом и есть смысл. Если мы очистим его максимально от всех примесей и оставим только спирт, то такой напиток потеряет вкус и запах исходного сырья.

При ректификации дистиллят, полученный из браги, нагревается, превращается в пар, попадает в длинную колонну с насадками, где происходит максимальное разделение смеси на отдельные вещества, и в результате получается спирт с концентрацией около 95 %. Из него делают уже напитки типа водки или современного соджу путем разбавления водой. Продукт, сделанный на ректификате, не имеет ни вкуса, ни запаха исходного сырья.

В Корее существовало более тысячи различных по вкусу, используемым ингредиентам, технологии приготовления алкогольных напитков. Их всех по способу производства можно разделить на следующие виды: макколли (тхакчу), чхончжу (якчу), соджу, яксуль (якчжу), квасильчжу.

Тхакчу, или *макколли* — это ферментированный нефильтрованный напиток, получаемый из зерновых, в первую очередь риса.

Чхончжу (*якчу*) — ферментированный напиток, полученный после фильтрации тхакчу.

Яксуль — алкогольный напиток, ферментированный или дистиллированный, в который в процессе производства добавляют лекарственные ингредиенты.

Квасильчжу — алкогольный напиток из ферментированных фруктов, или настойка фруктов или ягод на крепком алкоголе.

Сочжу — алкогольный напиток, получаемый путем дистилляции после сбраживания зернового сырья.

Крепкие дистилляты на Корейском полуострове появились и стали очень популярными во время правления 25-го вана Чхуннёля (1274—1308) государства Корё, которое в то время было вассалом китайской династии Юань, возглавляемой монголами.

Во время правления династии Чосон (1392—1910) наступает пик развития культуры винокурения и ее технологий. Количество алкогольных напитков становится все больше, совершенствуется их вкус и аромат.

В 1904 г. между Кореей и Японией был подписан договор, согласно которому последняя получила в Стране утренней свежести право финансового и внешнеполитического контроля. В первую очередь, предпринимается пресловутое «упорядочение денежной системы Кореи», в результате которого была введена японская налоговая система. Согласно ей регулировалось и облагалось налогом в том числе производство и продажа алкогольных напитков. По данным японских источников, в 1910 г. каждая седьмая корейская семья готовила домашний алкоголь. Однако в 1916 г. японское правительство издало Указ о налоге на спиртные напитки, запретив такое производство, а затем ввело систему лицензирования.

Налоговые сборы от алкоголя занимали первое место в структуре всех налогов. Так, в 1934 г. в общей сумме собранных налогов в размере 56 млн 120 тыс. вон 29,5 % приходилось на алкоголь, а сборы земельного налога составляли лишь 26,2 %¹. Высокие налоги на спиртное, которыми облагались маленькие постоялые дворы, существовавшие по всей стране, где алкоголь был аккомпанементом к еде, сделали его труднодоступным для большинства населения.

В 1937 г. началась китайско-японская война. Остро нуждаясь в финансировании военных действий, японское правительство решило перевести производство алкоголя из местных питейных заведений в крупные легко облагаемые налогами ликёро-водочные компании. Японцы четко осознавали, что сочжу в то время было прибыльным товаром, и, чтобы решить эту проблему технологически, они ввели в производство большие дистилляторы непрерывного действия. Производительность спиртных напитков выросла в разы, и существующим мелким компаниям стало сложно конкурировать с ними. Именно тогда была заложена первая мина под производство корейского традиционного алкоголя. Японцы значительно упростили процесс производства, унифицировав вкус сочжу, у которого до этого не было единого стандарта.

Очередной удар по традиционному алкоголю был нанесен сформированным в 1948 г. первым правительством Республики Корея. Поскольку налоги на спиртные напитки составляли очень большую часть национальных финансов, Корея проводила строго контролируруемую политику в отношении спиртных напитков,

¹ 다시, 술 익는 마을에 별이 들까 [Засияет ли снова солнце над деревней, где варят вино?] // *Кёнхян синмун*, 15.09.2018. URL: <https://m.khan.co.kr/national-general/article/201809150600045#c2b> (дата обращения: 01.12.2024).

чтобы сохранить налоговые поступления и облегчить сбор налогов. В сентябре 1949 г. парламентом был одобрен закон о регулировании рынка алкоголя, положения которого не особенно отличались от тех, что существовали в годы японской аннексии.

Сложилась ситуация, когда налоги на спиртное стали основой для финансирования правительства, промышленности, развития технологий, строительства инфраструктуры. При этом положение малого бизнеса не учитывалось или игнорировалось.

Большинство мелких традиционных винокурен, на которых в основном и производились уникальные по своему вкусу и качеству напитки, исчезло, утратив свою конкурентоспособность.

Очередным убийственным ударом для отрасли стал запрет в 1965 г. на производство спирта и сочжу из зернового сырья, а в 1966 г. — запрет на использование риса для производства тхакчу и якчу¹. До этого их делали исключительно из риса, а пшеница и пшеничная мука использовались для изготовления дрожжей *нурук*. Теперь же напитки стали готовить из импортной пшеницы. Технология поменялась, покупателей не устраивал вкус нового напитка, и у продавцов начался кризис.

К началу 1970-х годов из-за такой политики правительства количество винокурен значительно сократилось. Так, в 1963 г. из 498 предприятий, производящих чхончжу, в 1970 г. осталось 259, в 1975 г. — 45, а в 1990 г. их количество уменьшилось до 24.

Компании, производящие сочжу-дистиллят, также массово закрывались, но правительство не хотело терять налоговые поступления, поэтому в каждой провинции были образованы крупные предприятия, производящие сочжу из ректификата, что заложило очередную мину под производство традиционных напитков. Спирт для сочжу получали из дешевой импортной тапиоки, батата и отходов сельского хозяйства. Цена на такой алкоголь была очень низкой. Именно благодаря бросовой цене сочжу и ужасному качеству макколли потребители перешли на сочжу-ректификат. И хотя запрет на использование зерновых был снят в 1985 г., производители до сих пор продолжают декалитрами делать этот напиток из самого дешевого сырья.

С ростом населения в Корее росло и производство алкоголя. Так, в 1974 г. было зафиксировано максимальное производство макколли, а именно 1 млн 680 тыс. кл. Но уже начиная с 1988 г. производство пива начинает обгонять производство макколли, а в 1990-х годах в структуре производства алкоголя оно занимает уже больше 50 %².

Самые популярные традиционные алкогольные напитки уступают место пиву и напитку, производимому из дешевых спиртов и получившему название

¹ 쉽게 꺼지지 않는 전통: 우리 술 [Корейский алкоголь: традиция, которая не исчезает легко] // 네이버 지식 백과 [Энциклопедия Нэйвер]. URL: <https://naver.me/Gz5I9x9k> (дата обращения: 01.12.2024).

² 우리 술 [Корейские алкоголь] // 행복한 먹거리 배움터 [Счастливое место, где изучают питание], 30.10.2014. URL: <https://www.happyfoodschooll.com/Inf/392> (дата обращения: 01.12.2024).

древнего дистиллята «сочжу». В настоящее время традиционные напитки находятся лишь на третьем месте по популярности среди корейских потребителей после пива и сочжу. Согласно последним опросам, лишь 18,6 % респондентов предпочитают традиционный алкоголь.

Внутренний рынок алкоголя, оцениваемый в 2023 г. примерно в 10 трлн вон, почти на 42 % состоит из пива и на 40 % из современного сочжу¹. Последний стал национальным напитком Кореи, но так было не всегда. До 60-х годов XX в. корейцы больше всего пили слабоалкогольные ферментированные рисовые вина — чхончжу и макколи, однако из-за запрета использовать зерно при производстве алкоголя изготовление самых популярных традиционных корейских напитков, основным сырьем для которых был рис, остановилось.

Традиционный сочжу — это дистиллят, полученный путем перегонки макколи или чхончжу. Долгое время, почти 30 лет, корейцы были лишены возможности пить свои аутентичные алкогольные напитки, и лишь в 90-х годах прошлого века традиции их производства начали постепенно возрождаться.

Сегодня на корейском рынке присутствует два вида сочжу — традиционное и современное. Разница между ними огромная. Традиционный сочжу — это дистиллят, полученный в результате перегонки, а современное — это разбавленный спирт.

В то время как в Европе и Японии винокурни, производящие такие крепкие напитки, совершенствовали технологию дистилляции, адаптируя современные технологические новшества (так, например, это позволило создать стандарт виски, который известен во всем мире), в Корее в период правления династии Чосон такой адаптации не было. Государство не предпринимало никаких усилий для развития алкогольной промышленности. Когда японцы начали в Корее производить промышленный сочжу, он сразу же стал популярным, а сочжу, изготовленный традиционными методами дистилляции, отстал в развитии. Парадоксально, но именно современная форма промышленного сочжу, а не традиционная стала национальным алкогольным напитком в Корее, а также мировым брендом.

Ликеро-водочная промышленность — одна из самых нестабильных отраслей в Корее, политика которой быстро меняется в зависимости от вкусов правительства и политических партий. Даже малейшее изменение в законах оказывает огромное влияние на отрасль. Надо отметить, что алкогольной политике правительства РК никогда не хватало философии и четкой направленности. Только принципы налоговой политики в отношении алкоголя оставались неизменными со времен японского протектората.

Политика правительства в алкогольной отрасли рассматривалась как комплекс мер, направленных в основном на обеспечение налоговых поступлений, что привело к чрезмерному государственному регулированию всего процесса производства, включая закупку сырья, производство, импорт и дистрибуцию.

¹ 한국은 소주와 맥주만? 전통주부터 수입 주류까지, 변화하는 주류 시장 [В Корее только соджу и пиво? От традиционных спиртных напитков к импортным: меняющийся рынок спиртных напитков] // 소비자평가 [Оценки потребителей], 04.08.2024, URL: <http://www.iconsumer.or.kr/news/articleView.html?idxno=26635> (дата обращения: 01.12.2024).

Государство защищало конгломераты, производящие сочжу-ректификат, и способствовало индустриализации огромной отрасли массового производства алкоголя, потому что налог на алкоголь в то время использовался как ресурс для развития промышленности и улучшения национальной инфраструктуры.

Алкоголь в Корее традиционно признавался важным звеном в обеспечении поступлений в бюджет, хотя его доля в отечественных налогах постепенно снижалась. В 1930-х годах она достигала 30 %; в 1960-х составляла до 10 %; до 8 % — в 1980 г.; 5,3 % — в 1990 г.; 2,8 % — в 2000 г. и 1,7 % в 2009 г.¹

В государстве Чосон не было государственной монополии на спиртные напитки, как в Китае или Японии. Только в 1909 г. был принят закон, согласно которому начали взимать налоги на спиртное. Закон о налоге на алкоголь в Корее после её освобождения был принят в 1949 г. и до сих пор является одним из пережитков протекционистского прошлого.

В отличие от большинства стран, которые облагают налогом процентное содержание этанола, Корея облагает разные виды алкоголя по разным ставкам. По состоянию на январь 2024 г. налог на спирт составляет 57 тыс. вон за 1 кл; тхакчу — 44,4 воны за литр; якчу, чхончжу, квасильчжу — 30 % от отпускной цены; пиво — 885,7 воны за литр; сочжу — 72 % от отпускной цены.

Кроме того, существует образовательный налог в размере 10 % от налога на алкоголь. Конечно, как и другие товары, алкоголь облагается 10 % НДС².

Налог на алкоголь в Корее — это не система оплаты, основанная на количестве потребленного алкоголя, а процент, основанный на стоимости производства или импорта, поэтому чем дешевле продукт, тем меньше налог. Такая политика благоприятствует производству дешевого и низкогокачественного алкоголя, такого как сочжу. Налоги на спиртные напитки в Корее чрезвычайно высоки, и именно они ответственны за плохой вкус корейского пива, современного сочжу и других массовых алкогольных продуктов.

Что делает адвалорную систему налогообложения еще более абсурдной, так это обратная дискриминация отечественного алкоголя в налоговой базе. Спиртные напитки отечественного производства облагаются налогом на основе заводской цены, которая включает в себя затраты на производство, маркетинг и логистику, в то время как спиртные напитки, импортируемые из-за рубежа, облагаются налогом на основе заявленной стоимости. Эта обратная дискриминация приводит к тому, что экономическая эффективность небольших винокурен, производящих различные виды алкогольных напитков в Корее, намного хуже, чем у аналогичных зарубежных.

Лишь в декабре 2023 г. была завершена разработка плана по устранению обратной дискриминации в рамках адвалорного налога путем применения базовой ставки продаж. Она была введена с января 2024 г. для дистиллированных спирт-

¹ 주류산업 소개 [Введение в производство алкогольной продукции] // 한국주류산업협회 [Корейская ассоциация производителей алкогольной продукции]. URL: <https://www.kalia.or.kr:9118/sub03/sub01.php> (дата обращения: 01.12.2024).

² 국제징 [Национальная налоговая служба Кореи]. URL: <https://www.nts.go.kr> (дата обращения: 01.12.2024).

ных напитков и с февраля 2024 г. для ферментированных спиртных напитков, таких как чхонджу, якчу и квасильджу.

Эксперты и ряд политиков призывают ввести единый налог на все алкогольные напитки, чтобы сделать отрасль более конкурентоспособной, но Национальная налоговая служба заявляет, что единый налог на все алкогольные напитки — плохая идея, поскольку он сделает сочжу-ректификат, напиток для простолюдинов, более дорогим, а другие дорогие напитки — дешевыми.

Историческим шагом, ознаменовавшим сдвиг к новой политике в отношении алкоголя, стал отчет «Алкогольная промышленность и политика конкуренции», опубликованный Корейской комиссией по справедливой торговле в 2010 г.

В нем комиссия предложила направления и меры для улучшения регулирования корейской алкогольной промышленности. Это объясняется тем, что доля налогов на алкоголь в общих доходах страны снизилась с примерно 10 % в 1960-х годах до 1,7 % в 2009 г., что сделало регулирование менее необходимым для обеспечения доходов. Было сочтено желательным ослабить ограничения на вход, ценообразование и предпринимательскую деятельность в сфере производства, импорта и оптовой продажи алкогольных напитков, чтобы облегчить выход на рынок новых предприятий и стимулировать конкуренцию. Регуляторная политика постепенно сместилась в сторону акцента на промышленное и технологическое развитие, но это мало что изменило в целом. Высокие налоги, которые практически не изменились, приводят к тому, что производителям невыгодно изготавливать высококачественные алкогольные напитки, и в первую очередь традиционные. К тому же еще и спрос на такие напитки на внутреннем рынке незначительный.

Проблема потребления традиционного алкоголя в Корее связана прежде всего с современным сочжу, который является самым востребованным алкогольным напитком в первую очередь из-за цены. Чтобы изменить ситуацию и увеличить спрос на традиционные качественные напитки, необходимо было бы изменить налог на спиртные напитки на адвалорный налог на этанол (т. е. брать плату за мл этанола, содержащегося в напитке), подобно европейским странам, которые взимают в среднем 18,32 евро за 1 л этанола, тем самым повышая цены на дешевый алкоголь с высоким содержанием этанола, такой как сочжу-ректификат. Но ни один политик не захочет потерять популярность, подняв сочжу в цене в 2—3 раза. Это будет для него означать политическую смерть. В Корее из-за символики сочжу как «национального напитка» введение высокого налога даже не рассматривается.

Как может развиваться традиционный алкоголь, если правительство на словах хочет его продвигать, но на практике проводит налоговую политику, ставящую в невыгодное положение мелких винокуров?

В настоящее время снижение ставки налога на традиционные спиртные напитки составляет 50 % только для первых 100 л спиртных напитков, проданных в предыдущем году производителем в объеме 250 л или менее¹.

¹ 관련 법령 [Сопутствующие законы и правила] // 한국주류산업협회 [Корейская ассоциация производителей алкогольной продукции]. URL: https://www.kalia.or.kr:9118/bbs/board.php?tbl=bbs19&mode=VIEW&num=42&category=&findType=&findWord=&sort1=&sort2=&it_id=&shop_flag=&mobile_flag=&page=1 (дата обращения: 01.12.2024).

Таким образом, для компаний, продающих небольшие объемы, это не проблема, но для винокурен с большим объемом производства это большой барьер.

После вступления в должность нового правительства представители алкогольной индустрии ждали от него заявлений по поводу новой политики в отношении алкоголя. Однако, судя по тону администрации, общая промышленная политика правительства и политика в отношении алкогольной промышленности не будут сильно отличаться от политики предыдущей администрации. Более того, трудно говорить о трансформационных изменениях, поскольку Юн Сок Ёль, будучи избранным президентом, сделал акцент на «дерегулировании» и «инновационном росте» в качестве основы общего направления промышленной политики.

Надо отметить, что политику правительств РК в отношении алкоголя постоянно мотало из стороны в сторону. Поначалу была политика безусловного повышения налогов на спиртное, после этого в Национальной налоговой службе в конце 1990-х годов решили, что «административное управление, сосредоточенное на налогах на спиртное», должно быть «сосредоточенным на здоровье нации». В 2010 г. регуляторы решили отодвинуть алкогольную политику, направленную на здоровье нации, на второй план. Прошло 14 лет с тех пор, как правительство официально изменило направление политики в отношении алкогольной промышленности на «производительность». Сегодня, в период низких темпов роста, когда алкогольная политика нацелена на «производительность» и «эффективность рынка», центр внимания сместился в сторону создания добавленной стоимости и рабочих мест, что означает поддержку в первую очередь крупных производителей сочжу-ректификата и пива.

С сожалением стоит констатировать, что хотя в последнее время некоторые из традиционных национальных напитков стали довольно популярны в Корее, они уже никогда не заменят дешевый промышленный сочжу, к которому привыкли многие корейцы, ни по цене, ни по вкусу. Вместо чхончжу и тхакчу, которые были основными напитками в период государства Чосон, современный сочжу стало самым представительным алкогольным напитком, употребляемым в ресторанах и барах современной Кореи. Новый вид популярного алкоголя изменил вкус людей, а поменять его снова на прежний очень сложно.

Таким образом, цена стала основным фактором на рынке корейского алкоголя. Дешевый алкоголь стал национальным напитком, и потребители привыкли к его достаточно сомнительному вкусу. Изменившиеся за десятилетия предпочтения потребителей являются одной из причин, помимо высоких цен, почему отрасль традиционных напитков не получает должного развития. Ведь если нет спроса внутри страны и нет стабильного производства, о какой глобализации традиционных напитков можно говорить? Еще одной причиной слабого развития традиционного алкоголя были обязательные требования к объектам, где он производится. В Корее производство и продажа алкогольных напитков регулируются через систему лицензирования, основанную на требованиях к объектам. Методы производства алкогольных напитков и любые изменения в нем также должны быть лицензированы, что значительно ограничивает автономную эконо-

мическую деятельность. В частности, требования к объектам для получения лицензии на производство традиционных напитков слишком высоки, что является барьером для входа на рынок для малых предприятий. Правительство не только ограничивает участие малого бизнеса, указывая размер каждого типа предприятия при выдаче лицензий на производство и продажу, но и ограничивает контрагентов и методы торговли.

В случае с алкогольной отраслью ответственность за управление рынком и практикой отрасли в значительной степени лежит на государстве, которое позволило рынку не быть связанным регулированием и допустило ошибки в принятии административных решений. Это еще одна причина слабого развития производства корейских традиционных напитков. Правительство доверяло рынку и не смогло должным образом управлять рыночными процессами. В этом можно обвинить слепую веру в мифы о дерегулировании и преимуществах рыночных сигналов. И это стало провалом правительства, которое не обращало внимания на неправильное развитие системы.

Натиск конкуренции в алкогольной отрасли и на рынке слишком велик, чтобы отрасль могла справиться с возникшими проблемами сама по себе. Именно здесь необходимо вмешательство правительства и общества. Слишком упрощенно думать, что нужно регулировать только потребительскую сторону индустрии, полагая, что рынок сам решит все вопросы. Маловероятно, что свобода выбора или стремление к промышленному росту и эффективности помогут справиться со всеми задачами отрасли.

Нельзя сказать, что правительство не понимало ситуацию и ничего не делало для исправления кризиса в алкогольной отрасли и ее развития. Так, в 2020 г. оно приняло ряд мер по совершенствованию регулирования алкогольной продукции, начиная с производства и заканчивая дистрибуцией и продажей¹. Целью было комплексное и систематическое улучшение регулирования для повышения конкурентоспособности отечественной алкогольной промышленности, основываясь на том, что внутренний рынок алкоголя стагнирует в росте, а импорт алкоголя увеличивается.

Основные положения Плана совершенствования регулирования алкогольной продукции, объявленного Министерством экономики и финансов и Национальной налоговой службой, заключались в следующем:

- уведомительный порядок незначительных изменений в методах производства алкогольных напитков;
- консигнационное производство алкоголя через другие компании;
- освобождение от налогов при продаже традиционного алкоголя иностранным туристам.

Согласно действующему законодательству, для изменения утвержденного метода производства спиртных напитков производителю ранее требовалось отдельное разрешение, которого приходилось ждать месяцами.

¹ 새 정부의 주류산업정책의 방향과 업계 [Промышленная политика нового правительства, направленная на производство алкоголя] // Weekly Life and Liquor, 01.12.2022. URL:<https://soollife.com/?p=42082> (дата обращения: 01.12.2024).

Производители стали вправе использовать мощности других компаний. Поскольку лицензии на производство спиртных напитков выдаются каждому производителю, передать их приготовление кому-то было невозможно, однако компаниям, имеющим свободные мощности и алкогольные лицензии, теперь можно производить алкогольные напитки сторонних компаний на своих площадях. От налогов освободили алкогольные напитки, продаваемые непосредственно иностранным туристам, посещающим предприятия и винокурни, производящие традиционный алкоголь.

Важным документом, определяющим функционирование и развитие традиционной алкогольной промышленности стал Закон о поддержке традиционной алкогольной промышленности¹, принятый в 2021 г и с тех пор претерпевший неоднократные корректировки.

Данный документ определяет вопросы, необходимые для улучшения качества традиционных спиртных напитков и развития отрасли. Кроме того, список таких напитков был значительно расширен. Согласно Закону, каждые пять лет разрабатывается и реализуется базовый план развития традиционной ликеро-водочной промышленности с выделением необходимых финансовых ресурсов. Вдобавок для производителей предусматриваются меры по поддержке совершенствования управления, обеспечению сырья для традиционных спиртных напитков и стимулированию потребления.

Также статьи Закона направлены на развитие производственных технологий для возрождения традиционной ликеро-водочной промышленности и воспитания профессиональной рабочей силы, необходимой для продвижения культуры питания, гармонично сочетающейся с культурой потребления алкоголя.

В 2024 г. правительство в очередной раз пересмотрело Закон о поддержке производства традиционных алкогольных напитков. В местные особые алкогольные напитки включили пиво, бренди, а также макколи, которое до сих пор не входило в этот список. Исторически к традиционным спиртным напиткам относились народные спиртные напитки, изготовленные мастерами нематериальной культуры или пищевой промышленности, а также местные фирменные спиртные напитки, изготовленные сельскохозяйственными предприятиями с использованием местных сельскохозяйственных продуктов. Именно таким напиткам предоставляется снижение налоговой ставки на 50 %.

И все же за последнее время правительство сделало очень мало для «укрепления здоровья населения, сохранения традиционных спиртных напитков, поощрения использования местных сельскохозяйственных продуктов, установления порядка распределения и охраны окружающей среды», как записано в Законе.

Возникают большие сомнения, что у правительства есть целенаправленная политика в области алкогольной промышленности.

¹ 전통주 등의 산업진흥에 관한 법률 [Закон о содействии развитию традиционной ликеро-водочной промышленности] // 국가법령정보센터[Национальный центр правовой информации]. URL: <https://www.mafra.go.kr/bbs/mafra/55/185022/download.do> (дата обращения: 01.12.2024).

С какими проблемами сталкивается традиционная алкогольная индустрия в настоящее время на фоне последних изменений в политике правительства? В последнее время система рекомендаций по народным алкогольным напиткам дифференцируется; смягчаются правила в отношении объектов, необходимых для производства и дистрибуции; признаются исключения из определения методов продаж и торговых партнеров; снижаются государственные налоги для небольших компаний по производству традиционных ликероводочных изделий. Не так давно правительство начало проводить политику частичной поддержки таких предприятий, включающую финансирование, рекламу и стимулирование продаж, но участники рынка не считают ее достаточной.

Для большинства производителей традиционного алкоголя самой большой проблемой является чрезмерное налогообложение, за которым следует нехватка средств, плохие продажи, чрезмерное регулирование методов производства и отсутствие технологий.

Неоднократные усилия по продвижению традиционного алкоголя предпринимались правительством и до этого, но их эффект был минимальным. Традиционная алкогольная промышленность была обречена теми, кто использовал дешевые импортные ингредиенты для производства сочжу-ректификата и пива с целью получения прибыли и сверхприбыли.

Нельзя сказать, что правительство ничего не делает для возрождения и глобализации корейских традиционных алкогольных напитков. Так, каждый год в Корее проводятся выставки-конкурсы лучших отечественных алкогольных напитков в пяти основных категориях: тхакчу, якчу, чхончжу, дистилляты и фруктовые вина квасильчжу. Государство, а также местные органы самоуправления, чтобы сохранить и преумножить традиции винокурения, вносят местные традиционные напитки в список нематериального культурного наследия с соответствующей господдержкой.

С 2010 г. ситуация с традиционными алкогольными напитками все же стала медленно, но улучшаться в связи с введением системы безопасности алкогольных напитков, а также правилами маркировки импортного и отечественного риса. В это же время стало восстанавливаться остановленное ранее на многие годы производство качественного фермента «нурук». На рынке стали появляться новые сорта макколи от ведущих производителей алкогольных напитков. В 2023 г. по инициативе Корейской ассоциации производителей макколи была запущена кампания по внесению этого напитка в список мирового нематериального культурного наследия.

Корея пытается также продвигать и традиционные дистиллированные напитки, но у нее это получается слабо. Министерству сельского хозяйства, продовольствия и сельских дел нелегко разработать последовательную стратегию из-за традиций национальной алкогольной политики.

И тем не менее, несмотря на все трудности, традиционный алкоголь переживает бум стартапов: рынок вырос до 160 млрд вон, но ожидается, что конкуренция в дальнейшем будет все более острой, поскольку вход на рынок стал ниже, чем у других алкогольных напитков. Количество лицензий на производство ал-

коголя растет с 2016 г., и на 2022 г. их выдано 2885, причем 54,1 % — на производство традиционного алкоголя¹.

После кей-попа, кей-дорам и кей-фуда набирает силу новый мировой тренд — кей-дринк. Успехи корейского контента во всем мире не дают покоя производителям корейского алкоголя. Однако на фоне популярности в мире всего корейского особого спроса на кей-дринк не видно. Государство не уделяет этому аспекту должного внимания, полагая, что предприниматели с их доходами способны сами продвинуть свою продукцию на мировой рынок. Редким исключением является соджу-ректификат, которого экспортируется в год более чем на 100 млн долл., и пиво².

Сегодня успешной можно считать только глобализацию пива и современного соджу.

В 1992 г., который можно считать отправной точкой экспорта корейского алкоголя, производители спиртных напитков отгрузили на мировой рынок шесть видов корейского алкоголя, включая соджу, пиво, чхонджу и квасильджу, на общую сумму около 25 млн долл. Количество видов, объемы и суммы постепенно увеличивались, экспорт достиг 160 млн долл. в 2005 г. и 380 млн в 2013, затем упал до 200 млн., а в 2023 г. восстановился до 330 млн долл. На долю современного соджу в общем объеме экспорта пришлось 31,1 %, соджу с фруктовыми вкусами — 28,1 %, а пива — 23,5 %. Традиционным алкогольным напиткам досталось меньше 18 %.

Но импорт значительно опережает экспорт, достигнув в прошлом году 1,13 млрд долл. По данным Корейской ассоциации международной торговли, дефицит торгового баланса алкогольной промышленности страны в 2023 г. составил 800 млн долл. В 2013 г. он приближался к 140 млн., но с тех пор резко вырос, увеличившись за 10 лет в шесть раз.

За пределами Кореи очень мало знают о корейских традиционных напитках. Огромный экспорт современного соджу лишь сбивает людей с толку, заставляя думать, что это и есть тот напиток, который корейцы пили испокон веков. Лишь в последнее время потребители стали узнавать, что такое макколи и настоящий соджу.

Глобализации современного соджу способствовали следующие тенденции: 1) постепенное распространение корейской кухни благодаря мировым тенденциям глобализации, маркетинговым и рекламным кампаниям, созданию корейских ресторанов, управляемых корейскими иммигрантами, и государственной поддержке Кореи; 2) быстрое распространение корейской культуры благодаря «корейской волне» в начале XXI в.; 3) низкая цена соджу и его постоянное предложение на мировых рынках, ставшее возможным благодаря беспрецедентному массовому производству.

¹ 없어서 못파는 11만원 막걸리... 꿈으로 발효시킨 독특한 맛 [Макколи стоимостью 110 000 вон, который нельзя продать, потому что его нет в наличии... Уникальный вкус, пропитанный мечтами] // *Zum News* 21.11.2022. URL: <https://news.zum.com/articles/64302142> (дата обращения: 01.12.2024).

² 글로벌시장 '이슬처럼' 적시는 K-주류 [K-Liquor орошает мировой рынок, словно роса] // *E-today*, 02.06.2024. URL: <https://www.etoday.co.kr/news/view/2365833> (дата обращения: 01.12.2024).

Стремительный рост популярности сочжу в мире в первую очередь связан, безусловно, с массовой популярностью корейской волны «халлю». Практически в каждом корейском сериале или фильме присутствуют сцены, в которых люди пьют сочжу и едят жареное на гриле мясо или традиционные корейские блюда. Постоянное появление сочжу в таких дорамах резко увеличило спрос и экспорт.

Удивительно, но благодаря тенденциям последних двадцати лет не имеющий вкуса безликий сочжу-ректификат, а не его традиционные предшественники стал хорошо продаваться на мировом рынке.

Сейчас, в XXI в., когда промышленный сочжу продолжает процветать, производители традиционного сочжу с некоторым успехом пытаются его возродить. Однако они столкнулись с многочисленными препятствиями, поскольку возрождение интереса к традиционному сочжу привело к тому, что оба вида этого напитка оказались по разные стороны в отношениях конкуренции, а также сосуществования. Причем на стороне современного сочжу оказались корпорации с огромными финансовыми и лоббистскими возможностями, и им совсем не нужен конкурент. Поэтому и доля традиционных алкогольных напитков в структуре экспорта пока незначительна.

Самая большая проблема заключается в том, что на протяжении десятилетий культура питья дистиллированных спиртных напитков практически исчезла, традиции их потребления забыты, и отсутствуют стимулы восстанавливать спрос.

Кроме того, поскольку современное сочжу зарекомендовал себя как недорогой алкоголь, это стало барьером для джентрификации и экспортного ценообразования традиционных алкогольных напитков.

Традиционные алкогольные напитки до недавнего времени в основном экспортировались в Японию, Китай, Гонконг и страны ЮВА, имеющие сходные с Кореей гастрономические пристрастия. Потребителями в других странах, таких как США и Австралия, являлись в основном местные корейские диаспоры.

У известных алкогольных напитков, помимо отменного вкуса и качества, имеется узнаваемый бренд, который влияет на спрос и доверие покупателей, дизайн торговой марки, история. Никому не нужно объяснять, что такое сакэ, водка, текила, виски. У корейского алкоголя всего этого нет, его обобщенно называют «алкоголь из Кореи». Несмотря на долгую корейскую историю и уникальную культуру питания, в стране нет ни одного корейского традиционного алкогольного напитка, который получил бы мировую известность на зарубежных рынках. Отчасти это связано с чрезмерным контролем правительства над алкоголем, а также отсутствием стратегии управления глобализацией у производителей алкоголя, которые пренебрегали сохранением и индустриализацией уникальных вкусов традиционного алкоголя.

Корейские экспортеры традиционного алкоголя в качестве основных препятствий для его глобализации называют слабую ценовую конкурентоспособность, низкую осведомленность из-за отсутствия рекламы и продвижения, а также трудности в освоении собственных рынков. Так, оптовые и розничные продавцы алкоголя в мире не знают ни одного вида корейского алкоголя, кроме сочжу.

В последнее время, наряду с глобализацией корейской кухни, предлагается множество новых мер по увеличению экспорта корейского традиционного алко-

голя, однако они носят разрозненный несистемный характер, в результате чего спроса на него на международных рынках практически нет.

Что же нужно сделать для глобализации корейского традиционного алкоголя? Эксперты утверждают, стратегия его глобализации должна начинаться с повышения качества корейского традиционного алкоголя, его промышленного развития и позиционирования как «корейского алкоголя, любимого во всем мире».

Необходимо разработать по низким ценам разнообразные нравящиеся потребителям продукты и создать структуру их распределения. Также следует усовершенствовать правила дистрибуции и ослабить ограничения на производство и продажу, которые слишком строго регулировались для удобства налогообложения в течение последних 100 лет. Кроме того, надлежит полностью пересмотреть систему контроля качества, что поможет укрепить доверие потребителей к корейскому традиционному алкоголю по всему миру.

Давно назрела потребность в промышленной базе для развития дистиллированного сочжу как высококлассного культурного продукта путем разработки новых технологий винокурения, проведения исследований в этой области, подготовки специалистов. Кроме того, отдельным компаниям, обладающим качественным потенциально востребованным на мировых рынках продуктом, следует оказывать государственную поддержку для обеспечения стабильных поставок.

Даже если компании, которые, как правило, состоят из 3—5 человек, смогут производить качественный традиционный алкоголь, то экспортировать его в зарубежные страны — еще та задача, поскольку правительство не оказывает небольшим компаниям в экспорте никакой поддержки. Даже элементарной информации о зарубежных рынках, например предпочтениях потребителей корейского традиционного алкоголя, кто является покупателями, существуют ли какие-либо препятствия в таможенных процедурах или других системах, связанных с алкогольной промышленностью, а также структуре рынка, дистрибуции экспортируемого алкоголя и конкурирующих продуктах, правительство не удосуживается предоставлять.

За редким исключением, в Корее нет крупных специализированных компаний, производящих традиционный алкоголь и экспортирующих его. Естественно, экономическая деятельность, направленная на получение прибыли, должна быть основана на частном предпринимательстве. Однако для развития специализированных компаний, способных заниматься этим, необходимо интенсивно и стратегически продвигать их, например предоставлять долгосрочные низкопроцентные кредиты и оборотный капитал на ранних стадиях, а также продвигать высококачественный традиционный алкоголь за рубежом.

Правительством не было предпринято никаких усилий по освоению зарубежных рынков посредством пропаганды превосходства корейского традиционного алкоголя и стимуляции его продаж. Программа глобализации корейской кухни должна была бы сочетаться с политикой по продвижению традиционных алкогольных напитков, чего, к сожалению, не происходило до самого последнего времени.

До сих пор у корейского алкоголя нет международно признанного названия, не существует ни одного корейского алкогольного бренда, который бы приходил

на ум, когда кто-то говорит «корейский алкоголь». Подобно тому, как сакэ ассоциируется с Японией, водка — с Россией, а текила — с Мексикой, существует острая необходимость в разработке бренда для корейского алкоголя, который ассоциировался бы со страной.

В 2023 г. был создан Совет по поддержке экспорта корейского алкоголя с участием крупных, средних и мелких предприятий, общественных организаций и правительственных органов. Своей задачей организация ставит через 5—10 лет сделать корейский алкоголь узнаваемым и популярным во всем мире.

В 2023 г. Национальная налоговая служба выбрала предложенный советом бренд K-SUUL в качестве единого корейского алкогольного бренда, который будет применяться к алкогольным напиткам, предназначенным для экспорта, чтобы идентифицировать их как корейскую продукцию, и подготовила меры по поддержке экспорта. В соответствии с рекомендациями экспертов отрасли, совет сосредоточился на брендировании корейского алкоголя, создании взаимовыгодной экосистемы, укреплении образовательной и технической поддержки производства алкоголя и продвижении востребованных услуг, чтобы помочь корейскому алкоголю проникнуть на мировой рынок алкоголя. Национальная налоговая служба создала устойчивую систему поддержки экспорта.

Был подписан меморандум с крупными ликёро-водочными компаниями о взаимопонимании в поддержку экспорта, согласно которому они намерены продолжать поддерживать продвижение традиционных ликёро-водочных изделий мелких и средних компаний посредством совместного маркетинга, а также будут использовать корейский бренд K-SUUL, выбранный в результате общественного конкурса, в качестве экспортной этикетки для повышения осведомленности о корейских ликёро-водочных изделиях за границей. С целью облегчить использование зарубежной информации перед планированием экспорта, был опубликован сборник «Экспорт корейского алкоголя от А до Я», в котором собрана информация о рынке и правилах продажи алкоголя в 22 странах.

Для того чтобы корейский традиционный алкоголь не подвергался дискриминации на внутреннем рынке, Совет провел консультации с Министерством стратегии и финансов по подготовке к скорейшему внедрению системы «Стандартный коэффициент продаж для отечественного алкоголя и в настоящее время оказывает административную и институциональную поддержку производящим традиционный алкоголь компаниям, на долю которых приходится всего 1 % корейского рынка алкоголя, в разработке высококачественной продукции.

Если задаться вопросом, какие корейские традиционные алкогольные напитки имеют высокий шанс глобализироваться, то в первую очередь во всем мире чрезвычайно популярным становится макколи. В 2023 г. экспорт этого напитка составил 15 млн. 702 тыс. долл., что на 27,6 % больше, чем годом ранее¹. Признаком возрастающего интереса к макколи за рубежом является то, что если

¹ '우리 술' 세계화 위해 민·관 뭉쳤다...수출지원협의회' 출범 [Государственный и частный секторы объединяют усилия для глобализации корейского алкоголя... Начало работы Совета по поддержке экспорта] // 글리벌경제신문 [Международная экономическая газета], 11.04.2023. URL: <https://www.getnews.co.kr/news/articleView.html?idno=623150> (дата обращения: 01.12.2024).

раньше его называли рисовым вином или корейским сакэ, то теперь уже многие выучили собственно корейское название.

Этот популярный традиционный корейский напиток находится на пороге новых перемен, поскольку правительство изменило налоговое законодательство, чтобы позволить более широкому кругу производителей макколи выйти на рынок.

Согласно поправкам в налоговый кодекс, теперь разрешается добавление в макколи искусственных ароматизаторов и красителей, что может расширить его привлекательность как на внутреннем, так и на международном рынке.

Согласно данным Таможенной службы Кореи, объем экспорта макколи достиг пика в 15 396 т в 2022 г., но упал на 9,2 % до 13 982 т в 2023-м. В этой ситуации ожидается, что данные поправки обеспечат новый прорыв. Ранее, если в макколи добавлялись искусственные ароматизаторы или красители, он классифицировался как «другие алкогольные напитки», облагался налогом в 8—10 выше, чем обычный макколи, а использование названия «макколи» было запрещено. Теперь налог на такой макколи с ценой в 1 тыс. вон за 750 мл снизился с 246 до 33 вон, т. е. более чем на 80 %.

Корейская ассоциация макколи приветствовала эту меру, заявив, что она позволит сделать более разнообразный ассортимент макколи конкурентоспособным по цене как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

В настоящее время более половины экспортируемого рисового вина — это, по корейской налоговой классификации, «прочие напитки» с добавлением ароматизаторов и красителей. Если они получают название «макколи», которое до сих пор было им недоступно, то экспорт за границу несомненно резко возрастет.

Другим напитком, который обладает наибольшим потенциалом для глобализации традиционности, является ферментированное рисовое вино чхонджу. Оно идеально сочетается с другими корейскими ферментированными продуктами. Как сакэ и суши, как вино и сыр. Винодельческие страны смогли производить качественные вина с 1950-х годов благодаря серьезному изучению энологии и подготовке специалистов в университетах.

Известно, что нельзя произвести хорошее вино, игнорируя науку, это касается и традиционного чхонджу. Для производства рисового вина важно изучить распространение и выращивание риса, технологию изготовления качественных дрожжей, изменение его вкуса и аромата во время ферментации и созревания. К счастью, несколько университетов и национальных организаций продолжают работать над научным обоснованием традиционного чхонджу, что не может не радовать.

Некоторые старые алкогольные бренды умудряются выживать на мировой арене, включая несколько известных корейских народных дистиллятов, таких как «Андон сочжу», «Мунбэчжу», «Чиндо хончжу» и «Чечжу косорисуль». Кроме того, некоторые новые бренды сочжу традиционной дистилляции, такие, например, как Нвауо, находятся на подъеме благодаря масштабным инвестициям.

Самым известным в Корее традиционным дистиллированным алкогольным напитком, имеющий высокий потенциал для глобализации, без сомнения, является андон сочжу, известный со времён государства Корё с конца XIII в. и на-

званный по имени г. Андон в пров. Северная Кёнсан. Корпус монгольских войск, квартировавшийся в Андоне, научил корейцев перегонять рисовую брагу, в результате чего и появился этот напиток. В 1987 г. рецепт сочжу из Андона был признан нематериальным культурным достоянием пров. Северная Кёнсан. Однако, несмотря на давние традиции и выдающееся качество, продажи андонского сочжу в основном ограничиваются внутренним рынком.

Андон сочжу обладает рядом преимуществ, которые позволили ему стать известным в качестве национального репрезентативного сорта. Он имеет высокую привлекательность как наиболее аутентичная форма сочжу.

Под именем «андон сочжу» сегодня скрывается фактически несколько видов алкоголя, а именно пять марок, которые, в зависимости от используемого сырья и технологии производства, обладают своими особенностями и вкусом.

После провозглашения программы «Глобализация андон сочжу» в пров. Северная Кёнсан работает команда по глобализации андон сочжу, в результате чего его продажи на внутреннем рынке в 2023 г. достигли 16,7 млрд вон, что на 25 % больше по сравнению с 13,4 млрд вон в 2022 г., а экспорт вырос с 600 млн вон в 2022 г. до 700 млн вон в 2023-м¹.

Андонский сочжу с его 750-летним гастрономическим наследием появился на 200 лет раньше шотландского виски, и власти пров. Северная Кёнсан стремятся превратить его в востребованный на мировом рынке напиток. В качестве первого шага для этого установили стандарты сертификации качества, кроме того, ведется активная работа над конкретной стратегией по глобализации сочжу. Вскоре будет представлен фирменный стиль и единая к-бутылка, которые являются основой для ориентации на внутренний и зарубежный рынки алкоголя, чтобы подчеркнуть уникальную историю и максимизировать имидж как знаменитого напитка.

Ранее андон сочжу продавался в традиционных керамических бутылках, но согласно анализу экспертов такой брендинг имеет ограничения для стратегий глобализации, поэтому разрабатывается фирменный стиль, который может визуально выразить дифференциацию напитка с помощью модного дизайна.

Очень многим нравятся глубокие вкусы и текстуры дистиллированных спиртных напитков, и они не удовлетворены дешевым промышленным сочжу. Некоторые корейские компании пытаются возродить традиционный сочжу. Рынок остается очень маленьким, однако за последние два-три года он вырос на 100 %. Традиционные алкогольные напитки, которые в последнее время представляют Азию, — это знаменитые спиртные напитки из Китая и Японии, такие как маотай, авамори и сёту. Сочжу имеет такую же, как и они, глубокую историю, поэтому у него есть потенциал для аналогичного роста своей популярности. Возможно, это и произойдет. Наряду с усилиями по глобализации корейской кухни в XXI в. правительство и бизнес прилагают усилия по экспорту традицион-

¹ 경북도, 안동소주 세계화 1년...글로벌 명주 반열에 '성큼' [Провинция Кёнбукто, первый год глобализации андонского сочжу... «Большой шаг» к покорению мира] // 경북도민일보 [Народный вестник провинции Кёнбукто], 23.04.2024. URL: <http://www.hidomin.com/news/articleView.html?idxno=546414> (дата обращения: 01.12.2024).

ных алкогольных напитков и их дальнейшему развитию для мирового рынка. Это уже не происходит в форме общенациональных кампаний, как при военной диктатуре; тем не менее многие институты и культурные центры, специализирующиеся на алкоголе, чувствуют тот же императив и в этом духе активно продвигают отдельные бренды.

Сегодня на корейском рынке существует огромное количество очень достойных и оригинальных традиционных алкогольных напитков, которые при выполнении ряда условий, в первую очередь целенаправленной политики государства на глобализацию с учетом всех промахов и ошибок, наличия политической воли изменить сложившуюся на перекошенном внутреннем рынке алкоголя ситуацию, могут стать известными и востребованными на зарубежных рынках.

Хочется надеяться, что скоро наступит день, когда корейский традиционный алкоголь станет таким же популярным во всем мире, как и корейская кухня, и сможет завоевать сердца любителей вкусных качественных напитков. Сегодня, когда на самом пике мода на все корейское, есть шанс глобализовать хотя бы немногие традиционные алкогольные напитки, сделать их востребованными в мире, учитывая в том числе их идеальную сочетаемость со ставшей чрезвычайно популярной корейской едой. И упустить такой шанс было бы по меньшей мере глупо.

Библиографический список

- 김승호. 응답하라 우리술 [Kim Seung-ho. Отзовись, наш алкоголь] // 도서출판 깊은샘, 2022. (На кор.).
- 탁재형. 우리술 익스프레스 [Thak Jae Hyun. Экспресс-обзор по корейскому алкоголю] // 한국교육방송공사, 2022. (На кор.).
- 백종원. 백종원의 우리술 [Baek Jong Won. Корейский алкоголь от Пэк Чон Вона, 김영사, 2023. (На кор.).
- 허시명, 김재호, 류인수. 향기로운 한식, 우리술 산책 [Ho Si Myeong, Kim Jae Ho, Ryu In Su. Прогулка по ароматной корейской еде, нашему алкоголю] 막걸리 학, 2022. (На кор.).
- 이태형. 술자리보다 재미있는 우리술 이야기 [Lee Tae Hyung. Истории о нашем алкоголе интереснее, чем сама выпивка] 시대의 창, 2023. (На кор.).
- 국세청기술연구소. 국세청기술연구소 일백년사 [Научно-исследовательский институт Министерства по налогам и сборам Республики Корея. История в сто лет.] 국세청기술연구소, 2009. (На кор.).
- Ирён. Оставшиеся сведения о трех государствах (Самгук юса), перевод Ю.А. Болтач, СПб.: Гиперион, 2018.

References

- 김승호. 응답하라 우리술 [Kim Seung-ho. Please respond, our alcohol] // 도서출판 깊은샘, 2022. (In Korean).
- 탁재형. 우리술 익스프레스 [Thak Jae Hyun. Express review of our alcohol] // 한국교육방송공사, 2022. (In Korean).
- 백종원. 백종원의 우리술 [Baek Jong Won. Our alcohol from Baek Jong Won, 김영사, 2023. (In Korean).

허시명, 김재호, 류인수. 향기로운 한식, 우리술 산책 [Ho Si Myung, Kim Jae Ho, Ryu In Soo. [A walk through fragrant Korean food, our alcohol] 막걸리 학, 2022. (In Korean).

이태형. 술자리보다 재미있는 우리술 이야기 [Lee Tae Hyun. The stories about our alcohol are more interesting than the booze itself] 시대의 창, 2023. (In Korean).

국세청기술연구소. 국세청기술연구소 일백년사 [Research Institute of the Ministry of Taxes and Duties of the Republic of Korea. A hundred years of history.] 국세청기술연구소, 2009. (In Korean).

Iryon. The remaining information [about] the three states (Samguk yusa), translated by Yu.A. Boltach, Saint-Petersburg: Giperion, 2018.

Научное издание

Корееведение
№ 4(9), 2024

Редактор:	Иванова Надежда Ивановна
Редактор английских текстов:	Шкатов Данил Евгеньевич
Технический редактор:	Ширикалова Алиса Алексеевна
Верстка:	Тарасов Сергей Юрьевич
Источник иллюстрации для обложки:	Freepik

Дата публикации электронной версии	Декабрь 2024 г.
Подписано в печать	27.12.2024
Тираж	100 экз.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. Институт Китая и современной Азии РАН.

E-mail: cks@iccaras.ru

Scientific edition

Koreanology
No. 4(9), 2024

Editor:	Ivanova N.
Editor (English articles):	Shkatov D.
Technical editor:	Shirikalova A.
Layout:	Tarasov S.
Source of picture on the cover:	Freepik

Date of issue	December, 2024
Posted in Press	
Circulation	100 copy

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: cks@iccaras.ru